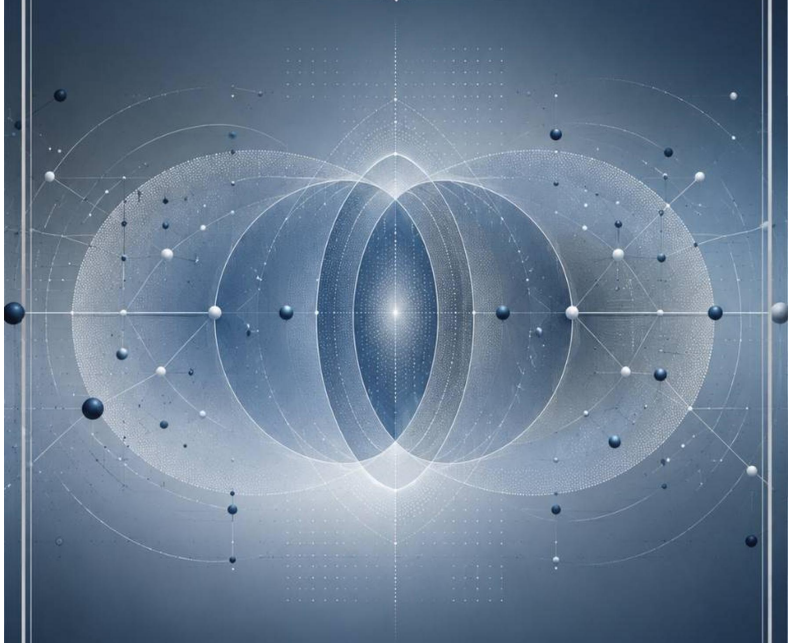
А. А. Рагимов

ДИНАМИЧЕСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ



Алигейдар Рагимов

Динамическая национальная идентичность

https://litres.ru/74288778
SelfPub; 2026

Аннотация

Монография посвящена разработке оригинальной междисциплинарной концепции динамической национальной идентичности, объясняющей механизмы формирования идентичности в условиях цифровизации. В отличие от классических моделей, противопоставляющих устойчивость и изменчивость, идентичность рассматривается как динамическая система взаимодействия личностного ядра, коллективных форм принадлежности и социальных институтов. Предлагаемая теория создаёт новую методологическую основу для исследования современных процессов самоидентификации и национальной консолидации.

Содержание

Предисловие автора 8
Введение 14
Теоретико-методологический пролог. Динамическая Национальная Идентичность как метатеоретический контур исследования 20
Концептуальные рамки исследования: Идентичность как многоуровневый конструкт — онтологические основания исследования 20
Актуальность проблемного поля и концептуально-методологический фокус: ДНИ как объяснительный контур 26
Глава 1. Эволюция концептов социальной и национальной идентичности: от примордиализма к Метамодерну 34
1.1. Концепция Negotiation как ключевой процесс в архитектонике ДНИ 43
1.2. Концепция prior: теоретико-методологические основания 51
1.3. Динамика идентификационных систем: от иерархии к сетевой гетерархии 54
1.4. Идентичность и личность в контексте исследования ДНИ: методологическое разграничение и теоретические основания 60

1.5. Терминологическое обоснование модели ДНИ: домены, измерения и страты принадлежности 87
1.6. Методологический статус квантовой метафорики в исследовании идентичности 101
1.7. Обоснование гендерно-телесного измерения: «Я — воплощённый» и «Я — Человек» 105
1.8. Методологическое обоснование фокуса на ДНИ 109
Глава 2. Структурный каркас ДНИ: домены «Я» и «Мы» 111
2.1. Методологическое уточнение: статус категории «Ты» в модели ДНИ 148
2.2. Домен «Я»: амбивалентность измерений и этические границы инженерного подхода 150
2.3. Экзистенциально-этический императив домена «Я»: онтология сопротивления 158
2.4. Эволюционно-исторические основания модели ДНИ 164
2.5. Взаимосвязь доменов: принцип диалектического взаимодействия 172
2.6. Онтология и таксономия феноменов идентичности: ипостаси и сквозные категории 177
2.7. Эвристическая ценность модели ДНИ: анализ сложных случаев идентичности 196

2.8. Научные основания нередуцируемости антропологического ядра 203
2.9. Домен «Мы»: от диады к институтам — генезис страт как полей реализации и конфликта 235
2.10. Системное взаимодействие: страты как комплексные вызовы антропологическому ядру 276
2.11. Методологическое обоснование структуры доменов: критерии отбора и статус исключённых категорий 283
2.12. Нелинейная и нечёткая природа ядра идентичности: современные научные подходы 301
2.13. Философские основания сетевой онтологии: ризоматическая модель как метаструктура ДНИ 315
2.14. Квантовая когнитивистика: от метафоры к математической модели нелинейной идентичности 324
2.15. Теоретико-методологические основания концепции ипостаси 330
2.16. От онтологии личности к проекту нации 347
2.17. Процесс формирования ипостаси как ключевой механизм динамики идентичности 353
2.18. Амбивалентная энергия диспозиций: содержательное «топливо» системы 360

саморегуляции
2.19. Нейробиологическая операционализация ипостаси: от методологического вызова к проверяемой модели 366
2.20. Коллективные ипостаси и социальное проектирование 373
2.21. Проект «Экологии Ипостасей»: методология и технологии социальной имплементации 377
2.22. Ипостась как эволюционный ответ на вызовы антропологического кризиса 383
2.23. Синтез теоретических оснований: модель ДНИ как интегративный подход 393
2.24. Процессуальная модель ДНИ: динамика и поля напряжённости 396
2.25. Институциональное опосредование Negotiation 418
2.26. Онтологические основания и институциональное опосредование ДНИ 426
2.26.1. Ипостась как оператор динамической связи «Я» и «Мы» 429
2.26.2. Диалектика «Я» и «Мы»: онтологическая взаимозависимость 432
2.26.3. Внутренняя динамика ипостасного ансамбля 434

2.26.4. ДНИ как переговорный процесс между ипостасями и доменами 436
2.26.5. Кризис идентичности как сбой в динамике ипостасей 438
2.27. ДНИ как сложная адаптивная система: принципы и механизмы трансформации 445
2.28. Онтологическое различение идентичности и ипостаси: стратегический и тактический уровни самоопределения в архитектонике ДНИ 451
2.29. Интеллект как многоуровневый ресурс ДНИ: онтология и структура 454
2.30. Патологии пространства «Я+Мы»: диагностика кризиса ДНИ 462
Конец ознакомительного фрагмента. 463

Алигейдар Рагимов
Динамическая национальная идентичность

Предисловие автора

Прежде чем вы приступите к чтению, я хотел бы определить жанр этой книги. Это не узкоспециальное исследование и не классический научпоп. Скорее, это приглашение к совместному размышлению. Изучая вопросы идентичности, я столкнулся с необходимостью авторского прочтения фундаментальных понятий — сознания, смысла, воли, аутопоэзиса. Вероятно, мои трактовки могут показаться специалистам — философам, социологам, психологам — не вполне конвенциональными, но моя цель состоит не в исчерпывающем дисциплинарном анализе, а в разработке концепции, способной связать фундаментальные теоретические категории с живым опытом осмысления себя и общества. Я убеждён, что комплексная проблема идентичности требует множества ракурсов. Наряду со строгим взглядом эксперта, важен и взгляд изнутри — попытка осмыслить эти вопросы на

стыке личного опыта и системного анализа.

Эта книга не рождалась в изоляции — она выросла из дискуссий и споров с членами моей большой семьи, друзьями и коллегами — людьми разных поколений, профессий и национальностей, живущими в разных странах. Их участие стало источником идей и гипотез, которые в итоге оформились в эту работу.

Сегодня нас объединяет общее ощущение тревоги перед глобальными переменами. Свобода слова и свобода передвижения сталкиваются с новыми барьерами, растёт напряжение между глобализацией и локальными интересами, обостряются миграционные процессы. Эти вызовы создают новые возможности, но одновременно провоцируют конфликты, к которым социальные системы оказываются не готовы.

Особую озабоченность вызывает стремительная экспансия технологий. Цифровизация, био- и генная инженерия, искусственный интеллект, роботизация формируют условия существования, не имевшие аналогов в истории. Человек всё чаще замечает, как его опыт и сама идентичность, формируемые и агрегируемые цифровыми платформами, превращаются в ресурс для извлечения прибыли в системе «капитализма наблюдения». Технологии становятся не просто инструментами, а новой онтологической средой, радикально трансформирующей человеческое бытие.

В этой среде идентичность подвергается фундаментальной пересборке, что ставит под сомнение применимость

классических теорий. Традиционные подходы, описывающие идентичность как целостную сущность, уже не охватывают новую реальность. На смену им приходит ситуация радикальной изменчивости: идентичность индивида становится дисперсной, подверженной алгоритмическому моделированию и фрагментации в digital-пространстве, формирующем замкнутые «пузыри» опыта и коммуникации. В результате подрывается сама возможность формирования общего символического пространства — основы национальной и гражданской солидарности.

В этих условиях именно национальный уровень становится главной ареной конфликта и точкой приложения основных напряжений. Здесь сталкиваются силы цифровой дисперсии и инерция исторически сложившихся форм идентичности. Он оказывается центральным узлом проблематизации и возможных решений, где проверяется сама возможность существования общего символического пространства в новых условиях.

Цифровые платформы дробят социальный опыт на разрозненные микросообщества, тогда как глобальные формы принадлежности оказываются слишком абстрактными, чтобы выполнять интегрирующую функцию. Национальная идентичность тем самым становится единственным масштабируемым уровнем, на котором возможно согласование индивидуального опыта, коллективных символов и институциональной ответственности.

Данная работа предлагает ответ на этот вызов. Идентичность нельзя свести ни к статичной субстанции, ни к бесконечно пластичному конструкту. Требуется модель, способная описать её динамическую природу. Такой моделью выступает концепция Динамической Национальной Идентичности (ДНИ). Понимая её как перманентный процесс согласования (Negotiation) между устойчивым антропологическим ядром («Я») и пластичными стратами принадлежности («Мы») под воздействием традиционных институтов и новых метаинститутов, науки и цифровой среды, данная монография обосновывает ДНИ как форму коллективной самоидентификации, которая, не отрицая хаотизирующего воздействия технологий, делает адаптивность и процессуальность своим конституирующим принципом.

По своему характеру работа является фундаментально-прикладным междисциплинарным исследованием. Такой подход обусловлен самой природой ДНИ, существующей на пересечении индивидуального и коллективного, традиционного и цифрового.

Цель монографии — не просто приращение знаний в конкретной дисциплине, а синтез идей и создание нового концептуального аппарата, способного описать сложные реальности XXI века. Современный аппарат социальных наук во многом сформирован западной традицией. Данное исследование предпринимает попытку его критической рефлексии на материале, выходящем за пределы исходного культурного

контекста. Используя методологический плюрализм, мы интегрируем инструментарий философии сознания, социологии и цифровой антропологии. Это позволяет не только анализировать процессы, но и предлагать конкретные модели и категории (такие как Negotiation «Я»—«Мы» или структурные компоненты национальной идеи), применимые к реальным кейсам — от тюркской интеграции до кризиса вестфальского суверенитета.

Новизна концепции заключается в преодолении ограничивающей дихотомии «стабильность vs. распад». ДНИ предлагает нормативный идеал и управленческий инструментарий для баланса между традицией и инновацией. Роль государства здесь трансформируется от «инженера идентичности» к «архитектору экосистемы», защищающему антропологическое ядро личности.

Предмет этой монографии — не умозрительная конструкция. Напротив, описываемые процессы находят отклик в интуитивных переживаниях многих людей, и задача данной работы — не разрыв с этим опытом, а его методологическая систематизация. Стремясь перевести стихийные ощущения в строгое поле логически связанных понятий и визуальных моделей, выстраивая прозрачный концептуальный каркас, я предлагаю оппонентам конкретные точки для дискуссии. Концепция остается открытой системой.

«Динамическая Национальная Идентичность» адресована исследователям, экспертам, политическим и культурным

деятелям — всем, кто ищет новый понятийный язык для осмысления меняющегося мира и построения жизнеспособной модели национально-гражданской солидарности в XXI веке.

Введение

Современный мир столкнулся с глубоким кризисом идентичности, который зрел в недрах перехода от модерна к позднему постмодерну и окончательно обострился под влиянием тотальной цифровизации. Классические теоретические рамки, описывающие идентичность как целостное и обретаемое образование [547] или пластичный социальный конструкт [46], оказываются недостаточно эффективными для анализа новой реальности. В условиях «капитализма наблюдения» [195] человеческое «Я» подвергается беспрецедентному давлению со стороны алгоритмических систем. Одним из проявлений этого давления могут служить алгоритмические ленты контента, которые не просто отражают интересы пользователя, но превентивно формируют его политические и культурные предпочтения, лишая идентичность автономного ядра. В результате распад традиционных институтов социализации, «текучесть» идентичности [34] и её атомизация в цифровых «фильтрующих пузырях» [805] ставят под вопрос саму возможность формирования общего символического пространства — основы национальной и гражданской солидарности.

Данная монография предлагает ответ на этот вызов в форме концепции ДНИ. В отличие от подходов, трактующих идентичность как нечто либо статичное, либо окончательно

распавшееся, наша модель основывается на диалектическом понимании этого феномена. В структуре идентичности выделяются два домена:

• Домен «Я» — устойчивое антропологическое ядро, включающее четыре измерения (гендерно-телесное, родовое, экзистенциально-верователь ное и экологическое);
• Домен «Мы» — пластичная система коллективной принадлежности, структурными элементами которой выступают четыре страты (этнокультурная, гражданская, профессиональная и сетевая).

Ключевым положением концепции является понимание ДНИ не как механической совокупности элементов, а как сложной многоуровневой системы. Её архитектура формируется в процессе перманентного взаимодействия (Negotiation), структурированного по трём взаимосвязанным уровням:

1. Микроуровень: синтез ипостасей

Процесс Negotiation между антропологическим ядром («Я») и конкретными стратами принадлежности («Мы»). Здесь внешний вызов со стороны страты инициирует внутреннюю реконфигурацию измерений ядра, в результате чего рождается ипостась — целостный и аутентичный способ бытия в конкретном коллективном контексте.

2. Мезоуровень: внутридоменная динамика

Конкуренция и Negotiation различных страт внутри домена «Мы» (например, когда профессиональная идентичность индивида вступает в противоречие с его гражданской позицией или этническими корнями) за доминирующую роль в формировании итоговой конфигурации идентичности.

3. Макроуровень: междоменное взаимодействие

Системное взаимодействие между доменом «Я» и доменом «Мы» как целостностями. Этот уровень определяет общий баланс и вектор развития идентичности в конкретном историко-культурном контексте.

Все три уровня Negotiation опосредуются воздействием социальных институтов и метаинститутов (государства, образования, цифровой среды), которые выступают основными каналами, аренами и арбитрами этих процессов.

Представленная архитектура задаёт системную рамку для дальнейшего анализа. Механизмы функционирования антропологического ядра, специфика формирования ипостасей и природа кризисных состояний системы будут последовательно раскрыты в следующих разделах работы.

Важным элементом предлагаемой концепции выступает институциональный подход. Формирование и взаимодействие различных уровней идентичности неразрывно связано

с системой социальных институтов. Каждый из них обладает специфическим потенциалом влияния на домены «Я» и «Мы», что позволяет анализировать их развитие через призму институционально-доменной матрицы.

Структура настоящей монографии сфокусирована на исследовании ключевого вектора — институционального опосредования ДНИ. Именно этот аспект представляется наиболее актуальным и методически обеспеченным для глубокого теоретического и эмпирического анализа.

Таким образом, ДНИ понимается как перманентный процесс, результат сложного динамического взаимодействия всех указанных элементов. Нормативный идеал ДНИ — это достижение баланса между устойчивостью и адаптивностью, верностью традиции и открытостью инновации, единством и многообразием.

В работе обосновывается, что роль государства в современных условиях должна трансформироваться, обеспечивать условия для диалога между институтами и защищать антропологическое ядро личности от редукционистских форм давления, прежде всего попыток свести личность к цифровому следу, набору потребительских предпочтений или жёстко заданной идеологической функции. Концепция ДНИ представляет собой не только теоретический инструмент для анализа вызовов современности, но и нормативную основу для построения жизнеспособной формы национально-гражданской солидарности в XXI веке.

В настоящей монографии рассматриваются такие категории, как идентичность, национальная идентичность, сознание и смысл. Мы обращаемся к метаматематике как форме рационального конструирования, анализируем процессы цифровизации и глобализации, опираемся на теорию опережающего отражения [16], теорию самоорганизации и нелинейных систем [341, 342], концепции сетевого общества [187], аутопоэзиса [284] и социальных систем [268]. Каждая из них представляет собой не только самостоятельную область знания, но и глубокое направление философской рефлексии с развитым понятийным аппаратом.

Цель исследования состоит не в исчерпывающем описании каждого из указанных направлений, а в использовании их теоретического потенциала для конструирования новой исследовательской рамки — модели Динамической Национальной Идентичности. Мы исходим из того, что ДНИ выступает как сложная система, интегрирующая когнитивные, культурные, социальные и цифровые измерения бытия современного человека.

В центре внимания — ядро ДНИ, представленное как диалектическое единство категорий «Я» и «Мы». Эти категории интерпретируются как системные ценности, лежащие в основании человеческого и общественного бытия, и как смысловые координаты, в которых формируются устойчивые структуры самосознания и коллективной идентичности.

Такое понимание позволяет рассматривать «Я» и «Мы»

одновременно как антропологическую константу и как динамическое поле взаимодействия между личностью, обществом, культурой и цифровой средой. Именно в этом пространстве открывается возможность сопротивления как догматизмам и тотализирующим идеологиям, так и редукционизму цифровизации. В то же время здесь возникают зоны компромисса и взаимопроникновения между человеческим смыслом и машинной рациональностью.

Каждая из рассматриваемых тем — будь то философия сознания, теория систем, культурная антропология, когнитивная нейронаука или социология цифровых процессов — представляет собой самостоятельное и обширное научное пространство, и, очевидно, в пределах одной монографии невозможно охватить всю сложность взаимодействий между гипотезой ДНИ и множеством научных традиций. Настоящая работа претендует не на окончательное решение, а на создание интеллектуальной платформы, позволяющей по-новому взглянуть на процессы самоидентификации в условиях глобальных трансформаций.

Предложенная концепция призвана занять жизнеспособное место в научном дискурсе, стимулируя развитие философской антропологии и социальных наук, а также послужить импульсом для переосмысления связи человека и цифровой цивилизации.

Теоретико-методологический пролог. Динамическая Национальная Идентичность как метатеоретический контур исследования

Концептуальные рамки исследования: Идентичность как многоуровневый конструкт — онтологические основания исследования

Любой анализ социально-политических идентичностей начинается с признания их сложной, многослойной и динамичной природы. В современной науке идентичность уже не воспринимается как монолитная сущность; она понимается как плюриверсум — совокупность взаимопересекающихся форм самоопределения индивида и группы [680, 611]. На практике это означает, что один и тот же человек одновременно существует в разных измерениях: он может ощущать

себя родителем, ребёнком, учёным, представителем этнического меньшинства и гражданином своей страны. В зависимости от социокультурного контекста эти уровни вступают в сложное взаимодействие, что определяет итоговую конфигурацию самосознания личности в конкретный момент времени.

В основе данного исследования лежит положение о том, что различные формы идентичности образуют иерархическую систему, простирающуюся от уникального личностного ядра до макросоциальных политических конструктов. Эту систему можно представить в виде цепочки наложенных друг на друга уровней:

1. Личностная идентичность — уникальный, рефлексивно осознаваемый набор характеристик, формирующий «Самость» индивида [547].

2. Социальная идентичность — часть Я-концепции, происходящая из осознания своей принадлежности к определённым социальным группам [808].

3. Коллективная идентичность — конкретная форма социальной идентичности, основанная на разделяемом чувстве «Мы», которое конструируется через общие признаки, границы, символические системы и нарративы [293].

4. Этническая идентичность — частный случай коллективной идентичности, акцентирующий миф об общем происхождении, «крови», языке и культурных практиках [426].

5. Национальная идентичность — синтезирующая форма, которая может включать этнические элементы, но в первую очередь актуализирует идею политической общности в рамках «воображаемого сообщества», часто (хотя и не всегда) привязанного к государству [15].

6. Гражданская идентичность — политико-правовое измерение национальной идентичности, основанное на лояльности государству, его институтам, законам и конституционным ценностям [683].

Критически важным для нашего подхода становится тезис о том, что эти формы не являются взаимоисключающими или расположенными на линейной шкале. В рамках исследования предлагается рассматривать их через призму нелинейной динамики, а именно — как находящиеся в состоянии суперпозиции. Это подразумевает одновременное потенциальное сосуществование различных состояний идентичности внутри одного индивида или общества [106], что радикально отличает текущую модель от классических парадигм. Подобно квантовым состояниям, та или иная идентичность может «коллапсировать» в актуальное, доминирующее положение в зависимости от контекста — социальной ситуации, политического запроса или внешней угрозы. К примеру, в условиях военного конфликта этническая или национальная идентичность может «коллапсировать» в доминирующее состояние, вытесняя на периферию профессиональные или се-

тевые самоопределения, которые до этого момента были равнозначны в суперпозиции.

Видение идентичности как многоуровневого, суперпозиционного конструкта позволяет в дальнейшем перейти к анализу ДНИ. Мы понимаем её не как простую сумму составляющих, а как уникальный и чрезвычайно релевантный случай, в котором сложность современного самосознания проявляется с особой силой. ДНИ становится моделью для изучения того, как уровни идентичности — от личностного до гражданского — конфликтуют, гибридизируются и заново складываются в сетевых и транснациональных форматах, бросая вызов традиционным представлениям о политической принадлежности и лояльности.

Необходимо отдельно оговорить методологический статус концепции ДНИ и нашу дискурсивную стратегию. На протяжении всей монографии мы описываем Динамическую Национальную Идентичность как активного субъекта (используя формулировки «ДНИ предлагает», «ДНИ позволяет» и подобные). Читателю следует иметь в виду, что за этим стоит не реификация теоретической конструкции, а сознательный приём, обоснованный классической методологической традицией.

Как предупреждал А. Н. Уайтхед [833] об «ошибке овеществления», так и Л. Витгенштейн [111] показал, что язык не просто описывает, но и конституирует реальность. Вслед за П. Бергером и Т. Лукманом [46], мы рассматриваем дис-

курс как инструмент социального конструирования. Наш подход опирается на два ключевых основания:

1. Эвристическая и педагогическая функция

Язык субъектности наглядно демонстрирует операциональные возможности модели, следуя принципу эвристической наглядности [449]. Подобно тому, как в естественных науках используют образные выражения для описания сложных систем, этот приём служит лаконичности изложения, не подразумевая буквальной антропоморфизации.

2. Теоретическая консистентность

Выбранный язык отражает понимание идентичности как динамического, процессуального феномена, обладающего собственной агентностью в духе теории структурации [678] и акторно-сетевой теории [248], где конструкты рассматриваются как актанты, оказывающие реальное воздействие на социальные отношения.

Формулировки типа «ДНИ предлагает» или «ДНИ как платформа» — это лаконичное выражение мысли: «Применение концептуального аппарата ДНИ открывает возможность…». Подобная рабочая метафора позволяет описать системные эффекты и эмерджентные свойства идентичности, избегая как реификации абстракции, так и громоздких конструкций.

В конечном счёте ДНИ — это инструмент, разработанный в традиции критической социальной теории [700] и ориентированный на практическую цель: обеспечить сохранение «человеческого в человеке» как уникального эволюционного достижения в условиях цифрового века.

Актуальность проблемного поля и концептуально-методологический фокус: ДНИ как объяснительный контур

Современный мир переживает парадоксальный момент: процессы глобализации и цифровизации, ведущие к внешней унификации, одновременно обостряют вопрос о национальной идентичности. На наших глазах происходит не её исчезновение, а глубокая трансформация — «размягчение» классических форм и появление новых, гибридных конфигураций. Исследованию ДНИ как комплексного системного объекта и посвящён наш поиск ответа на этот вызов.

При этом мы с самого начала разделяем тезис о стратегической важности гражданской идентичности (ГИ) для стабильности полиэтничных государств [476]. Обращение к ДНИ продиктовано не противопоставлением этих категорий, а стремлением понять механизмы эффективности самой гражданской солидарности.

В качестве ключевой методологической предпосылки мы принимаем положение о том, что гражданская идентичность, при всей её нормативной значимости, является производной от глубоких социально-антропологических процессов. Опыт успешных «гражданских наций» (США, Кана-

да, Австралия, Сингапур) демонстрирует: их устойчивость обеспечена не отменой национальной идентичности, а созданием её особой ценностно-мифологической формы, где гражданские принципы становятся стержнем национального мифа.

Таким образом, наша центральная гипотеза заключается в следующем: гражданская идентичность является не альтернативой национальной, а её содержательным ядром и стратегическим ресурсом. Следовательно, фокус на ДНИ позволяет исследовать не конкурирующий объект, а метауровень, на котором формируются и трансформируются все формы макросоциальной солидарности.

Это позволяет переформулировать классический вопрос «Как укрепить гражданскую идентичность?» в более системный: «Как устроен механизм ДНИ, обеспечивающий легитимацию гражданских ценностей в сложной системе коллективных “Мы”?».

Возникает закономерный вопрос: разве не гражданская идентичность является тем самым метауровнем, возвышающимся над частными принадлежностями? В нормативно-правовом и идеологическом измерениях — безусловно, да. Однако в социально-антропологической и онтологической перспективе именно ДНИ выступает метасистемой. Она описывает не столько декларируемые ценности, сколько глубинные, часто нерефлексируемые механизмы генерации «Мы», в рамках которых эти ценности наделяются эмоцио-

нальной силой и превращаются в действенные мотивы.

Если гражданская идентичность отвечает на вопрос «во имя чего мы солидарны?», то ДНИ даёт ответ на более фундаментальный вопрос: «как вообще возникает и воспроизводится эта солидарность как таковая?». Таким образом, гражданская идентичность является содержательным ядром системы, в то время как ДНИ — её «генерирующим каркасом». Для окончательного прояснения нашей позиции эти два взгляда разделены в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей идентичности: ГИ и ДНИ. Нормативный идеал vs. социально-антропологический механизм.

Критерий	Классический взгляд (ГИ как метауровень)	ДНИ как метауровень
Основной вопрос	«Во имя каких принципов существует сообщество?»	«Каков механизм генерации и воспроизводства самого чувства сообщества?»
Фокус анализа	Нормативный, правовой, идеологический.	Социально-антропологический, процессуальный, психологический.
Что первично	Рациональный договор, конституционные принципы.	Глубинные механизмы смыслообразования, «воображаемые сообщества».
Роль ДНИ	Периферийный, часто «этнический» уровень идентичности.	Универсальный механизм, в который ГИ встраивается как мощный, но частный случай.
Аналогия	Этаж здания: ГИ — верхний, объединяющий уровень.	Операционная система: ДНИ — ОС, ГИ — приоритетное приложение.

Проведённое сравнение выявляет наличие двух принципиально различных исследовательских парадигм. Традиционный нормативно-правовой подход, уходящий корнями в классическую политическую философию [474], акцентирует внимание на рациональных основаниях гражданственности. В противовес этому предлагаемая социально-антропологическая перспектива наследует традиции анализа глубинных социальных процессов [85, 15] и процессуального характера идентичности [611].

Эвристические преимущества нашего подхода заключаются в его способности объяснять устойчивость национальных идентичностей в условиях глобализационных вызовов [46], анализировать неявные механизмы формирования солидарности [541] и концептуализировать природу идентичности как постоянного становления [677].

Практическая значимость такого методологического разделения проявляется в нескольких аспектах:

• объясняет, почему формальных правовых институтов часто оказывается недостаточно для создания устойчивой солидарности [424].

• демонстрирует необходимость работы с «глубинными кодами» культуры [25, 26] и историческими нарративами [351–353].

• предоставляет аналитический инструментарий для ис-

следования кризисов идентичности в полиэтничных обществах.

Теоретическая ценность предложенной модели заключается в том, что она:

• преодолевает ложную дихотомию «гражданская vs этническая нация» [78];
• позволяет рассматривать национальную идентичность как живой процесс, а не застывшую конструкцию [132];
• интерпретирует успех стран «гражданского национализма» через адаптивные механизмы ДНИ.

Сравнительный анализ демонстрирует эвристическую ценность концепции ДНИ для изучения вызовов национальной интеграции в условиях трансформации социально-политического ландшафта [221].

Классическим контраргументом против предложенной методологии является ссылка на успешный опыт государств «гражданского» национализма (США, Канада, Австралия, Сингапур). Однако, применяя операциональную модель ДНИ, мы видим, что эти случаи не опровергают, а иллюстрируют её универсальность.

Так, американская ДНИ конструируется вокруг «американской мечты» и мифа о «плавильном котле», где Декларация независимости и Конституция выполняют ту же функ-

цию, что и этничность в иных моделях — проводят границу между «Мы» и «Они». В Сингапуре модель нации сознательно создавалась как надэтническая, где лояльность государству и ценностям меритократии выступает обязательным условием принадлежности.

Несмотря на декларируемую гражданственность, в этих обществах сохраняется мощная культурно-языковая компонента ДНИ: английский язык выступает не только средством коммуникации, но и маркером полноценной принадлежности, а нормы и нарративы англо-протестантского большинства или британского колониального наследия формируют «невидимый стандарт» интеграции [132]. Следовательно, в англосфере наблюдается не отсутствие ДНИ, а её особый ассимиляционный тип: трансформация разнородного потока иммигрантов через единый ценностно-культурный код.

Ключ к успеху таких наций заключается в целенаправленном подключении антропологического ядра («Я») к проекту гражданской страты («Мы — нация»). В отличие от моделей, центрированных на родовой или этнокультурной стратах, здесь используется механизм перенаправления энергий:

• Экзистенциальное измерение переходит в русло «гражданской религии» [43], где вера в «американскую мечту» и гражданские ритуалы (Клятва верности флагу) наделяются сакральной силой.

• Родовое измерение канализируется в лояльность к на-

ции как к «большой семье» («We the People»), где место кровных прародителей занимают Отцы-основатели [388].

В этой конструкции именно гражданско-национальная страта становится центральным элементом, подчиняющим себе остальные уровни: этнокультурная страта переводится в приватную сферу («гипотеза салата»), социально-профессиональная — легитимируется через нарратив «self-made man», а сетевая страта встраивается в рамки гражданского общества.

Опыт стран англосферы подтверждает универсальность операциональной модели ДНИ, основанной на сопряжении антропологического ядра («Я») и страт принадлежности («Мы»). Этот анализ позволяет сформулировать два итоговых вывода:

1. Антропологическое заземление. Устойчивая ДНИ невозможна без опоры на ядро личности. Гражданский проект обречён на хрупкость, если он остаётся лишь набором правовых норм и не прорастает в глубинные измерения человеческого самосознания [413].

2. Вариативность доминирования. Различие между типами идентичности заключается в том, какая именно страта «Мы» становится доминирующей. В «этнических» моделях это этнокультурный слой, апеллирующий к родовому измерению. В «гражданских» — гражданско-национальная стра-

та, которая не отменяет антропологическое ядро, а культурно реконфигурирует его, превращая гражданские принципы в эмоциональный фундамент национального мифа.

Следовательно, фокус на ДНИ является не альтернативой анализу гражданской идентичности, а исследованием фундаментального условия её возможности. Мы изучаем не «вместо», а «ради»: чтобы понять, как в разных контекстах происходит сложная работа по соединению универсального домена «Я» с конкретными проектами коллективного «Мы».

В условиях глобализации и цифровизации происходит не исчезновение национальной идентичности, а её «размягчение» и возникновение новых, гибридных конфигураций [18, 189]. В этой ситуации ДНИ выступает метауровнем, на котором формируются и трансформируются все формы макросоциальной солидарности.

Такой подход позволяет переформулировать классический вопрос «Как укрепить гражданскую идентичность?» в системную исследовательскую задачу: «Каковы механизмы ДНИ, обеспечивающие легитимацию гражданских ценностей в сложной системе коллективных “Мы”?». Именно поиску ответа на этот вопрос, раскрывающемуся через анализ структуры и динамики ДНИ в цифровой век, посвящены последующие главы настоящей монографии.

Глава 1. Эволюция концептов социальной и национальной идентичности: от примордиализма к Метамодерну

Национальная идентичность в последние десятилетия стала предметом острой научной и общественной дискуссии [15, 126]. В условиях глобализации, цифровой трансформации и роста межкультурных взаимодействий классические основания коллективной солидарности оказались под вопросом. Одни исследователи утверждают, что эпоха национальных государств подходит к концу, уступая место глобальным или локальным сообществам [42, 322]. Другие, напротив, видят в современных кризисах подтверждение того, что национальная идентичность остаётся необходимой рамкой для самоопределения [77, 470].

Почему классические теории не отвечают на вызовы XXI века

Цифровая трансформация бросила вызов самым основам человеческого «Я», поставив под вопрос его целостность и автономию [434]. Однако этот вызов обращён не только к ин-

дивидуальной, но и к коллективной идентичности. Модели, сложившиеся в эпоху модерна, сталкиваются с реальностью сетевых коммуникаций и радикального культурного плюрализма, к которым они оказались не адаптированы [132, 222].

Современные дискуссии часто поляризованы: мы наблюдаем либо предсказания конца национальных идентичностей в пользу глобального гражданства, либо всплеск национал-популизма и этнорелигиозного фундаментализма [493]. Данная глава призвана показать, что обе позиции ограничены рамками классических парадигм, неспособных описать новую, усложнённую реальность.

Проведённый ниже критический анализ эволюции ключевых концепций — от примордиализма и модернизма к конструктивизму, постмодернистскому вызову и сетевым теориям — продемонстрирует теоретическую необходимость новой синтезирующей модели. Именно такой моделью, способной преодолеть дихотомию «стабильность vs распад», выступает концепция ДНИ.

Классические парадигмы: укоренённость, проект и конструирование

1. Примордиализм: идентичность как данность

Ранние теории рассматривали национальную идентичность как естественную, изначальную данность, укоренённую в «объективных» факторах: общности «крови и почвы»,

языка, религии и культурной памяти [388, 135]. Сила этого подхода — в признании аффективной глубины национальных связей, их неразрывности с коллективной психологией и мифологией. Однако примордиализм оказывается беспомощен перед лицом таких феноменов, как успешное конструирование «новых» наций (Сингапур, США), добровольная ассимиляция или, напротив, распад внешне монолитных общностей (СССР, Югославия). Он не способен объяснить пластичность идентичности в трансформирующемся мире.

2. Модернизм: нация как продукт индустриализации

Э. Геллнер [126], Б. Андерсон [15] и Э. Хобсбаум [505] предложили революционный взгляд: нация — это не древний феномен, а результат Нового времени. По Геллнеру, нацию создала индустриальная экономика, потребовавшая стандартизированного образования и единого языка. Андерсон показал, что нации суть «воображаемые сообщества», ставшие возможными благодаря «печатному капитализму» — массовому тиражированию газет и романов, создавших у миллионов людей ощущение сопричастности. Хобсбаум дополнил эту картину механизмом «изобретения традиций» — созданием ритуалов (флаги, гимны), конструирующих иллюзию древнего единства.

Модернистская парадигма фундаментальна для концепции ДНИ, так как она артикулирует ключевую роль инсти-

тутов (образования, СМИ, армии) в формировании идентичности. ДНИ наследует этот конструктивный пафос, но переносит его в условия постиндустриального, цифрового общества. В этой новой реальности монополия государства на «конструирование» смыслов оказывается ограничена или утрачена под давлением глобальных платформ и транснациональных сетей, формирующих сложное, полицентричное поле идентичности.

Деконструкция и кризис: постмодернистский вызов

К концу XX века уверенность модернистов в линейном прогрессе и управляемости идентичности пошатнулась. Постмодернистская мысль осуществила радикальную деконструкцию самого понятия:

• Ж.-Ф. Лиотар диагностировал «недоверие к метанарративам» — универсальным идеологическим проектам модерна, утратившим статус безусловного основания для легитимации. Это затрагивает и национальные нарративы, которые традиционно обеспечивали коллективную идентичность.

• У. Бек, описывая «общество риска», показал, что глобальные угрозы подрывают национальные границы как инструмент защиты, заставляя искать транснациональные формы солидарности.

• З. Бауман, резюмируя эти процессы на рубеже веков, ввёл метафору «текучей современности», описывая переход от прочных, «твёрдых» форм идентичности к изменчивым и пластичным. Идентичность превратилась в перформативный проект, который индивид вынужден постоянно пересобирать самостоятельно.

Концепция ДНИ принимает тезис этой парадигмы о множественности и хрупкости идентичности в условиях позднего модерна. Однако наша модель предлагает не останавливаться на констатации фрагментации. Задача ДНИ — найти соответствующие эпохе механизмы сборки и устойчивости, перенося конструктивный импульс классического модернизма в современный контекст. Мы рассматриваем «текучесть» не как вердикт национальной идентичности, а как её новое агрегатное состояние, требующее иного инструментария управления для обеспечения социальной солидарности.

Современные вызовы: сети, платформы и цивилизационный ответ

Реалии XXI века добавили к этой сложной картине новые цифровые измерения.

М. Кастельс в теории «сетевого общества» показал, что идентичности всё чаще формируются в горизонтальных, де-

централизованных сетях, существующих поверх национальных границ [221, 222]. Власть в этой модели смещается от национальных государств к сетевым структурам.

Ш. Зубофф вскрыла фундаментальный экономический императив цифровой среды — логику «капитализма наблюдения» [195], согласно которой человеческий опыт, включая саму идентичность, превращается в сырьё для извлечения прибыли, подлежащее прогнозированию и модификации. Алгоритмы платформ создают «фильтрующие пузыри» [369], дробящие общее символическое пространство нации на изолированные сегменты.

С. Хантингтон, несмотря на спорность тезиса о «столкновении цивилизаций», зафиксировал важный тренд: в условиях глобализации именно культурно-религиозные, цивилизационные различия часто выходят на первый план, становясь основой для макрополитической идентичности и бросая вызов традиционным национальным рамкам [492].

В современной науке сложилась многослойная картина понимания национальной идентичности. Она рассматривается как:

- исторически сложившаяся общность (примордиализм);
- конструкция модерности (модернизм);
- множественная и текучая форма (постмодернизм);
- процесс, детерминированный глобальными рисками и цифровыми трансформациями (современные концепции).

Однако все эти подходы сталкиваются с существенными ограничениями: они либо переоценивают стабильность идентичности, либо преувеличивают её фрагментарность. Примордиализм не может адекватно объяснить динамику идентичностей в условиях глобализации. Модернизм оказывается ограниченным в постиндустриальную эпоху, а постмодернизм, точно диагностируя кризис, не предлагает конструктивных альтернатив.

Теоретический синтез: обоснование необходимости модели ДНИ

Проведённый анализ демонстрирует не столько ошибочность предшествующих теорий, сколько их частичность и историческую обусловленность. Каждая из них фиксирует значимые аспекты феномена, однако ни одна не способна предложить адекватный инструментарий для анализа и проектирования идентичности в эпоху Метамодерна, для которой характерны:

• амбивалентность устремлений: одновременная тяга к аутентичности (примордиализм) и к осознанному конструктивному проектированию (модернизм);

• дефицит общности: острая жажда коллективной идентичности на фоне тотальной фрагментации смыслов (пост-

модернизм);

• гибридность бытия: неразрывное переплетение онлайн- и оффлайн-измерений субъекта [222, 195].

Существующие подходы либо интерпретируют идентичность как статичную данность (примордиализм), либо как абсолютно пластичный конструкт (модернизм, постмодернизм), оставляя без ответа ключевой вопрос: что обеспечивает её устойчивость и преемственность в условиях перманентной трансформации? Именно этот теоретический вакуум призвана заполнить концепция ДНИ. Она предлагает не очередную идеологему, а структурно-диалектическую модель, которая:

1. Интегрирует историко-культурный фундамент (примордиализм).

2. Учитывает конституирующую роль институтов (модернизм).

3. Принимает конструктивный и множественный характер идентичности (конструктивизм и постмодернизм).

4. Адаптирована к работе в условиях сетевого общества и глобальных рисков.

5. Содержит не только аналитический, но и нормативный инструментарий для проектирования будущего национального сообщества.

Практика подтверждает: национальная идентичность, обладая базовым, укоренённым характером, сохраняет способность к постоянному обновлению — оставаясь перманентным социально-эволюционным процессом, который опирается на фундаментальные установки идентичности.

Для её осмысления необходима теоретическая рамка, соединяющая институциональное измерение (государство, право, экономика, медиа) с экзистенциальным (достоинство, вера, ответственность). Такой рамкой выступает концепция ДНИ, позволяющая преодолеть дихотомию «устойчивость — распад» и рассматривать идентичность как сложную самоорганизующуюся систему.

ДНИ позиционируется не как отрицание предшествующих парадигм, а как их синтез и диалектическое снятие (Aufhebung). Структурные элементы этой модели — антропологическое ядро, страты принадлежности и процесс переговоров (Negotiation) — будут детально раскрыты в следующих разделах.

1.1. Концепция Negotiation как ключевой процесс в архитектонике ДНИ

Термин Negotiation не является авторским неологизмом. Это устоявшаяся аналитическая категория, сформировавшаяся в русле символического интеракционизма и социального конструктивизма. Введение данного понятия в научный аппарат фиксирует отказ от эссенциалистских представлений об идентичности как о раз и навсегда заданной сущности и переход к пониманию её как динамического процесса.

В контексте архитектоники онтосознания Negotiation понимается как фундаментальный онтологический принцип — непрерывный стратегический процесс, в ходе которого разнородные смысловые конструкты (генерируемые различными модусами рационального и иррационального) подвергаются артикуляции, конфликтному согласованию и эмерджентному синтезу, формируя новые целостные паттерны.

Его универсальная природа проявляется в двух взаимосвязанных аспектах.

1. Как имманентный режим пострационального пространства (П): здесь Negotiation выступает в чистом виде — как

основной операционный механизм для разрешения внутренних кризисов адаптации через диалог и синтез противоречивых смысловых потоков.

2. Как базовый способ бытия системы на границе с иным: принцип Negotiation выходит за рамки П, становясь универсальным механизмом взаимодействия утверждённого порядка ядра с актуализируемой инаковостью — будь то новые «зеркальные» точки на границах поля или иные внешние смысловые сущности.

Negotiation включает в себя несколько взаимосвязанных процессов, образующих «петлю идентичности».

• Артикуляция — вербализация и осознание требований, потенциалов и ограничений разных измерений «Я» и страт «Мы». Это фаза рефлексивного выявления внутренних противоречий и внешних вызовов (например, артикуляция экологического сознания входит в противоречие с практиками потребительского общества).

• Согласование — поиск временного и ситуативного баланса между противоречащими друг другу идентификационными предложениями. Это не столько компромисс, сколько выработка сложной, многоуровневой позиции, позволяющей сохранить целостность «Я» в условиях множественности «Мы».

• Синтез — рождение новых, гибридных конфигураций

идентичности в поле «Я+Мы». Это креативный процесс, в результате которого возникают качественно новые формы самоопределения (например, синтез экологического «Я» и гражданско-национального «Мы» порождает феномен «экологического патриотизма»).

• Легитимация или сопротивление — финальная фаза, на которой выработанная конфигурация идентичности либо признаётся доминирующими институциональными образцами, либо вступает с ними в конфликт, порождая практики сопротивления.

В модели ДНИ Negotiation схватывает нелинейную логику процессов.

• Отсутствие единого центра управления: согласование значений и границ идентичности происходит одновременно на разных уровнях — внутри ядра «Я», между институтами и ядром «Я», между разными стратами «Мы».

• Вероятностный характер: итог является продуктом взаимодействия множества факторов, где случайность и контекст играют ключевую роль.

• Роль наблюдателя: акты идентификации («коллапс» в конкретную идентичность) часто происходят в момент взаимодействия с Другим, что перекликается с принципами квантовой механики.

• Антидогматизм: сам механизм, требующий диалога с

иным, служит барьером против тоталитаризации и догматизации, предлагая путь управления противоречиями вместо их силового подавления.

Концепт Negotiation прошёл длительную эволюцию от имплицитной идеи до полноценной аналитической категории.

• Классические истоки: Дж. Г. Мид в работе «Сознание, самость и общество» заложил фундамент, предложив модель «Self» как непрерывного диалога между спонтанным «I» и социализированным «Me»; И. Гофман в драматургической теории («Представление себя Другим в повседневной жизни») описал социальное взаимодействие как непрерывное «согласование определений ситуации», что по сути является перформативным переговорным процессом.

• Концептуализация: А. Стросс прямо ввёл понятие «переговорного порядка» (negotiated order). Он утверждал, что социальный порядок и связанные с ним идентичности не являются статичными данностями, а постоянно воспроизводятся и оспариваются.

• Современное развитие: С. Холл использовал Negotiation для описания того, как группы активно интерпретируют и оказывают сопротивление доминирующим культурным кодам; постколониальные исследования радикализировали эту идею, представив Negotiation как стратегию выживания субъекта, находящегося «между» культурами.

Используя термин «Negotiation», мы помещаем модель ДНИ в контекст развитой и продолжающей развиваться теоретической традиции. Этот концепт дает нам рабочий инструмент для анализа того, как идентичность формируется и изменяется в сложных, полицентричных обществах.

Чтобы обосновать выбор именно этого термина, мы сопоставляем его с другими ключевыми понятиями, описывающими процессы конструирования идентичности (см. Таблицу 1–1). Такое сравнение позволяет увидеть как аналитические преимущества, так и ограничения выбранного подхода и тем самым точнее определить его место в понятийной структуре исследования.

Таблица 1–1. Сравнительный анализ терминологических альтернатив концепту Negotiation.

Концепт	Ключевые авторы	Суть процесса	Ограничения для модели ДНИ
Construction	П. Бергер, Т. Лукман	Создание социальной реальности и идентичности через институционализацию	Акцент на пассивной интериоризации; недостаточный учет агентности индивида в условиях кризиса институтов.
Co-construction	К. Джерджен	Идентичность как продукт совместного социального творчества и диалога	Избыточный оптимизм; «затушёвывание» асимметрии власти и реальных социальных конфликтов.
Formation	Э. Эриксон, классическая социология	Процесс постепенного созревания и кристаллизации структуры личности	Излишняя статичность; трактовка идентичности как завершённого результата, а не процесса.
Articulation	Э. Лакло, Ш. Муфф	Связывание различных элементов в единство в поле дискурсивной борьбы	Акцент на политическом противостоянии; недостаток внимания к экзистенциальной устойчивости ядра «Я».
Becoming	Ж. Делёз, Ф. Гваттари	Непрерывное движение, изменчивость и ускользание от фиксированных форм	Трудность эмпирической фиксации; риск тотального релятивизма и потери преемственности «Я».
Negotiation*	А. Стросс, С. Холл	Постоянное, стратегическое и асимметричное согласование смыслов и границ	Может создавать иллюзию равноправности сторон в переговорном процессе

**В таблице термин «Negotiation» ограничен рамками социологического конструктивизма А. Стросса и С. Холла. Он фиксирует технологию взаимодействия, в то время как в*

модели ДНИ Negotiation рассматривается шире — как онтологический процесс актуализации личности.

Поле русскоязычных терминов, потенциально пригодных для описания процесса формирования идентичности, крайне обширно: согласование, взаимодействие, взаимообусловленность, взаимовлияние, диалог, коммуникация, координация, гармонизация, со-творчество, созидание, становление, борьба, столкновение, конфликт, противостояние, торг, сделка, синтез.

Анализировать каждый из них в отдельности не представляется необходимым, так как их семантические недостатки укладываются в несколько типичных паттернов: одни термины излишне гармоничны, другие — чрезмерно конфликтны, третьи описывают состояние, а не деятельность, либо слишком абстрактны и не передают стратегической цели процесса.

Модель ДНИ изначально носит междисциплинарный характер — она находится на пересечении социологии, политологии, культурологии и психологии. Термин «Negotiation» служит связующим звеном между этими областями: он понятен и активно используется в каждой из них. Это упрощает включение наших выводов в широкий научный контекст и позволяет использовать уже разработанные аналитические инструменты.

При этом модель учитывает накопленный теоретический

опыт осмысления данного понятия, но переопределяет его с учетом онтологического статуса ДНИ. Здесь Negotiation — это не просто форма социального или коммуникативного взаимодействия, а базовый способ существования сложной идентичности в полицентричном мире.

1.2. Концепция prior: теоретико-методологические основания

В настоящем исследовании термин *prior* (эволюционный априори) выступает ключевым элементом теоретического каркаса. Данный концепт интегрирует достижения современных эволюционных и когнитивных наук, позволяя по-новому взглянуть на процессы формирования идентичности.

Исторически понятие prior формировалось на стыке нескольких традиций:

• В байесовской статистике [417] термин обозначает априорное распределение вероятностей — то исходное знание, которое предшествует сбору эмпирических данных.

• В классической философии [148, 149, 211] разрабатывалось понятие априорных структур сознания как необходимых условий любого опыта.

• В когнитивной науке (Н. Хомский, Дж. Фодор, Дж. Тоуби и Л. Космидес) концепция трансформировалась в теорию «эволюционно сформированных когнитивных модулей» — врождённых психических структур, возникших в процессе адаптации вида.

Отказ от русскоязычных терминов продиктован их се-

мантической перегруженностью и необходимостью размежевания смыслов. «Априорный» слишком жестко привязан к кантовскому идеализму, «базовый» и «предшествующий» не передают эволюционно-генетический аспект, а «изначальный» или «архаический» акцентируют внимание на времени, а не на функции. Термин prior позволяет дистанцироваться от классических философских дихотомий, сохраняя прямую связь с современными исследованиями нейронауки [418]. Это подчёркивает операциональный характер понятия: в нашей модели это не просто «древность», а работающий программный код психики.

В рамках предлагаемой модели мы определяем prior как эволюционно сформированную структуру человеческой психики, обладающую онтологической устойчивостью и выполняющую функцию матрицы для построения идентичности.

Чтобы выделить prior в структуре идентичности, мы используем четыре критерия.

1. Эволюционное обоснование: наличие четкого адаптационного смысла (почему это было полезно для выживания вида).

2. Кросс-культурная универсальность: присутствие данной структуры во всех известных человеческих обществах.

3. Онтологическая устойчивость: способность структуры сопротивляться полному социальному конструированию (её

невозможно «отменить» простым декретом).

4. Системность: существование в тесной связке с другими prior'ами.

Использование концепции prior позволяет преодолеть традиционную дихотомию «биология vs культура» через разработку ко-эволюционной перспективы. Этот подход служит теоретическим мостом между эволюционной психологией и социологией: он объясняет устойчивые универсалии человеческого поведения, избегая как биологического редукционизма, так и крайностей социального конструктивизма.

Вводимое понятие prior составляет методологическое основание для всего последующего анализа. Оно дает нам инструментарий для исследования диалектики устойчивого и изменчивого — того, как вечные структуры человеческой природы взаимодействуют с исторически изменчивыми формами социума.

1.3. Динамика идентификационных систем: от иерархии к сетевой гетерархии

Современные социальные теории У. Бека [41, 42] и Э. Гидденса [131, 132] показывают: наши идентичности не просто соседствуют друг с другом, они образуют подвижные и сложные конфигурации.

Раньше в обществе преобладала иерархия: наши роли (например, «отец», «врач», «гражданин») выстраивались в чётком и жёстком порядке значимости [286]. Сегодня же, в обществе риска, на смену вертикали приходит сетевая гетерархия. В этой модели разные узлы нашей идентичности выходят на первый план ситуативно: в одну минуту доминирует профессиональный статус, в другую — религиозная принадлежность, в третью — гражданская позиция.

Такая сетевая структура неизбежно рождает конфликты. Противоречия между разными «Мы» создают внутреннее напряжение [438]. Кроме того, эпоха Метамодерна порождает гибриды — синтетические формы самоопределения вроде «глокализации», где местное и глобальное переплетаются в неразрывное целое.

Поскольку в работе мы будем постоянно опираться на понятие «Метамодерн», стоит прояснить его место среди дру-

гих концепций, описывающих современность.

1. Метамодерн (Metamodernism)

Наиболее признанный и содержательно точный термин для описания текущей социокультурной ситуации.

Суть: концепция строится вокруг осцилляции — непрерывного колебания между установками модерна (энтузиазм, вера в утопию, искренность) и постмодерна (ирония, деконструкция, скепсис). Метамодерн не ищет статического синтеза, а фиксирует саму динамику этого напряжения. Ключевые черты: информационный романтизм, прагматический идеализм и стратегия «реконструкции после деконструкции». Это состояние часто описывают как «новую искренность», упакованную в ироничную оболочку.

2. Дигимодерн (Digimodernism)

Фокусирует внимание на фундаментальной роли цифровых технологий в трансформации культуры и самого субъекта.

Суть: это эпоха, в которой культурные формы (от текста до нарратива) не просто транслируются, а рождаются и потребляются внутри цифровых интерфейсов. Это порождает новые социальные практики, основанные на нелинейности, интерактивности и тотальном соавторстве.

3. Альтермодерн (Altermodernism)

Акцентирует внимание на глобализации и культурной гибридизации как фундаменте обновлённого мироощущения.

Суть: на фоне кризиса мультикультурализма происходит поиск новых универсализмов, которые строятся не на западном доминировании, а на свободном переплетении локальных и глобальных потоков. Художник и субъект здесь выступают в роли «кочевников», переводящих смыслы с одного культурного кода на другой.

4. Перформативный материализм (Performative Materialism)

Концептуально значимый подход, знаменующий возврат к «реальному» после десятилетий господства текстов.

Суть: фокус исследователей смещается с дискурсивных конструкций на материальные взаимодействия и «вещи-в-себе». Термин тесно связан со спекулятивным реализмом и объектно-ориентированной онтологией, где внимание уделяется нечеловеческим агентам: экологии, технологиям и объектам.

5. Постпостмодернизм (Post-postmodernism)

Наиболее общий, описательный термин.

Суть: используется как широкий «зонтичный» концепт для обозначения всей совокупности явлений, возникших после исчерпания потенциала постмодернизма. Он констатирует смену парадигмы, не давая при этом узкоспециального

определения её внутренней механике.

В современном академическом поле именно «Метамодерн» стал самым весомым и рабочим термином для описания нашей эпохи. Другие понятия либо подсвечивают лишь частные детали (как «дигимодерн»), либо остаются слишком узкими и описательными. Поэтому в данной работе мы берём «Метамодерн» за основу, обращаясь к «дигимодерну» лишь тогда, когда нужно прицельно разобрать специфику цифровой среды.

Концепция Метамодерна [108], ценна тем, что она фиксирует не просто сдвиги в технологиях, а саму структуру современного сознания. Её суть — в осцилляции, постоянном маятниковом движении между верой в проект и ироничным скепсисом, между искренностью модерна и деконструкцией постмодерна. Именно эта двойственность представляется эвристически ценной для анализа ДНИ в цифровую эпоху.

Методологическое пояснение: концепция Метамодерна в контексте исследования

В рамках данной работы мы принимаем Метамодерн как свершившийся факт — как новую социокультурную и технологическую реальность. Мы осознаём, что термин остаётся дискуссионным, а рядом существуют альтернативы вроде «гипермодерна» или «диджитомодерна». Однако наш фокус

смещён с терминологических споров на фундаментальные процессы. Их содержание сегодня определяется научно-техническим прогрессом, который готовит почву для технологической сингулярности, тотальной цифровизации и экспансии искусственного интеллекта.

Именно эти факторы сформировали среду, для которой аппарат Метамодерна подходит лучше всего. Когда цифровая трансформация пронизывает всё вокруг, а развитие технологий ускоряется до предела, парадоксальная логика Метамодерна становится по-настоящему продуктивной.

Данная парадигма позволяет описать ключевые черты современности.

1. Осцилляция между искренностью и иронией — теперь это адаптивная стратегия в мире информационной перегрузки и фрагментированного сознания.

2. Возврат к метанарративам — после эпохи постмодернистской деконструкции снова возникает интерес к большим смыслам, но уже на новой, рефлексивной основе, продиктованной вызовами сингулярности.

3. Нелинейные модели идентичности — они приходят на смену жёстким структурам, соответствуя сетевой логике цифрового общества и алгоритмам социальных пространств.

4. Новые формы коллективности — гибридные сообщества, возникающие на стыке «цифры» и физического мира под влиянием платформ и медиа.

Перспектива технологической сингулярности даёт Метамодерну особый потенциал. Он позволяет анализировать, как меняется наше «Я» в условиях радикального ускорения прогресса и формирования гибридной, человеко-машинной реальности. Метамодерн здесь выступает как культурная логика, где конформизм и консюмеризм, доведённые до предела, переплетаются с цифровизацией, пронизывающей всё бытие личности.

Таким образом, выбирая Метамодерн в качестве рабочей модели, мы фокусируемся на тех аспектах реальности, которые находят в нём самое последовательное объяснение. Это фундамент для анализа того, как трансформируется идентичность в условиях технологической революции.

1.4. Идентичность и личность в контексте исследования ДНИ: методологическое разграничение и теоретические основания

Исследование ДНИ требует предельно чёткого разграничения базовых категорий. Фокус на идентичности, а не на личности, продиктован не случайным предпочтением, а фундаментальным теоретическим различием, уходящим корнями в историю философской и социологической мысли.

Хотя обе категории занимают центральное место в науках о человеке, их смешение порождает методологическую путаницу. Настоящий раздел призван провести концептуальное разведение этих конструктов, что позволит строго обосновать предмет нашего исследования.

Личность как онтологическое единство

В классической традиции, от Боэция с его определением личности как «индивидуальной субстанции разумной природы» до трансцендентализма И. Канта, понятие личности неразрывно связывалось с автономной волей и моральным законом. Кант утверждал, что личность делает человека «це-

лью самой по себе», не позволяя сводить его к средству. Эту линию продолжил персонализм XX века [298, 523], где личность рассматривалась как уникальный центр духовных актов, трансцендирующий любые внешние определения.

Экзистенциалистская парадигма в лице Ж.-П. Сартра добавила к этому понимание личности не как данности, а как проекта, который постоянно создаёт себя через акты свободного выбора [371, 372]. Таким образом, личность отвечает на вопрос «кто есть человек?» в его экзистенциальной полноте и сингулярности.

Идентичность как процессуальный конструкт

В отличие от целостной личности, идентичность по своей природе плюральна и контекстуальна. Если личность — это онтологическое единство, то идентичность — это совокупность смысловых конструктов, через которые индивид или группа отвечают на вопрос: «Кто мы в данном социальном контексте?».

Э. Эриксон в своей психосоциальной теории доказал, что идентичность — это не статичное состояние, а динамическая, незавершённая структура, формирующаяся через серию кризисов [547]. В современной же социологии [34, 131] идентичность и вовсе утратила былую устойчивость, превратившись в «кочующий» проект, который постоянно пересматривается в условиях «текучей современности».

Ключевой тезис раздела

В настоящей работе исследуется не личность как таковая, а социальные и технологические условия, в которых личность вынуждена конструировать и поддерживать одну из своих ключевых идентичностей — национальную.

Именно процессуальный характер идентичности делает её идеальным объектом для анализа ДНИ. Мы рассматриваем не «застывшее ядро» человека, а живой процесс самоопределения в цифровой и метамодернистской реальности.

Ключевыми характеристиками идентичности, которые окончательно отделяют её от монолитного понятия личности, выступают:

• Ситуативность. Как убедительно показал И. Гофман в рамках своего драматургического подхода, индивид не несёт в себе застывшую идентичность, а актуализирует разные аспекты своего «Я» в зависимости от социальной «сцены» и аудитории [138].

• Нарративность. Согласно П. Рикёру, идентичность существует через рассказывание историй о себе. Она удерживается в постоянном напряжении между idem (самотождественностью, тем, что неизменно) и ipse (самостью, тем, что меняется в процессе жизни) [351].

• Диалогичность. В теоретическом осмыслении М. Бахтина сознание и идентичность всегда «находятся на границе». Они не принадлежат индивиду единолично, а порождаются только в диалоге с Другим [36].

• Рефлексивность. Как подчёркивал Ю. Хабермас, идентичность — это не пассивное принятие ролей, а способность субъекта критически осмыслять и осознанно изменять свои идентификационные конструкции [475].

В методологии нашего исследования мы исходим из чёткого разграничения: личность понимается как интегральная и морально ответственная основа человеческого бытия, тогда как идентичность — как совокупность ролей и нарративных масок, которые человек принимает во взаимодействии с социумом.

Именно этот процессуальный и контекстуальный характер идентичности делает её центральной категорией для нашего анализа. В отличие от онтологической целостности личности, идентичность позволяет изучать формирование и Negotiation национальной принадлежности в нестабильных условиях современности. Следовательно, ДНИ исследуется нами не на уровне индивидуальных психологических портретов, а как коллективный процесс, разворачивающийся в пространстве публичных дискурсов, институциональных практик и цифровых коммуникаций.

Для систематизации этого анализа и выявления тонких

различий между двумя конструктами целесообразно обратиться к сравнительному мультидисциплинарному анализу (Таблица 1–2).

Таблица 1–2. Мультидисциплинарный анализ «личности» и «идентичности».

Критерий сравнения	Личность (Personality)	Идентичность (Identity)	Общее и взаимосвязь
Сущностное определение	Устойчивая структура свойств, черт и внутренних инстанций (Фрейд, Оппорт). В философии — онтологический статус индивида (Хопкинс).	Субъективно переживаемое и социально конструируемое чувство самотождественности (Эриксон). Не вещь, а способ бытия или нарратив (Рикёр).	Оба понятия описывают устойчивость «Я». Личность — это то, что есть (субстанция), идентичность — то, кем человек себя знает и делает (проект).
Ключевые авторы и теории	З. Фрейд (структурная модель), Г. Оппорт (диспозициональная теория), Б. Скиннер (бихевиоризм).	Э. Эриксон (психосоциальная теория), Дж. Мид (интеракционизм), А. Тэшфел (теория социальной идентичности).	Хайдеггер проблематизирует оба понятия. Эриксон связывает их, выводя идентичность из психосексуального развития личности.
Детерминация и источники	Биосоциальная и психическая: врожденные влечения, темперамент, интрапсихические конфликты.	Социальная и экзистенциальная: взаимодействие с другими, групповое членство, осознанный выбор и проект.	Детерминация личности выглядит более «объективной» (биология), тогда как идентичность формируется в поле свободы и интерпретации.
Временной аспект	Стабильность, непрерывность, устойчивость. Прошлое (детские травмы, фиксации) определяет настоящее.	Динамика, кризис, текучесть, проект. Настоящее конструируется через образ будущего и переосмысление прошлого.	Личность во многом — продукт прошлого. Идентичность — процесс в настоящем, ориентированный на будущее.

Норма и патология	Патология: невроз, психоз, расстройство личности как дисфункция структуры или черт.	Патология: кризис идентичности, диффузия, неподлинное существование.	Патология личности — это поломка механизма. Патология идентичности — потеря смысла и направления.

В таблице представлены лишь ключевые исследователи и подходы. Она носит демонстрационный характер и служит ориентиром в поле изучаемых понятий.

Как следует из таблицы, понятие личности раскрывается в двух основных плоскостях. В психоанализе З. Фрейда личность предстаёт как арена борьбы бессознательных инстанций (Ид, Эго, Супер-Эго) [457], тогда как бихевиоризм Б. Скиннера [383] сводит её к совокупности наблюдаемых реакций на внешние стимулы. В противовес этому, философская традиция — от Боэция до современных авторов вроде Д. Хопкинса — понимает person как фундаментальный онтологический статус «индивидуальной субстанции разумной природы». Это то, что составляет нашу основу, наш неизменный человеческий стержень.

Идентичность: от социальной роли к экзистенциальному проекту

Если работы Э. Эриксона [547] и Дж. Мида [287] описывают, как идентичность выстраивается в диалоге с соци-

умом, то М. Хайдеггер совершает в этой теме радикальный поворот. Для него подлинная самость — это не набор социальных масок, а способ бытия, при котором человек, осознавая свою конечность, проецирует себя в будущее [484]. Идентичность здесь — не застывший ответ, а постоянное вопрошание; не состояние, а событие.

Развивая эту линию, П. Рикёр вводит важнейшее разграничение между двумя типами тождества:

• Idem-тождественность (самость как постоянство характера) — это то, что сближает нас с понятием «личности» и её устойчивыми чертами.

• Ipse-тождественность (самость как самосозидание) — это нарративная идентичность, которая рождается и пересобирается в процессе рассказа человека о самом себе [351].

Именно это деление на «неизменное» и «рассказываемое» позволяет нам увидеть, как национальная идентичность превращается из формальной анкетной строки в динамичный нарратив.

Антропологические уровни: «Я-Человек» и «Я-Личность»

В рамках предлагаемой концепции необходимо ввести фундаментальное разграничение между «Я-Челове-

ком» (Anthropos-Self) и «Я-Личностью» (Persona-Self). Это позволит нам преодолеть традиционное смешение биологических и социальных аспектов и операционализировать те различия, о которых шла речь выше.

«Я-Человек» (Anthropos-Self) представляет собой биосоциальный универсум — онтологический носитель человеческой природы. Это система видовых свойств Homo sapiens, сформированная в процессе длительной эволюции. Данный уровень — глубинная, досоциальная основа идентичности, своего рода «онтологическое условие возможности». «Я-Человек» — это «сырая глина» человеческого бытия, потенциал, который ещё не обрёл конкретную социальную форму.

«Я-Личность» (Persona-Self) — это социокультурный конструкт. Это конкретная, исторически и культурно обусловленная форма, которую принимает пластичное ядро «Я-Человека» в процессе социализации. Здесь мы имеем дело с уровнем социальной реализации — эмпирически наблюдаемой идентичностью, включающей в себя совокупность ролей, ценностей и институциональных идентификаций.

Диалектика «Я» и «Мы»: от структуры к процессу

Проведённый анализ может породить вопрос: не являются ли «Я» и «Мы» единой основой как для личности, так и для идентичности? Такая постановка вопроса правомерна,

однако она требует уточнения, позволяющего избежать концептуального смешения.

«Я» (антропологическое ядро) и «Мы» (страты принадлежности) не тождественны, но представляют собой два неразрывных и взаимопредполагающих полюса единого диалектического процесса конституирования человеческого бытия. Их взаимосвязь определяется следующими положениями.

1. Они имеют единый онтологический источник — воплощённое, социальное и историческое существование человека. Вне этого контекста ни «Я», ни «Мы» немыслимы [484, 285].

2. При этом они выступают разными модусами проявления этого источника:

• Для личности доминирующим модусом является «Я» как центр автономии, свободы, ответственности и уникальности. «Мы» здесь выступает фоном и материалом для самоосуществления.

• Для идентичности доминирующим модусом становится «Мы» как источник социальных значений, ролей и схем признания. «Я» в данном случае функционирует как пункт приёма, переработки и актуализации этих социальных предложений.

Личность и идентичность — это не разные сущности, а два ракурса, в которых мы рассматриваем человека-в-мире.

Они используют одну и ту же «сырую реальность» («Я» + «Мы»), но проецируют её на разные плоскости:

• Личность фокусируется на экзистенциальном и моральном выборе человека.

• Идентичность отвечает за социальную коммуникацию и чувство принадлежности.

Следовательно, «Я» и «Мы» образуют единое поле, которое, в зависимости от фокуса исследователя, раскрывается либо как личность (через призму «Я»), либо как идентичность (через призму «Мы»). Именно в этом диалектическом единстве и заключается ценность модели ДНИ. Она позволяет анализировать живой процесс: как коллективное («Мы») становится личностно значимым, а индивидуальное («Я») — формирует общество.

Фундаментальное разграничение между человеком и личностью находит своё драматическое подтверждение в феномене «детей-маугли». Индивид, биологически принадлежащий к виду Homo sapiens, несёт в себе потенциал «Я-Человека» — пластичное нейробиологическое основание для разума, языка и социальности. Однако, если в критический сензитивный период развития такой индивид оказывается вне человеческой среды, процесс его социализации обрывается.

В результате потенциал «Я-Человека» не наполняется социально-символическим содержанием (языком, ценностя-

ми, ролями) и не кристаллизуется в полноценное «Я-Личность». Такой индивид может обладать элементарной субъектностью и характером (что соответствует idem-тождественности), но у него отсутствует рефлексивная и диалогическая идентичность (ipse-тождественность), которая конструируется только в диалоге с социумом. Его страты принадлежности («Мы») формируются не к человеческому сообществу, а к тому биологическому миру, который его воспитал. Таким образом, пример Маугли — это крайняя иллюстрация нашей модели: он доказывает, что «Я-Личность» не предзадана биологически, а является результатом успешной интеграции антропологического ядра в ткань культуры.

Граница между личностью и идентичностью пролегает в точке их объективации для Другого. В модели ДНИ это не глухая стена, а подвижная мембрана процесса Negotiation, где «Я» постоянно продуцирует импульсы аутентичности, смысла и свободы, а «Мы» предлагает готовые рамки, роли и языки.

В точке их встречи — в зоне постоянных «переговоров» — и происходит кристаллизация идентичности. Личность «переходит» в идентичность именно здесь, переводя уникальность внутреннего опыта на социально понятный язык нации, профессии или поколения. Этот переход обратим: в моменты интимного общения или глубокой рефлексии идентичность может вновь «раствориться» в личности, чтобы быть переосмысленной.

Переход «личность → идентичность» случается в момент социальной интеракции. Если личность — это потенциал и внутренний монолог, то идентичность — это его актуализация в диалоге с внешним миром. Граница между ними — это порог публичности, где наше самоощущение облекается в узнаваемые маски и нарративы, чтобы быть увиденным и, что самое важное, признанным другими.

В этой работе мы исследуем не личность как таковую, а те социальные и технологические условия, в которых она вынуждена строить и защищать свою национальную идентичность.

Методологические приоритеты исследования ДНИ

Проведённый анализ — это не просто теоретическое упражнение, а фундамент нашего методологического выбора. Главный аргумент здесь прост: в отличие от личности, идентичность рождается, живёт и меняется именно в обществе.

Безусловно, вопросы личности заслуживают отдельного глубокого разговора, но они выходят за рамки нашей работы. Мы рассматриваем ДНИ как феномен социальный, государственный и политический. Этот подход диктует нам следующие приоритеты.

1. От психики к социуму. Личность изучает то, что происходит «внутри» (интрапсихические процессы). ДНИ же — это коллективный феномен. Её изучение лежит в плоскости того, что происходит «между» людьми: в публичном пространстве, в СМИ, в школьных учебниках и политических спорах. Именно там конструируется наше общее «Мы».

2. Государственный масштаб. Мы помещаем ДНИ в контекст национальных государств, где она служит ресурсом солидарности. Более того, нас интересует, как идентичность меняется в наднациональных союзах. Анализировать влияние таких институтов на человека можно только в том случае, если мы смотрим на идентичность как на социальный конструкт, а не на черту характера.

3. Динамика против статики. Личность относительно стабильна, тогда как ДНИ по определению пластична. Она мгновенно откликается на кризисы, миграцию и геополитические сдвиги. Эта способность меняться в ответ на вызовы времени и делает её центральным объектом нашего изучения.

4. Идентичность как проект. Мы работаем в русле социального конструкционизма. Для нас идентичность — это не паспортные данные, данные раз и навсегда, а постоянно пересматриваемый нарратив, живой политический проект, за который борются разные силы в обществе.

Синтез психологии, философии и антропологии показы-

вает фундаментальную двойственность человека: мы одновременно и объект с набором свойств (личность), и субъект, который активно строит свою жизнь (идентичность). Разграничение «Я-Человека» и «Я-Личности» позволяет закрепить этот баланс, определив биологический базис и социальную форму нашего «Я».

Таким образом, фокусируясь на идентичности и её воплощении в «Я-Личности», мы сознательно выбираем динамичный и коллективный уровень бытия. Это даёт нам право анализировать, как консолидируется или рассыпается общество, как формируются образы «своих» и «чужих» и как история переосмысливается в новых межгосударственных условиях.

Разведение понятий «личность» и «идентичность» и введение категорий «Я-Человек» / «Я-Личность» служит нам не только теоретической ясности, но и строгому очерчиванию предметного поля. Вопросы личности остаются важнейшими для понимания человека, но они принадлежат к иному концептуальному пространству, тогда как наша задача — исследовать пространство коллективных идентичностей в его непрерывной динамике.

Таким образом, в методологии данного исследования принимается следующее рабочее разграничение: личность понимается как интегральная, морально ответственная основа человеческого бытия, тогда как идентичность — как совокупность ситуативных, социально сконструированных и

нарративно оформленных ролей и масок, которые эта личность принимает в процессе взаимодействия с обществом. Именно этот процессуальный, плюралистический и контекстуальный характер идентичности как социального феномена, в отличие от онтологической целостности личности, делает ее центральной категорией для анализа формирования, трансформации и Negotiation национальной принадлежности в сложных условиях современности.

Следовательно, ДНИ исследуется не на уровне индивидуальных психологических портретов, а как коллективный процесс, протекающий в пространстве публичных дискурсов, институциональных практик и цифровых коммуникаций.

Проведенное разграничение между личностью и идентичностью позволяет выявить два различных, но взаимосвязанных модуса взаимодействия индивида с социальными институтами. Если взаимодействие "Идентичность ↔ Институты" происходит в логике социализации, легитимации и принятия/отвержения предлагаемых ролей, то взаимодействие "Личность ↔ Институты" разворачивается в иной, экзистенциально-ценностной плоскости [41, 475].

Личность вступает во взаимодействие с институтами не как носитель ситуативных масок, а как целостный, морально ответственный субъект. Это взаимодействие определяется фундаментальными экзистенциальными запросами личности:

• Стремление к аутентичности — соответствию жизни собственным глубинных ценностям, а не только внешним предписаниям [484].

• Потребность в трансценденции — преодолении себя и нахождении смысла, выходящего за рамки утилитарных задач [557].

• Свобода как возможность осуществлять экзистенциальный выбор, не детерминированный исключительно институциональной логикой [371, 372].

Потенциал конфликта, его природа и механизмы разрешения

В условиях современного сложного общества конфликт между процессами «Личность ↔ Институты» и «Идентичность ↔ Институты» не только возможен, но и неизбежен. Его суть кроется в коллизии между внешней социальной эффективностью и внутренней экзистенциальной состоятельностью. Этот конфликт может принимать несколько ключевых форм.

1. Легитимность против аутентичности. Институт предлагает идентичность, которая одобряется обществом и помогает успешно интегрироваться. Однако её принятие может требовать от человека подавления глубинных ценностей

или творческих импульсов. Это рождает чувство «экзистенциального предательства» самого себя (Р. Лэнг).

2. Функциональность против смысла. Сконструированная институтом идентичность может быть безупречной с точки зрения прагматики и карьеры. Но личность при этом испытывает «экзистенциальный голод», ощущая пустоту и бессмысленность своих социальных ролей. Это именно то, что В. Франкл называл «ноогенным неврозом» — страданием от утраты смысла жизни [456].

3. Императив против свободы. Когда институциональное давление становится слишком интенсивным, оно начинает восприниматься как посягательство на само ядро личности, на её право быть «целью самой по себе» [208, 209]. Результатом такого давления становится либо внутренний бунт и отчуждение, либо полная дезинтеграция «Я» [464].

Разрешение этого глубокого конфликта невозможно найти через простой выбор между «личностью» и «идентичностью». Его преодоление требует полной трансформации самого характера их взаимодействия. Мы выделяем три пути такого решения:

1. Рефлексивное опосредование. Личность перестаёт быть пассивным потребителем институциональных схем. Она начинает рефлексивно перерабатывать их, пропуская через фильтр собственной системы ценностей. В этом случае иден-

тичность становится не навязанным шаблоном, а осознанным выбором [41, 131].

2. «Экзистенциальная сборка» (Negotiation на метауровне). Это наиболее зрелая форма взаимодействия. Здесь личность сознательно отбирает и вплетает элементы разных идентичностей в единую, но открытую историю о самой себе. Такая «сборка» служит воплощению уникального жизненного проекта человека [351].

3. Трансценденция через идентичность. В идеальном сценарии идентичность перестаёт быть маской, за которой личность прячется от мира. Напротив, она превращается в инструмент самоосуществления и выхода за собственные пределы [282, 456].

Таким образом, модель ДНИ с её структурой «Ядро (Я) ↔ Страты (Мы)» и центральным процессом Negotiation даёт нам концептуальный аппарат для анализа не только большой политики. Она позволяет увидеть настоящую экзистенциальную драму — то, как человек пытается сохранить свою целостность и аутентичность в мире могущественных социальных институтов.

Negotiation как механизм актуализации и стратегия делегирования

Процесс Negotiation играет ключевую роль в том, как по-

тенциал личности превращается в реальные поступки и формы социального бытия. В рамках нашей модели это не просто инструмент адаптации к среде, а фундаментальный экзистенциальный механизм. Через него человек реализует свою свободу и ответственность в социальном мире [131, 132, 371].

В этом контексте Negotiation:

1. Служит инструментом самообнаружения. Сталкиваясь с лавиной институциональных предложений, личность вынуждена рефлексировать: что из этого резонирует с её «Я», а что — нет [413].
2. Оформляет выбор. Каждый акт Negotiation — это микровыбор, в котором человек утверждает одни ценности и отвергает другие, фактически созидая самого себя.
3. Переводит возможности в действительность. Внутренние устремления остаются абстракцией без поля для реализации. Negotiation с институтами и дискурсами предоставляет такое поле, превращая туманные таланты в конкретные проекты и формы принадлежности [21].

Конфликт между личностью и институтами, о котором мы говорили выше, — это не патология, а «топливо» для роста. Именно напряжение между желанием быть эффективным в обществе и стремлением остаться собой заставляет человека

не просто выбирать из готового, а творить новые, уникальные конфигурации «Я» и «Мы».

Механика делегирования: когда идентичность замещает личность

Может ли личность «передать полномочия» своей идентичности? Такое делегирование не просто возможно — это одна из основных функций психики. Идентичность забирает на себя часть нагрузки, позволяя личности эффективно функционировать [46].

Когда и зачем происходит делегация:

• При освоении ролей: на этапе социализации идентичность берет на себя задачу структурирования базового поведения.

• В ситуации неопределённости: в сложных условиях личность активирует готовые шаблоны (социальные сценарии), чтобы быстрее ориентироваться и реагировать [206].

• Для защиты от тревоги: идентичность предлагает готовые ответы на вопросы о смысле жизни через сопричастность группе, оберегая нас от экзистенциального вакуума (И. Ялом).

Однако здесь кроются и ловушки. Такая временная «пе-

редача прав» идентичности может превратиться в постоянную уступку (реификация), привести к потере контакта с собственными потребностями (отчуждение по Э. Фромму) или создать конфликт между разными ролями.

Зрелая личность умеет сохранять дистанцию. Она использует свои идентичности как инструменты, а не как клетки. Ключ к этому — постоянная проверка своих ролей на соответствие глубинным ценностям и осознанное использование масок без полного слияния с ними.

Таким образом, делегирование полномочий идентичности — это не уход от ответственности, а стратегия психосоциальной адаптации, позволяющая личности эффективно функционировать в сложном социальном мире.

Индивидуум как категория модели ДНИ: необходимость, определение и теоретическое значение

Разграничение между личностью и идентичностью позволяет выявить различие между онтологическим субстратом человеческого бытия и процессуальным феноменом его социального оформления.

Личность («Я — Человек») — это до-социальное основание бытия, целостное, морально ответственное существо, обладающее свободой и уникальным внутренним миром (Боэций, Кант, Хайдеггер).

Идентичность («Я — Личность») — совокупность ситуативных, социально сконструированных ролей и нарративов, через которые личность отвечает на вопрос: «Кто я в данном контексте?» (Эриксон, Рикёр, Бахтин).

Однако анализ кризиса современных макросистем управления (либеральных, бюрократических, технократических), парадоксов индивидуализма в обществах-проектах и вызовов цифровизации обнаруживает концептуальную недостаточность этой дихотомии. Процессы «редукции личности» и «экзистенциального отчуждения» (Бергер, Лукман, Гофман, Фромм) требуют введения третьей категории — индивидуума.

Индивидуум — это онтологически нагруженная категория, обозначающая редуцированную форму личности, при которой её идентичность отчуждена от онтологического ядра домена «Я» и существует как внешняя, формально управляемая конструкция. В индивидууме домен «Мы» тотально доминирует над «Я», а само «Я» редуцировано до набора внешних характеристик (прав, статусов, метаданных). Индивидуум сливается со своими социальными ролями: он есть то, что зафиксировано в документах или классифицировано государственными алгоритмами.

Несмотря на общий корень (лат. individuum — неделимое), их онтологический статус принципиально различен.

• Индивид в классической традиции (от Цицерона до пер-

соналистов XX века) — онтологически нейтральное обозначение единичного представителя человеческого рода, «человека как единицы». Это фактическая данность, которая просто фиксирует партикулярность бытия.

• Индивидуум в модели ДНИ — результат деструктивного процесса редукции личности к функции, «человек как объект».

Если использовать техническую аналогию, то индивид соотносится с индивидуумом как нейтральный «канал» (инженерное русло) с «канализацией» (системой принудительного отвода и управления потоками). Индивид просто есть по природе, индивидуум — становится в результате системного давления.

В терминах архитектоники ДНИ возникновение индивидуума описывается через два взаимосвязанных процесса.

1. Чрезмерная делегация. В ходе социализации личность уступает идентичностям часть экзистенциальных функций (целеполагание, смыслообразование). При гипертрофии этого процесса временная роль замещает собой эго-дистанцию, порождая отчуждение.

2. Блокировка Negotiation. Когда диалог между доменами «Я» и «Мы» блокируется, институты превращаются из пространств согласования в зоны императивного принуждения. Процесс Negotiation замещается односторонней адаптацией,

превращая идентичность во внешнюю, неоспариваемую догму.

Категория «индивидуум» позволяет эксплицировать ключевые аномалии современной социально-политической реальности.

Парадокс обществ-проектов (США, Канада, Австралия). В обществах, лишённых глубоких исторических родовых структур, индивидуализм изначально развивался в ослабленном онтологическом поле (Hartz, Jehlen). Высокий уровень атомизации здесь — это не триумф личности, а доминирование индивидуума, где домен «Мы» функционирует исключительно как прагматичный договор автономных, деонтологизированных единиц.

Парижско-европейский парадокс. В Европе личность исторически ковалась через конфликт с родовыми, сословными и религиозными структурами. Когда радикальный секулярный либерализм демонтировал эти укоренённые слои, европейская идентичность вошла в затяжной кризис. В американских обществах-проектах индивидуум изначально выступал базовой матрицей, поэтому цифровая редукция протекает там менее болезненно — ввиду отсутствия глубоких до-рациональных слоёв, подлежащих разрушению.

Парадокс универсальной уязвимости перед цифровым управлением. Классический либерализм исходно конструировал своего субъекта через процедурные редукции: у Дж.

Локка личность замкнута на сознание и память, у И. Канта — на автономную волю как субъект универсального морального закона. Онтологическое ядро личности (гендерно-телесное, родовое, экологическое, верователь ное измерения) выносилось за скобки. Либеральная модель построила систему на индивидууме (формальном носителе прав), но декларировала его как личность. В цифровую эпоху, когда алгоритмы начинают управлять этой формальной проекцией, обнаруживается, что «свобода личности» в рамках данной системы была иллюзией — оцифровке и координации подвергся полностью прозрачный индивидуум.

Фокус исследования на либеральной модели продиктован методологическими соображениями. Либерализм — доминирующий онтологический нарратив модерна, задающий глобальный язык легитимности, перед которым вынуждены определяться авторитарные или традиционалистские системы (Habermas, Fukuyama). При этом либеральный случай наиболее репрезентативен: если авторитарные режимы редуцируют человека к функции открыто, то либеральная система осуществляет производство индивидуума под прикрытием институтов свободы, делая замену экзистенциального процедурным латентным и тотальным.

Таким образом, триада «личность — идентичность — индивидуум» восстанавливает аналитическую строгость архитектоники ДНИ. Она позволяет точно специфицировать формального субъекта цифрового администрирования и

обосновать необходимость альтернативной антропологической модели, удерживающей нередуцируемое ядро личности.

1.5. Терминологическое обоснование модели ДНИ: домены, измерения и страты принадлежности

Анализ ДНИ требует точного аппарата, способного отразить архитектонику идентичности. Нам нужны термины, которые передадут качественное различие между уровнями системы и одновременно покажут их внутреннюю сложность. Выбор понятий «домен» и «измерения» здесь концептуально обоснован.

Обоснование термина «Домен» (Domain)

Мы используем термин «домен» для обозначения высших, системообразующих уровней идентичности («Я» и «Мы»). Этот выбор обусловлен следующими факторами.

Теоретические прецеденты. П. Бурдьё использовал понятие «поле» (champ), описывая автономные пространства со своими законами. Понятие «домена» развивает эту логику. В социологии знания [274, 275] оно обозначает крупные когнитивные системы, а в кросс-культурной психологии [281] — фундаментальные модели самости.

1. Этимология и значение

Происходя от латинского dominium (владение, сфера влияния), в современном языке «домен» означает крупную, целостную область со своими законами и границами.

2. Суверенность

Домены «Я» и «Мы» — это не просто наборы элементов, а полноценные «сферы бытия», каждая из которых живёт по своей логике.

3. Качественное различие

Термин подчёркивает, что это не просто соседние уровни, а принципиально разные «царства», между которыми идёт непрерывный процесс Negotiation.

4. Структурность

Домен не является монолитом — он предполагает внутреннюю сложность, которую мы раскрываем через «измерения».

Содержательная специфика домена «Я» раскрывается через его измерения. Мы понимаем их как следующие сущности.

• Антропологические константы. Это нередуцируемые основания человеческого бытия, общие для всех: телесность,

родство, поиск смысла, связь с природой.

• Субъективные плоскости самоопределения. Они отвечают на вопросы «Кто я?» и «Откуда я?» изнутри, через фильтр личного опыта и рефлексии.

• Оси становления индивидуальности. Слово «измерения» подчёркивает их глубину и многогранность; личность здесь не плоская картинка, а объёмный феномен.

К онтологическим измерениям домена «Я» необходимо добавить ещё один нередуцируемый полюс — Сверхрационально-Онтологический горизонт (С-О). Это трансцендентный ценностно-смысловой горизонт, интенциональный вектор, чистое тяготение к Истине, Благу и Красоте. Он не содержит конкретных ценностных содержаний, но задаёт направленность процессам смыслопорождения и служит формальным условием легитимации имманентно возникающих идеалов. Конкретные ценностные конструкты (Справедливость, Любовь, Вера, Истина, Идеал) формируются в Пострациональном модусе (П), кристаллизуются в С-И и через шлюз МА транслируются в И-А. С-О при этом выступает как резонансный камертон, а не как хранилище содержаний.

Рациональное поле по своей природе стремится к редукции, анализу и декомпозиции на составляющие — в этом заключается его имманентная функция. Всё, что попадает в поле рационального, рано или поздно подвергается расщеплению. Однако сама возможность рационального познания

основана на существовании нередуцируемых условий — тех самых измерений, которые делают опыт возможным. Рациональное не способно редуцировать свои собственные основания, не впадая в парадокс. Поэтому для рационального поля всё, что является (актуализировано), потенциально редуцируемо в эпистемологическом смысле, но само бытие-явленности и другие фундаментальные измерения остаются тем, что делает редукцию возможной, не подчиняясь ей.

Таким образом, проблема редукции и нередуцируемости решается в модели ДНИ не путём выбора одной из сторон дихотомии, а через следующее разведение уровней описания.

• На феноменальном уровне (уровне актуализированных явлений и смысловых конструктов) редукция возможна и является нормальным методом научного познания. Здесь мы имеем дело с материалом, который может быть объяснён через более простые элементы и их взаимодействия.

• На онтологическом уровне (уровне фундаментальных измерений домена «Я») мы сталкиваемся с принципиальной нередуцируемостью. Эти измерения суть предельные абстракции, конституирующие саму возможность какого-либо опыта и не выводимые друг из друга.

Для наглядного представления системных различий меж-

ду доменами «Я» и «Мы» далее демонстрируется их принципиальная разнонаправленность.

Таблица 1–3. Сравнительная характеристика доменов «Я» и «Мы» в архитектонике ДНИ.

Критерий	Домен «Я» (Измерения)	Домен «Мы» (Страты)
Природа элементов	Антропологические константы	Социальные конструкты
Источник формирования	Внутренний, рефлексивный	Внешний, институциональный
Ключевой вопрос	«Кто я?», «Откуда я?»	«С кем я?»
Характер границ	Размытые, текучие, личные	Более чёткие, определяемые социумом
Тип структурности	Качественные оси (измерения)	Социальные слои (страты)
Основа идентификации	Самопознание и рефлексия	Принадлежность к группе
Временной аспект	Относительно постоянные	Исторически изменчивые

Как следует из Таблицы 1–3, системное противопоставление доменов по ключевым параметрам подтверждает их комплементарную (взаимодополняющую) природу. Это окончательно обосновывает необходимость использовать разные термины для их описания: мы не можем описывать «глубину» теми же словами, что и «ширину».

Домен «Я» в архитектонике ДНИ может быть понят как

онтологическая основа, включающая в себя аристотелевский Телос (внутреннюю цель самореализации и стремление к благой жизни) в качестве своего сущностного вектора, однако не сводимая к нему. Если Телос задаёт направление и предел становления, то домен «Я» как антропологическое ядро предоставляет для этого становления конкретные, нередуцируемые измерения: телесность, родовую память, экзистенциальную веру и экологическую укоренённость. Вербально-конструктивное оформление Телоса является уже рациональной проекцией ядра на уровень языка и институтов, а не сущностью самого ядра. Домен «Я» — это экзистенциально-воплощённый Телос: цель, не только мыслимая, но и переживаемая, укоренённая в теле, роде, вере и природе, и лишь затем вербально артикулируемая.

Если аристотелевский Телос задаёт внутренний вектор самореализации индивидуального «Я», то домен «Мы» в архитектонике ДНИ может быть понят как интерсубъективно разделяемый, динамический Эйдос коллективного бытия — не трансцендентная идея, парящая над миром, а имманентный, исторически изменчивый образец общей формы жизни, который кристаллизуется из диалогической встречи множества «Я» и служит ориентиром для совместного движения. Эйдос домена «Мы» — это не сумма индивидуальных телосов, а их резонансная когеренция, порождающая новое качество единства. Домен «Мы» — это разделяемый и постоянно пересобираемый Эйдос общего бытия, зеркально

соответствующий индивидуальному Телосу домена «Я».

Критический анализ альтернативных терминов

Выбор термина «домен» стал результатом критического разбора других возможных понятий. Чтобы у читателя не возникло ощущения терминологической избыточности, в следующей таблице представлены основные «термины-конкуренты» и причины, по которым они были отклонены в рамках нашей модели.

Таблица 1–4. Сравнительный анализ альтернативных терминов.

Термин-альтернатива	Причина отклонения
Уровень (level)	Термин чрезмерно абстрактен и нейтрален. Он не передаёт идею качественной специфики и суверенности сферы, в то время как «домен» чётко подчёркивает целостность и своеобразие «сфер бытия» идентичности.
Сфера (sphere)	В этом понятии акцент смещён на внешние границы, а не на внутреннее наполнение. Оно не передаёт идею структурной организации, тогда как «домен» прямо указывает на наличие внутренних законов функционирования.
Сектор (sector)	Подразумевает простое разделение единого целого на части и не учитывает автономию элементов. «Домен» же позволяет рассматривать «Я» и «Мы» как крупные, качественно определённые и относительно автономные единицы анализа.

Обоснование термина «Измерения» (Dimensions) как элементов домена «Я»

Структурными единицами домена «Я» выступают «измерения». Это терминологически отражает их фундаментальный характер и содержательную специфику:

• Универсальные антропологические константы. Фундаментальные, нередуцируемые основания человеческого бытия, общие для всех людей, независимо от их культурной и социальной принадлежности (телесность, родство, поиск смысла, связь с природой).

• Внутренние, субъективные плоскости самоопределения. Они отвечают на вопросы «Кто я?» и «Откуда я?» изнутри, через призму личного опыта и рефлексии, образуя устойчивое антропологическое ядро личности.

• Качественные оси становления индивидуальности. Слово «измерение» подчёркивает их глубину, многогранность и нередуцируемость к простому набору характеристик, представляя собой основные векторы развития идентичности.

Обоснование термина «Страт» (Strata)

Термин «страт» выбран для описания элементов доме-

на «Мы» как прямая отсылка к классической социологической традиции. Этот выбор обусловлен необходимостью точно отразить социально-конструируемую природу коллективных идентичностей, их структурную организацию и динамику.

Выбор термина укоренён в работах П. Сорокина (системная теория социальной стратификации), М. Вебера (концепция статусных групп) и П. Бурдьё (теория многомерного социального пространства и распределения капиталов). В современном контексте понятие страт находит применение в исследованиях социальной идентичности (Г. Тэшфел), транснациональных сообществ (У. Бек) и сетевого общества (М. Кастельс).

Этимологически восходя к латинскому stratum («пласт», «слой»), в нашей модели этот термин обретает конкретную концептуальную адекватность:

• Социальная укоренённость. Понятие страта выводит анализ из поля чистой психологии в пространство социологии. Мы имеем дело с объективированными пластами общества: этнокультурным, гражданским, профессиональным, сетевым.

• Иерархичность и ресурсность. Стратификация имплицитно содержит идею неравенства символического капитала. Это критически важно для ДНИ, где Negotiation часто ведётся именно о статусе, «весе» и границах этих групп.

• Конфигурация наложений. Страты не образуют жёсткую пирамиду, а накладываются друг на друга. Именно в точках их пересечения возникают наиболее острые идентификационные конфликты и потребность в Negotiation.

Обоснование терминологического различения «Измерений» и «Страт»

Разделение терминологии — «измерения» для домена «Я» и «страты» для домена «Мы» — не является стилистическим предпочтением. Оно отражает фундаментальный онтологический разрыв между этими двумя уровнями. Возникает закономерный вопрос: почему нельзя назвать все элементы модели единым термином «страты»?

Обобщающий термин стёр бы ключевое различие между универсальными основаниями человеческого «Я» и конкретно-историческими формами социального «Мы». Это привело бы к методологической ошибке, когда, например, гендерно-телесное измерение (антропологическая универсалия) и социально-профессиональная страта (социальный конструкт) рассматривались бы как явления одного порядка.

Элементы домена «Мы» определяются именно как страты в силу трёх характеристик:

• Социальная сконструированность. Это слои групповой принадлежности, которые формируются и транслируются

обществом (нация, цифровое сообщество).

• Внешний каркас. Они отвечают на вопрос «С кем я?», определяя место индивида в социальной структуре.

• Чёткость границ. Принадлежность к страте часто формализована (гражданство, диплом, членство) и предполагает явное проведение границ «свой — чужой».

В этом и заключается принципиальное отличие: «измерение» — это не то, во что можно «войти» или из чего можно «выйти», это атрибут самого человеческого бытия (телесность, поиск смысла). В страту же можно входить, её можно покидать, а её границы и статус являются предметом общественного договора и постоянного переопределения в процессе Negotiation.

Данный терминологический выбор позволяет описать ДНИ как процесс постоянного структурирования, где устойчивые измерения антропологического ядра взаимодействуют с пластичными стратами принадлежности, образуя в каждом конкретном случае уникальную конфигурацию.

Сравнительные преимущества выбранной терминологии

Для окончательного подтверждения валидности предложенного аппарата необходимо сопоставить систему «доменов» и «страт» с традиционными описательными моделями

(использующими категории «уровни», «слои» или «компоненты»).

Таблица 1–5. Сравнительный анализ эвристического потенциала терминологии ДНИ и альтернативных подходов.

Критерий	«Домены» и «страты»	«Уровни», «слои» и «компоненты»
Внутренняя сложность	Подчёркивают внутреннюю организацию и автономию каждой сферы.	Часто предполагают упрощённую линейную иерархию.
Междисциплинарность	Категории устоялись в социологии, психологии и философии, что важно для ДНИ.	Более узкоспециализированы, что ограничивает глубину анализа.
Динамический аспект	Допускают свободную переконфигурацию и наложение.	Чаще описывают статичные, жёстко закреплённые структуры.
Соотношение части и целого	Акцентируют единство системы при сохранении качественной специфики элементов.	Могут редуцировать сложное целое к простой сумме частей.

Данный терминологический выбор создаёт концептуальную основу для анализа динамики национальной идентичности в условиях цифровой трансформации. Он позволяет описать процессы реконфигурации доменов «Я» и страт «Мы» как взаимосвязанные, но не сводимые друг к другу. Такой аппарат с высокой точностью фиксирует ДНИ как процесс постоянного структурирования, где устойчивые измерения ядра взаимодействуют с пластичными стратами при-

надлежности, образуя уникальную конфигурацию в каждом конкретном случае.

Синтез терминологической системы

Терминологическая система «домен — измерения — страты» образует строгую иерархическую структуру, где каждый термин занимает чёткое место в архитектонике ДНИ:

1. Домен задаёт уровень системного анализа («Я»/«Мы»).
2. Измерения конкретизируют содержательное наполнение домена «Я» через универсальные антропологические константы.
3. Страты операционализируют домен «Мы» как структурированное поле коллективных принадлежностей.

Эвристическая ценность данной терминологии — в её способности одновременно схватывать устойчивые основания идентичности (измерения), её пластичные социальные формы (страты) и фундаментальные уровни их взаимодействия (домены). Это делает предложенный аппарат адекватным инструментом для исследования сложной архитектоники ДНИ.

Таким образом, выбор терминологического аппарата модели ДНИ обусловлен его концептуальной ёмкостью и эври-

стическим потенциалом используемых понятий.

1.6. Методологический статус квантовой метафорики в исследовании идентичности

В настоящем исследовании используется концептуальный аппарат, заимствованный из языка нелинейной динамики и квантовой механики. Этот шаг требует развёрнутого обоснования, так как он сопряжён с риском спекулятивных упрощений. Однако обращение к междисциплинарным аналогиям оправдано их эвристической ценностью и имеет фундаментальные прецеденты в истории науки.

Исторический контекст и прецеденты

Перенос понятийного аппарата из одной дисциплины в другую неоднократно служил катализатором научных прорывов.

- Ч. Дарвин использовал концепцию «борьбы за существование», заимствованную из политэкономии Т. Мальтуса, для построения теории естественного отбора.
- З. Фрейд применил язык гидродинамики и термодинамики («напряжение», «разрядка»), чтобы создать топологическую модель психики.

• И. Валлерстайн в мир-системном анализе опирался на теорию диссипативных структур И. Пригожина для описания неравновесных социальных систем.

В современной когнитивной науке сформировалось целое направление «квантоподобных» моделей [771]. Не утверждая наличия квантовых процессов в мозге, эти исследования успешно применяют квантовый формализм для описания контекстной зависимости человеческих решений, которые часто нарушают классическую логику.

Применение концептов в модели ДНИ

Именно в этом методологическом русле лежит наше обращение к терминам «суперпозиция» и «дополнительность» при описании доменов «Я», «Мы» и их Negotiation между собой и социальными институтами. Мы используем их не как онтологическое утверждение, а как строгую аналогию для описания нелинейных свойств идентичности.

1. Квантовая суперпозиция

Этот концепт применяется для описания состояния неразличимости измерений самости до момента их «кристаллизации» в акте рефлексии или социального действия.

Это позволяет анализировать:

• одновременное существование потенциальных траекторий идентичности в латентном состоянии;
• отсутствие жёсткой определённости до момента социальной интеракции («измерения»);
• сосуществование противоречивых самоописаний как потенциально равновероятных состояний.

2. Принцип дополнительности

Используется для моделирования динамического равновесия системы:

• фиксация взаимоисключающих, но необходимых аспектов идентичности;
• признание невозможности одновременной актуализации всех измерений «Я» и страт «Мы» в одной точке времени;
• описание сложных модусов самости (например, «Я +Мы»), требующих разных языков описания.

Границы применимости: отказ от редукции

Важно подчеркнуть, что в рамках данной работы кван-

товая метафорика выступает исключительно как эвристический инструмент и язык описания, а не как объяснительная физическая модель.

Наше исследование не предполагает:

- редукции социальных процессов к физике микромира;
- поиска квантовых эффектов в биологической работе мозга;
- прямого применения математического аппарата квантовой механики к социологии.

Предлагаемый подход — не спекуляция, а осознанный приём, продолжающий традицию концептуального обогащения социальных наук. Его оправданием служит не физическое соответствие, а способность выявлять те аспекты идентичности, которые остаются «невидимыми» для классических аналитических стратегий. Это язык моделирования, позволяющий уйти от статичного, «вещного» понимания личности к пониманию её как динамического процесса.

1.7. Обоснование гендерно-телесного измерения: «Я — воплощённый» и «Я — Человек»

Гендерно-телесное измерение («Я — воплощённый», «Я — Человек») отражает фундаментальную связь идентичности с физическим существованием, выступая онтологическим основанием личности. В рамках нашей модели категории «воплощённый» и «Человек» используются как взаимозаменяемые дескрипторы, что обусловлено следующими положениями.

1. Феноменологическое единство (М. Мерло-Понти).

В феноменологической традиции человеческое существование понимается как «воплощённое сознание». Мы не просто «имеем» тело, мы «существуем» через него и «являемся» им. Быть Человеком — значит обладать телесностью как фундаментальным способом бытия-в-мире. Таким образом, «Я — Человек» и «Я — воплощённый» — это две стороны одной онтологической позиции.

2. Философско-антропологический синтез (Х. Плеснер, А. Гелен).

Категория «Человек» изначально предполагает синтез

биологической организации и культурного самоопределения. Телесность выступает медиумом этого синтеза: «Я — Человек» означает одновременное принятие биологической природы и её культурного преодоления через социальные практики. «Я — воплощённый» здесь конкретизирует способ этого бытия через пол, возраст и биосоциальную специфику.

3. Перформативность и социальное признание (Дж. Батлер).

Категория «Человек» не нейтральна — она производится через перформативные акты телесного существования. Социальные нормы материализуются через дисциплинирование тел и воспроизводство гендерных различий. Быть признанным в качестве «Человека» — значит соответствовать определённым телесным конфигурациям.

Функционал измерения в структуре ДНИ:

• определяет границы физического существования индивида;

• опосредует взаимодействие антропологического ядра с социальным миром;

• служит базой для формирования сложных идентификационных моделей.

Методологическое объединение этих понятий позволяет преодолеть дуализм биологического и социального, фиксируя онтологическое единство человеческого способа существования.

Единая терминологическая схема анализа ДНИ

Для обеспечения строгой последовательности дальнейшего изложения в работе принимается система обозначений, описанная в Таблице 1–6.

Таблица 1–6. Единая терминологическая схема анализа ДНИ.

Объект анализа	Родовой термин	Специфицирующий термин	Примечание
Домен «Я»	Элементы домена «Я»	Измерения (измерения ядра)	Описывают антропологические константы
Домен «Мы»	Элементы домена «Мы»	Страты (страты принадлежности)	Описывают поле коллективных связей

Общие правила применения:

1. Архитектура: при описании устройства системы используются родовые термины.
2. Анализ: при разборе специфики компонентов применяются специфицирующие термины.
3. Визуализация: в таблицах и схемах допускаются крат-

кие обозначения («измерения», «страты»).

Данный аппарат позволяет адекватно описывать как статику ДНИ, так и динамические процессы Negotiation между элементами системы. Предложенная схема обеспечивает концептуальную точность при сохранении методологической гибкости, необходимой для анализа сложной архитектоники национальной идентичности.

1.8. Методологическое обоснование фокуса на ДНИ

Выбор ДНИ в качестве основного объекта исследования обусловлен её ключевой ролью в современной архитектонике самоопределения. Фокус на данном феномене оправдан по ряду методологических причин.

• Системообразующая функция. Несмотря на плюрализм современного идентификационного поля, ДНИ продолжает выступать в качестве метаидентичности. Она структурирует и задаёт рамки для других матриц самоопределения индивида.

• Институциональная укоренённость. В отличие от ситуативных форм идентичности, национальная идентичность опирается на развитую систему институтов воспроизводства (государство, образование, СМИ), что делает её устойчивым объектом для системного анализа.

• Актуальность проблемного поля. Именно ДНИ сегодня находится в эпицентре трансформаций, вызванных глобализацией, миграцией и цифровизацией. Это делает её критическим узлом, где сталкиваются традиционные структуры и новые технологические вызовы.

• Методологическая репрезентативность. Исследование ДНИ позволяет выявить общие механизмы конструирова-

ния, трансляции и трансформации коллективных идентичностей в условиях цифрового Метамодерна.

Концентрация на ДНИ не отрицает многомерности системы личности. Напротив, выбор этой формы в качестве репрезентативного кейс-стади (case study) позволяет исследовать фундаментальные принципы взаимодействия идентичности с технологическими средами и те вызовы, которые бросает ей современная эпоха.

Глава 2. Структурный каркас ДНИ: домены «Я» и «Мы»

Проведённый в первой части анализ выявил системные ограничения классических парадигм в осмыслении турбулентной динамики идентичности. Деконструкция постмодерна и тотальный охват платформенного капитализма создали концептуальный вакуум, который не заполняется ни возвратом к старым моделям, ни их простым отрицанием. Разрешение этого тупика лежит в плоскости метатеоретического контура — интеграции сильных сторон существующих теорий в новой объяснительной рамке.

Такой рамкой выступает концепция ДНИ. В данной части работы мы переходим от декомпозиции существующих подходов к позитивному конструированию оригинальной архитектоники. Здесь идентичность понимается не как состояние, а как непрерывный процесс Negotiation между антропологическим ядром личности и стратами социальной принадлежности, протекающий в условиях сетевой гетерархии XXI века.

Феномен идентичности, веками занимавший умы философов и теологов, в XX столетии превратился в центральную проблему социальных и гуманитарных наук. Если классическая мысль — от Аристотеля до Гегеля — рассматрива-

ла человеческое «Я» как данность, субстанцию или продукт божественного замысла, то социология и психология модерна сместили фокус на процессы его формирования и структурирования. Э. Эриксон, введя в научный оборот понятие «кризиса идентичности», зафиксировал ключевое напряжение эпохи: распад традиционных опор личности перед лицом ускорения социального времени и плюрализации жизненных выборов. Его концепция, однако, сохраняла веру в возможность обретения целостного, пусть и обретённого через кризис, «Я» [547].

Радикальный сдвиг произвёл социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана [46], представивший идентичность не как внутреннюю сущность, а как продукт непрерывного социального взаимодействия, интерсубъективно конструируемого и поддерживаемого через институты и языковые практики. Идентичность, по их мнению, есть «объективация субъективных процессов и смыслов, достигаемая в ходе социального взаимодействия». Эта парадигма открыла путь для понимания пластичности идентичности, но оставила открытым вопрос о пределах этой пластичности. Поздний модерн, охарактеризованный Э. Гидденсом как эпоха «рефлексивного проекта самости» [131], и «текучая современность» З. Баумана [34] довели логику конструируемости до предела. Идентичность стала перформативным актом, биографией, которую индивид вынужден непрерывно писать и переписывать, неся всю тяжесть ответственности за её успех

или провал в условиях тотальной нестабильности. Казалось бы, триумф свободы и пластичности был достигнут.

Однако на рубеже XXI века этот проект столкнулся с новым, беспрецедентным вызовом — тотальной цифровизацией. Цифровая среда оперирует не через интерсубъективность, а через алгоритмическую опосредованность. Она порождает то, что М. Кастельс назвал «сетевым обществом», где идентичности формируются в горизонтальных сообществах-племенах поверх национальных границ [220]. Ш. Зубофф, в свою очередь, вскрыла фундаментальный экономический императив этой новой среды — логику «капитализма наблюдения», где человеческий опыт и сама идентичность превращаются в сырьё для извлечения прибыли, подлежащее прогнозированию и модификации [195]. Алгоритмы платформ, оптимизированные под удержание внимания, создают «фильтрующие пузыри», дробящие общее символическое пространство на изолированные вселенные [370].

В этих условиях классические теории, описывавшие идентичность как нечто цельное [547], и теории, видевшие в ней лишь пластичный социальный конструкт [46], демонстрируют свою недостаточность. Первые не могут объяснить радикальную фрагментацию и ситуативность цифрового «Я», вторые — оказываются бессильны перед лицом вопроса о том, что именно подвергается конструированию и где проходят границы этого процесса. Попытки описать это состояние предпринимались в рамках концепций «текучей» [34],

«диалогической» [692] или «проектной» [220] идентичности. Однако они, при всей своей эвристической ценности, акцентируют внимание на её процессуальности или коммуникативной природе, не предлагая целостной структурно-диалектической модели, способной служить основой для нормативно-политического проектирования.

В ряду современных теорий, пытающихся осмыслить множественную и динамичную природу идентичности, концепция диалогического «Я» (Dialogical Self Theory) Х. Херманса занимает центральное место [691]. Развивая идеи М. Бахтина, Херманс предлагает рассматривать самость не как монолитную сущность, а как «общество разума» (society of mind) — динамическое, полифоническое пространство, населённое множеством «голосов» или «позиций-Я» (I-positions). Эти позиции (например, «Я-как-профессионал», «Я-как-патриот») находятся в постоянном диалоге, а идентичность понимается как непрерывный процесс их реконфигурации. Данная концепция выступает важным теоретическим предшественником модели ДНИ в аспектах признания множественности субъективности, интериоризации социального давления и понимания конфликта как конститутивного элемента развития самости.

Данная концепция обладает значительной эвристической ценностью для модели ДНИ, выступая её важным теоретическим предшественником в нескольких ключевых аспектах.

1. Признание множественности и динамики. Обе модели отвергают статичное, единое «Я» в пользу процессуальной и сложноорганизованной субъективности.

2. Интериоризация социального. «Позиции-Я» у Х. Херманса часто выступают интроектами социальных ролей и норм, что содержательно перекликается с положениями модели ДНИ об усвоении индивидом институциональных логик и его потенциальном конфликте со стратами домена «Мы».

3. Конфликт как конститутивный элемент. Внутренний диалог или конфликт между позициями в теории диалогического «Я» функционально аналогичен центральному для ДНИ напряжению между устойчивым антропологическим ядром и внешним давлением социальных страт.

Однако, несмотря на очевидные точки соприкосновения, между теорией диалогического «Я» и разрабатываемой моделью существуют фундаментальные методологические и онтологические расхождения. Они касаются уровня анализа, понимания природы «Я» и Другого, механизмов динамики и, что критически важно, нормативных оснований для социально-политического проектирования. Основные различия, фиксирующие переход от психологической к интерсубъективно-институциональной парадигме, систематизированы в Таблице 2–1.

Таблица 2–1. Сравнительный анализ теории диалогического «Я» Х. Херманса и модели ДНИ.

Критерий сравнения	Теория диалогического «Я» Херманса	Модель ДНИ (Домен «Я» — Домен «Мы»)	Следствие и интерпретация различия
Уровень анализа	Внутриличностный, психологический. Основной объект — внутреннее пространство диалога между позициями-Я (*I-positions*).	Интерсубъективный и институциональный. Основной объект — взаимодействие между конститутивным ядром личности и объективными социальными структурами (стратами).	Теория Херманса описывает, как идентичность переживается и организуется внутри сознания. Модель ДНИ объясняет, почему и под влиянием каких внешних сил она формируется и становится полем конфликта.
Онтологический статус «Я»	«Я» — это децентрированное поле диалога, процесс без устойчивого субстрата. Позиции ситуативны и релятивны.	«Я» обладает нередуцируемым антропологическим ядром (четыре измерения) как биокогнитивным каркасом, предшествующим социальному взаимодействию.	У Херманса идентичность рискует редуцироваться к чистому процессу без носителя. В ДНИ процесс взаимодействия имеет устойчивый субстрат, что позволяет объяснить сопротивление индивида социальному форматированию.
Природа Другого / социального	Другой присутствует прежде всего как интериоризированный голос, как часть внутреннего диалога (позиция-Я «Другой-во-мне»).	Другой представлен институционализированными стратами домена «Мы». Они существуют объективно, оказывая на ядро системное, властное давление.	Херманс психологизирует социальное, сводя его к внутренним репрезентациям. ДНИ сохраняет онтологическую самостоятельность структур, что необходимо для анализа проблем власти и отчуждения.

Механизм динамики идентичности	Внутренний диалог и способность занимать «метапозицию» — регулировать отношения между позициями-Я.	Структурное взаимодействие, конфликт и Negotiation между императивами измерений ядра и логиками страт. Динамика имеет характер социального обмена, принуждения и признания.	Механизм Херманса носит когнитивно-нарративный характер. Механизм ДНИ — социально-онтологический, включающий борьбу за статус, ресурсы и легитимность.
Нормативная основа и цель анализа	Нормативность имплицитна: ценятся гармония и интеграция позиций. Явная политическая проекция отсутствует.	Нормативность эксплицитна: высшей ценностью является защита целостности антропологического ядра от деформации со стороны доминирующих страт. Ядро выступает как внутренний этический критерий для оценки социальных институтов.	Теория Херманса терапевтична. ДНИ предоставляет основание для критики: социальный порядок патологичен, если он подавляет измерения ядра (например, превращая «Я — воплощённого» в инструмент).

Таким образом, теория диалогического «Я» Х. Херманса выполняет важнейшую функцию, адекватно описывая феноменологический опыт современного человека, разрываемого между множеством «внутренних голосов», репрезентирующих нацию, семью, профессию, религиозные или цифровые сообщества. Она фиксирует ключевой симптом эпохи — интернализованную множественность. Однако для объяснения структурных причин этой множественности, источников власти этих «голосов» и, что критически важно, для политико-нормативного проектирования стабильных и аутентичных форм коллективной идентичности необходим переход с внутриличностного уровня на интерсубъективный и институциональный. Модель «Домен „Я“ — Домен „Мы“» осуществляет этот переход.

Национальная идентичность в рамках ДНИ — это не просто одна из многих конкурирующих «позиций-Я» во внутреннем диалоге индивида. Это результат конкретного исторического и системного конфликта, а также взаимодействия между стратами: этнокультурной (предлагающей мифы «крови и почвы»), гражданско-национальной (правовые и идеологические рамки), социально-профессиональной (материальные интересы и статус) и сетевой (транснациональной и гибридной). Динамика национальной идентичности есть, следовательно, динамика расстановки сил между этими стратами и их успеха (или неудачи) в «настройке» антропологического ядра индивида на свою частоту.

Следовательно, модель ДНИ не отрицает диалогичность, но обосновывает её социологически, задавая онтологические рамки и социальные координаты того самого процесса, который Х. Херманс описывает как внутренний. Она позволяет перевести вопрос из плоскости «как индивид переживает свою множественность?» в плоскость «какие социальные институты и с какими последствиями для человеческой субъективности производят эту множественность?». Этот сдвиг является необходимым условием для ответственного проектирования будущего, в котором динамическая идентичность не будет синонимом отчуждения, а станет выражением богатства диалога между укоренённым «Я» и открытым, плюралистичным «Мы».

Наиболее существенное методологическое расхождение

между теорией Херманса и моделью ДНИ касается самого понимания множественности. Для Херманса множественность имманентна «Я» как таковому: «Я» по определению есть «общество разума», совокупность внутренних позиций. В модели ДНИ множественность имманентна не «Я», а полю его взаимодействия с миром. Единое, нередуцируемое «Я» (онтологический субъект), наделённое конститутивным ядром, вступая во взаимодействие с различными стратами домена «Мы», порождает множественные ипостаси.

Ипостась — это не внутренняя голосовая позиция, а целостный, ситуативно актуализированный модус бытия субъекта, возникающий в конкретной точке напряжения или синергии между измерениями ядра «Я» и логикой определённой страты «Мы». Ипостаси «гражданина», «профессионала», «члена диаспоры» или «цифрового активиста» — это не части распадающейся самости, а разные проекции цельного «Я» на разные институциональные экраны.

Таким образом, модель ДНИ предлагает более сложную трёхуровневую онтологию субъективности.

1. Уровень ядра (домен «Я»). Нередуцируемый, эволюционно сформированный биокогнитивный каркас (четыре измерения). Обладает минимальной пластичностью и задаёт «онтологический диапазон» существования личности.

2. Уровень страт (домен «Мы»). Объективные, исторически изменчивые, но институционально устойчивые поля кол-

лективности. Обладают средней пластичностью, представляя собой кристаллизованные социальные структуры.

3. Уровень ипостасей («Я» + «Мы»). Феноменологические, ситуативные и высокопластичные модусы самореализации и идентификации, возникающие в точке встречи и диалога между ядром и стратой. Именно на этом уровне разворачивается процесс, который Х. Херманс описывает как внутренний диалог, однако его участниками выступают не абстрактные «внутренние голоса», а целостные ипостаси, каждая из которых представляет всё «Я», но в специфическом социальном ключе.

Этот подход позволяет сохранить онтологическую целостность субъекта, не растворяя его во множественности, и одновременно объяснить изменчивость идентичности не распадом «Я», а его адаптивной, диалогической проекцией в разные социальные миры. Это связывает микроуровень индивидуального переживания с макроуровнем социальной структуры, где разные страты вызывают к жизни соответствующие ипостаси. Следовательно, ДНИ может быть понята не как одна из многих внутренних позиций, а как доминирующая ипостась, формируемая в результате исторически сложившегося альянса или конфликта между стратами (например, когда этнокультурная и гражданская страты входят в резонанс), становящаяся на определённый период главным способом бытия «Я» в коллективном пространстве.

Теоретический дуализм современной эпохи создаёт насущную потребность в новой процессуально-онтологической модели, которая преодолела бы дихотомию «стабильное ядро / бесконечная текучесть». Требуется модель, способная описать идентичность не как вещь или нарратив, а как живой, нелинейный процесс. Такой моделью, отвечающей вызовам Метамодерна [98], и является предлагаемая концепция динамического ядра идентичности, функционирующего через механизм смены ипостасей. Необходима была модель, которая:

• признавала бы онтологическую устойчивость человеческого «Я», не превращая его в статичную субстанцию;
• объясняла бы его радикальную пластичность и множественность в социальном взаимодействии, не растворяя его полностью в дискурсах;
• могла быть операционализирована для анализа конкретных процессов трансформации идентичности в цифровую эпоху.

Концепция ДНИ предлагается в качестве ответа на этот тройной вызов. Фундаментальное методологическое решение заключается в отказе от поиска идентичности как вещи или состояния и переходе к её пониманию как процесса — непрерывного, напряжённого и нелинейного Negotiation (согласования, переговоров) между двумя типами реально-

сти: антропологическим ядром («Я») — областью устойчивых оснований самости, отвечающих на вопрос «Кто я?», и стратами принадлежности («Мы») — областью социально сконструированных предложений коллективности, отвечающих на вопрос «С кем я?».

В противовес постмодернистской деконструкции мы предлагаем модель, в центре которой находится устойчивое, но не статичное ядро идентичности. Его онтологический статус обосновывается не ссылкой на трансцендентального субъекта, а через выделение четырёх универсальных, эмпирически верифицируемых измерений человеческого бытия, образующих каркас аутентичного «Я».

Проведённый критический анализ позволил вскрыть системные ограничения классических парадигм — от примордиализма до радикального конструктивизма. Ни субстанциалистский подход Э. Эриксона, утверждающий существование монолитного «Я-ядра», ни социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, редуцирующий идентичность к продукту интерсубъективных практик, не способны адекватно описать турбулентную динамику субъективности в условиях Метамодерна. Деконструкция постмодерна и тотальный охват платформенного капитализма создали концептуальный вакуум, который приводит к теоретическому тупику, обострённому вызовами цифровизации.

Разрешение этого тупика лежит в плоскости выхода на метатеоретический уровень, интегрирующий укоренённость,

проектность и конструирование в новой объяснительной рамке ДНИ. Если первая часть работы была посвящена обоснованию необходимости этой модели, то настоящая глава направлена на раскрытие её возможностей — позитивное конструирование и операционализацию. Размежевание с предшествующими теориями высвечивает конкретную исследовательскую программу. Для преодоления разрыва между субстанциализмом «Я» и релятивизмом «конструкта» требуется модель, которая:

1. синтезирует уровни: свяжет биокогнитивную и экзистенциальную реальность индивида с макроструктурами социального порядка;
2. объяснит множественность: покажет, как единое «Я» порождает множество ипостасей, не теряя онтологической целостности;
3. задаст онтологические пределы: обозначит границы пластичности, за которыми конструирование идентичности превращается в её разрушение;
4. предложит нормативные критерии: даст основания для оценки социальных институтов с точки зрения их воздействия на человеческую субъективность.

Модель «Домен „Я“ — Домен „Мы“» предлагается в качестве каркаса для реализации этой программы. Её центральный тезис постулирует: динамика идентичности есть функ-

ция напряжённого диалога между конститутивным ядром личности и институциональными полями коллективности. Мы предлагаем понимать идентичность не как состояние, а как непрерывный процесс Negotiation между онтологически устойчивым антропологическим ядром личности и пластичными, социально сконструированными стратами принадлежности. Этот процесс протекает в условиях институционально опосредованной сетевой гетерархии, характерной для общества XXI века.

Переход к концепции ДНИ продиктован методологической необходимостью. Предлагаемый каркас из двух доменов представляет собой систему координат для анализа того, как в точке взаимодействия между глубинными измерениями человеческого бытия и формами социальности рождается и трансформируется живая идентичность современного человека. Последующее изложение посвящено последовательному обоснованию архитектуры этого ядра, логики страт и матрицы их взаимодействий.

Домен «Я»: антропологическое ядро идентичности

Домен «Я» представляет собой совокупность нередуцируемых оснований человеческого самоопределения, обладающих онтологической устойчивостью и отвечающих на экзистенциальные вопросы: «Кто я?» и «Откуда я?». Дан-

ный уровень формирует антропологический базис идентичности и включает четыре измерения: гендерно-телесное, родовое/семейное, экзистенциально-верователь ное и экологическое.

А. Гендерно-телесное измерение («Я — воплощённый», «Я — Человек»)

Данное измерение выступает онтологическим фундаментом идентичности, фиксируя телесность как первичный способ бытия-в-мире. Теоретико-методологическое обоснование этого измерения зиждется на трёх ключевых подходах.

• Феноменология (М. Мерло-Понти): человек не «имеет» тело, а «является» телом. Телесность — это «воплощённое сознание», исходная точка координации и восприятия мира [285].

• Социальный конструктивизм (Дж. Батлер): категория «Человек» производится через перформативные акты телесного существования, регулируемые социальными нормами. «Я — Человек» здесь — не исходный факт, а достигаемый статус [31].

• Философская антропология (Х. Плеснер, А. Гелен): «Человек» понимается как «недостаточное существо», чья биологическая незавершённость компенсируется культурой, где телесность служит медиумом этого синтеза [125, 336].

Содержательно измерение «Я — воплощённый» раскрывается через пять структурных компонентов.

1. Биологический субстрат (видовая характеристика Homo sapiens).
2. Телесная схема (до-рефлексивная операциональная целостность по Мерло-Понти).
3. Гендерная идентичность (внутреннее чувство принадлежности к полу/гендеру).
4. Телесные практики (социально усвоенный «габитус» по П. Бурдьё).
5. Границы тела (переживание пределов «Я» в социальном взаимодействии по Э. Гоффману).

В структуре ДНИ измерение выполняет онтологическую (базис существования), демаркационную (отделение «Я» от «не-Я»), коммуникативную (телесный код) и резистентную функции. Последняя особенно важна: телесная «логика» (боль, усталость, болезнь) создаёт материальное препятствие для тотальной власти дискурса. Именно через телесность национальная идентичность обретает аффективную плотность: «Родина» становится ощутимой через «вкус», «запах» и «телесную память».

Б. Родовое/семейное измерение («Я — из рода»)

Родовое/семейное измерение образует первичную онтологическую матрицу субъектности, обеспечивая трансгенерационную передачу культурных кодов и экзистенциальную укоренённость личности. Использование дистрибутивной связки «/» отражает диалектическое единство двух уровней социальной организации, восходящее к концепции общности Ф. Тённиса [419].

1. Семейная идентичность формируется в пространстве непосредственных межличностных отношений. Она обеспечивает первичную социализацию через интериоризацию «символического универсума» [46] и формирование базового доверия к миру [547]. В контексте ДНИ семья выступает агентом «первичной национализации» — усвоения базовых языковых и ценностных паттернов.

2. Родовая идентичность представляет собой расширенный временной контекст, включающий трансгенерационную память, «историческое тело» идентичности [491] и мифологемы общего происхождения. Она создаёт «эффект длительности» (longue durée), связывая личную биографию с коллективной историей.

Взаимодействие этих уровней образует «матрицу преем-

ственности». В условиях кризиса традиционных институтов данное измерение приобретает особую значимость как бастион против атомизации, позволяя формировать «укоренённую мобильность» — способность субъекта сохранять идентичность в процессах глобальной трансформации. Родовое/семейное измерение является фундаментальным онтологическим базисом ДНИ, без которого невозможна историческая преемственность коллективного опыта.

В. Экзистенциально-верователь ное измерение («Я — верующий/ищущий»)

Экзистенциально-верователь ное измерение отражает способность субъекта к трансценденции, поиску смысла и формированию ценностно-мировоззренческих оснований бытия. Данный компонент отвечает на фундаментальные вопросы о цели (purpose) и значимости (significance) жизни, создавая ценностно-смысловой каркас идентичности [456].

В рамках ДНИ формула «Я — верующий / ищущий» используется как единый дескриптор. Данное методологическое решение основано на том, что обе позиции решают одну и ту же экзистенциальную задачу — поиск ответов на вопросы о конечности и предельных основаниях существования. Как указывал П. Тиллих, суть религии заключается в «предельной заботе» (ultimate concern), которая может принимать как конфессиональные, так и внецерковные формы

[425].

Для модели ДНИ ключевым является не догматическое содержание веры, а сама антропологическая константа — потребность в выстраивании отношений с областью смыслов, выходящих за рамки утилитарного опыта. Использование данной формулы позволяет учесть современный феномен «веры без принадлежности» [184], охватывая как традиционную религиозность, так и гибридные формы духовного поиска, выступающие фундаментом идентичности.

Г. Экологическое измерение («Я — часть природы»)

Экологическое измерение выражает осознание неразрывной связи индивида с биосферой, формируя основу планетарной идентичности в эпоху антропоцена. Оно преодолевает картезианский дуализм res cogitans (сознание) и res extensa (материя), утверждая онтологическое единство человека и среды.

Теоретический фундамент измерения составляют концепция «глубинной экологии» А. Наэсса [750], где «экологическое Я» (ecological self) понимается как часть целого, и «плоская онтология» Б. Латура, отвергающая противопоставление природы и культуры [247]. Содержательно оно раскрывается на четырёх уровнях.

1. Биофизический: осознание телесной связи с природными циклами.

2. Когнитивный: понимание системной взаимозависимости в биосфере.

3. Аффективный: эмоциональная привязанность к конкретным ландшафтам.

4. Этический: ответственность за состояние природной среды.

В структуре ДНИ экологическое измерение выполняет ряд специфических функций. Оно формирует базу «экологического патриотизма» как глубокой привязанности к конкретной территории, создает предпосылки для «планетарной идентичности» [73] и выступает ресурсом психологической устойчивости. Интеграция этого измерения позволяет преодолеть антропоцентрическую ограниченность традиционных моделей и обосновать концепцию «экологического гражданства», связывающую личное самосознание с глобальными процессами.

Таким образом, четыре описанных измерения — гендерно-телесное, родовое, экзистенциальное и экологическое — образуют устойчивое антропологическое ядро. Это ядро не является статичным, но оно задаёт те «пределы пластичности», о которых говорилось ранее. Любая попытка внешнего конструирования идентичности через социальные страты

(домен «Мы») неизбежно вступает в процесс Negotiation с этими базовыми измерениями, что и определяет динамический характер современной субъективности.

Онтологическая нередуцируемость и динамика антропологического ядра

Утверждение об устойчивости измерений антропологического ядра (домена «Я») следует понимать не в смысле их статичности, а в смысле их онтологической нередуцируемости и фундаментальности. Данная устойчивость обеспечивается двумя принципами.

1. Нередуцируемость. Измерения «Я» (телесное, родовое, ценностное, экологическое) представляют собой базовые, взаимонесводимые категории человеческого существования. Они образуют константное смысловое поле, внутри которого разворачивается вся динамика идентичности. Здесь уместна аналогия с палитрой художника: базовые цвета неизменны, но их конкретные смеси, пропорции и композиции бесконечно вариативны. Измерения ядра — это фиксированный набор «красок», из которых субъект в процессе Negotiation с миром создаёт ситуативные «картины» — ипостаси.

2. Динамика содержания при устойчивости формы. Конкретное наполнение каждого измерения подвержено транс-

формации: ценности эволюционируют, телесный опыт обновляется, экологическое сознание расширяется. Однако само измерение как структурный элемент ядра и как плоскость самоосознания остаётся неизменным. Изменяется не перечень измерений, а их внутренний вес и смысловая плотность в каждой новой конфигурации личности.

Таким образом, устойчивость домена «Я» — это не статичность конкретных точек, а устойчивость самой системы координат. Именно эта архитектоника обеспечивает преемственность «Самости» (самотождественности) при любых внешних и внутренних трансформациях. Даже в условиях радикального цифрового распада ипостаси субъекта остаются проекциями одного и того же ядра, что позволяет личности сохранять целостность, не превращаясь в случайный набор социальных ролей.

Эволюционное обоснование нередуцируемости измерений «Я»

Выделение четырёх измерений домена «Я» — гендерно-телесного, родового, экзистенциального и экологического — не является результатом произвольной классификации. Это итог применения принципа антропологической минимализации: поиска тех предельных оснований, без которых человеческая самость теряет свою онтологическую

определенность. Данная структура представляет собой теоретически выверенную модель архаического базиса личности, сформированного в процессе долгой ко-эволюции биологических и социокультурных систем.

Этот базис образует «до-социальный» каркас «Я». Он не диктует нам конкретные поступки, но задаёт саму матрицу, внутри которой становятся возможны любые социальные идентификации. Четыре измерения ядра обладают свойством онтологической устойчивости: они сопротивляются тотальной цифровизации и попыткам полного социального конструирования, оставаясь «точкой сборки» живого человеческого опыта в эпоху алгоритмического распада.

Каждое измерение — это ответ на архаический вызов, закреплённый в глубинных структурах психики. Эти «эволюционные априори» задают универсальные экзистенциальные вопросы, на которые каждый из нас вынужден искать свои ответы.

1. Гендерно-телесное измерение («Я — воплощённый»). В его основе лежит осознание себя как конечного, уязвимого биологического организма. Телесность — это не просто объект, которым мы владеем, а первичный интерфейс, через который мы вообще встречаемся с реальностью. Нередуцируемость этого измерения подтверждается феноменом «воплощённого познания» (embodied cognition): наша способность сопереживать, чувствовать боль или удовольствие является

тем материальным субстратом, который невозможно полностью перенести в цифру. Цифровизация может опосредовать или симулировать телесный опыт, но она не способна отменить факт физического существования как «нулевой точки» отсчёта всей нашей идентичности.

2. Родовое/семейное измерение («Я — из рода»). Оно отвечает на эволюционный вызов необходимости кооперации и передачи опыта через поколения (кин-отбор по У. Гамильтону) [687]. Это измерение служит историческим и биосоциальным якорем личности. Оно обеспечивает непрерывность «Я» во времени, связывая нас с предками и потомками через базовые паттерны привязанности (Дж. Боулби) [71]. Род — это то, что даёт человеку ощущение «длительности» его биографии. Даже если социальные связи в современном мире становятся текучими и хрупкими, потребность в укоренённости в «своих» остаётся нередуцируемой константой, на которую позже наслоится национальная и гражданская идентичность.

3. Экзистенциально-верователь ное измерение («Я — верующий/ищущий»). Это измерение порождено осознанием собственной смертности (Э. Беккер) [587] и стремлением найти смысл в непредсказуемом мире. Оно формирует аксиологический полюс «Я», позволяя человеку выходить за пределы наличного бытия — трансцендировать. Способность верить, искать смысл или творить — это источник символического мышления, без которого невозможна культура.

Потребность в «смысле-для-себя» онтологически сопротивляется чисто алгоритмической логике: человек ищет не просто «верное решение», а «значимый ответ».

4. Экологическое измерение («Я — часть природы»). Оно выражает фундаментальную зависимость субъекта от биосферы, выступая метасистемным контекстом для всех остальных измерений. Его нередуцируемость проистекает не из постоянных размышлений об экологии, а из самой структуры бытия:

- телесно мы включены в метаболизм природы;
- родово мы привязаны к «земле предков» и конкретному ландшафту;
- верователно наш поиск сакрального всегда начинался с диалога с силами природы.

В условиях антропоцена это измерение перестаёт быть фоновым. Оно становится центральным, связывая личное самосознание с планетарными процессами и порождая новую этику ответственности.

Таким образом, четыре измерения домена «Я» образуют онтологический барьер, защищающий человеческую субъективность от превращения в пустую социальную функцию. Именно это ядро вступает в напряжённый и нелинейный процесс Negotiation с предлагаемыми обществом стратами «Мы», рождая в этой точке встречи живую, динамическую

идентичность.

Динамическая система координат человеческого бытия

Предложенная тетрада измерений образует минимальную замкнутую систему координат, отвечающую на фундаментальные экзистенциальные вопросы (К. Ясперс), универсальные для любой человеческой культуры. Эти четыре оси позволяют субъекту позиционировать себя во всех измерениях реальности.

- В пространстве: телесность определяет моё «здесь» («Где и в какой форме я существую?»).
- Во времени: родовость определяет моё «тогда» и «потом» («Откуда я пришёл и куда ведут мои корни?»).
- В системе смыслов: веровательность определяет моё «зачем» («Ради чего я существую?»).
- В универсуме жизни: экологичность определяет моё «среди чего» («В какой системе связей я нахожусь?»).

Почему измерений именно четыре? В рамках системного подхода эта структура необходима и достаточна для описания фундаментальных условий человеческого существования. Любое изменение их числа нарушает целостность модели.

1. Невозможность редукции. Исключение любого элемента оставляет в «Я» онтологическую дыру. Без экологического измерения личность лишается системного контекста и превращается в абстракцию, оторванную от биосферы. Без родового — утрачивает темпоральный якорь, становясь «человеком на час» без прошлого и будущего. Без верователь-ного — исчезает смысловой полюс, превращая субъекта в биологический автомат, неспособный к трансценденции.

2. Избыточность расширения. Любой новый кандидат на статус измерения (например, «профессиональное», «гражданское» или «коммуникативное») при ближайшем рассмотрении оказывается не первичным отношением, а сложной производной — стратой. Социальность не является новым эволюционным вызовом; это стратегия решения уже существующих задач (кооперация для выживания тела или поиска совместного смысла).

Профессия или гражданство — это не оси координат, а конкретные исторические ответы домена «Мы» на те изначальные вопросы, которые сформулированы в ядре. Профессия, к примеру, — это сложный синтез, одновременно обеспечивающий телесное выживание (ресурсы), родовую реализацию (забота о семье) и экзистенциальную самоактуализацию.

Домен «Я» как динамическая конфигурация

Важно понимать, что антропологическое ядро — это не статичный монолит, а живая пульсирующая система. Её онтология проявляется в постоянном движении:

• Конфигуративная доминанта. В разные эпохи или моменты жизни на первый план выходит то или иное измерение. Болезнь делает доминантой телесность, а глобальный кризис — экологичность.

• Конфликт и резонанс. Измерения могут вступать в противоречие (религиозная аскеза как конфликт верователного и телесного) или усиливать друг друга (эко-активизм как резонанс экологического и ценностного начал).

Таким образом, домен «Я» — это не tabula rasa, а сложный продукт био- и ноосферной ко-эволюции. Его внутренняя архитектоника создает тот самый онтологический барьер, который препятствует превращению человека в пустую цифровую функцию. Именно это устойчивое ядро вступает в непрерывный процесс Negotiation с социальными предложениями внешнего мира, обеспечивая динамику и в то же время преемственность человеческой самости.

Домен «Мы»: страты социальной принадлежности

Страты принадлежности представляют собой социально сконструированные уровни коллективной идентичности, отвечающие на фундаментальный вопрос: «С кем я?». В отличие от онтологических измерений ядра, страты формируются через изменчивые институциональные практики и социальные взаимодействия. Они обеспечивают интеграцию индивида в структуры социума, предлагая четыре специфических модуса коллективности.

А. Этнокультурная страта («Мы — народ»).

Основана на общности языка, исторической памяти и символических практик. Она апеллирует к «объективным» маркерам — происхождению, «крови» и культурным корням [389]. Через институты семьи и образования индивид усваивает систему кодов, обеспечивающих чувство непрерывности с прошлым. В модели ДНИ эта страта является первичным мостом между родовым измерением «Я» и большой историей «воображаемого сообщества» [15].

Б. Гражданско-национальная страта («Мы — нация»).

В отличие от этничности, эта страта выражает принадлеж-

ность к политико-правовому сообществу. Она конструируется через правовые нормы, государственные институты и ценности «конституционного патриотизма» [477]. Здесь идентичность основана не на происхождении, а на лояльности к демократическим процедурам и политическому выбору. Это уровень осознанного гражданства, который часто вступает в сложный диалог с этнокультурными чувствами субъекта.

В. Социально-профессиональная страта («Мы — коллеги, класс»).

Определяется положением индивида в системе социально-экономических отношений. Согласно П. Бурдьё, профессиональная принадлежность формирует специфический габитус — систему диспозиций, определяющих то, как мы воспринимаем мир и действуем в нём.

Важно подчеркнуть универсальность этой страты: мы понимаем её не как список должностей, а как институциональное поле социально-экономического позиционирования. В эту систему включены все:

- «ученик/студент» — как носитель будущего трудового потенциала;
- «пенсионер» — как субъект, чья позиция легитимирована системой социального обеспечения;
- «домохозяйка» или «неформально занятый» — как

участники воспроизводства человеческого капитала.

Профессиональная страта охватывает весь спектр социального обмена ресурсами, определяя место каждого человека в экономическом порядке общества.

Г. Сетевая/цифровая страта («Мы — комьюнити»)

Самый молодой и пластичный уровень, отражающий принадлежность к виртуальным структурам. М. Кастельс характеризует эту форму как «сетевой индивидуализм»: идентичности здесь формируются горизонтально, поверх национальных границ [222]. Однако алгоритмическая природа этой страты несёт в себе вызов: создание «эхокамер» (К. Санстейн) и фрагментацию опыта [370]. Здесь коллективность становится максимально текучей, а процесс согласования с ядром — наиболее интенсивным.

Тетрада страт: функциональная полнота социального пространства

Выбор четырёх страт — этнокультурной, гражданской, профессиональной и сетевой — продиктован принципом аналитической полноты. В совокупности они образуют минимальную, но достаточную систему координат, описывающую все ключевые векторы коллективной идентичности в современном обществе.

1. Аксиальные измерения и ресурсы.

Каждая страта задаёт специфический тип социальной связи и оперирует своим ключевым ресурсом.

• Этнокультурная: связь через общий этос (язык, традиции); ресурс — культурный капитал и признание.

• Гражданская: связь через формальное право; ресурс — легитимность и гражданский статус.

• Профессиональная: связь через разделение труда; ресурс — экономический капитал и статус в иерархии занятости.

• Сетевая: связь через информационные потоки; ресурс — социальный капитал и связность.

Таким образом, тетрада охватывает четыре фундаментальных модуса социального бытия: культурно-исторический, политико-правовой, экономический и технологический.

2. Принцип институционального «ответа».

Системная целостность модели ДНИ обеспечивается тем, что страты домена «Мы» являются исторически изменчивыми ответами на устойчивые вопросы, заданные ядром (доменом «Я»).

• Этнокультурная страта масштабирует вызов родового

измерения («Кто мои символические предки?»).

• Гражданская страта структурирует потребность телесного измерения в безопасности («Кто гарантирует мои права?»).

• Профессиональная страта канализирует телесные и родовые нужды через труд («Как я обеспечиваю жизнь себе и близким?»).

• Сетевая страта открывает новые пространства для экзистенциального и экологического измерений («С кем я созидаю смыслы в глобальном мире?»).

3. Критерии минимальности и достаточности.

Для сохранения строгости модели мы используем два фильтра.

• Невозможность редукции. Исключение любой страты оставляет «слепое пятно» в анализе. Без гражданской страты мы теряем правовое поле, без сетевой — становимся неспособны описать цифровую реальность XXI века.

• Избыточность расширения. Любой новый кандидат (например, «религиозная общность») оказывается кросс-стратификационным образованием. Религия не образует отдельной страты, так как её функции распределены: как традиция она живёт в этнокультурной страте, как политический актор — в гражданской, как транснациональное сообщество — в сетевой.

Следовательно, религия, творчество или спорт — это не отдельные «этажи» (страты) идентичности, а потоки, проходящие сквозь уже существующую институциональную решётку из четырёх базовых страт.

Домен «Мы» — это динамическая конфигурация институциональных полей. В то время как три страты (этническая, гражданская, профессиональная) являются классическими столпами индустриального модерна, четвёртая (сетевая) отражает фундаментальный сдвиг эпохи цифровизации. Именно в этой тетрарной структуре происходит объективация человеческого «Я», превращая антропологические позывы ядра в социально значимые и легитимные формы идентичности.

Динамика домена «Мы»: от аграрных империй к Метамодерну

В отличие от стабильного ядра, домен «Мы» представляет собой исторически изменчивое поле «смыслового торга». Его динамизм проявляется не только в борьбе смыслов внутри страт (например, между традиционализмом и космополитизмом в культуре), но и в самой логике их исторического генезиса.

Система четырёх страт не является вечной константой;

она — результат длительного процесса социальной дифференциации.

• Аграрные общества опирались на дуэт этнокультурной и профессиональной страт (где «политическое» было слито с фигурой правителя).

• Эпоха модерна кристаллизовала гражданскую страту, отделив политическую лояльность от культурной и экономической.

• Информационная эпоха породила четвёртый уровень — сетевую страту.

Критерии «рождения» новой страты

Модель ДНИ остается открытой для расширения, но при соблюдении предельно жесткого критерия. Новая страта возникает лишь тогда, когда в обществе появляется коллективный актор, чей ресурс (информация), тип связи (трансграничные потоки) и тип неравенства (цифровой разрыв) качественно новы и не сводимы к логике уже существующих уровней. Появление сетевой страты полностью удовлетворяет этому условию.

Тетрада как структурный инвариант «сложного общества»

На данный момент процесс функциональной дифференциации общества можно считать завершённым. Четыре страты отражают четыре фундаментальные подсистемы социальности: культуру, политику, экономику и коммуникацию.

Это означает, что система обладает «двойной устойчивостью».

• Устойчивость к расширению: появление пятой страты потребовало бы социальной революции, сопоставимой с переходом от плуга к паровому двигателю; все текущие тренды (метавселенные, биоинженерия) пока лишь гибридизируют уже существующие страты.

• Устойчивость к редукции: исключение любой страты сегодня привело бы к коллапсу системы (например, упразднение сетевой страты означало бы распад глобальной связности).

Структурная диагностика эпохи

В этой системе координат мы можем дать строгое определение текущим процессам.

Постмодерн — это период деконструкции и «интенсивного торга» внутри старой, трёхстратной структуры модерна, исчерпавшей свой потенциал.

Метамодерн и тотальная цифровизация знаменуют становление новой стабильной конфигурации — тетрарной.

Таким образом, предложенная тетрада — это не просто аналитическая схема, а онтологический инвариант зрелого сложного общества. Пока эти четыре страты сохраняют свою специфику, мы находимся внутри текущей цивилизационной парадигмы. Переход к подлинно новой фазе начнётся лишь тогда, когда сама эта четырёхсоставная структура утратит свою объяснительную силу. Именно в этом поле институциональных «предложений» разворачивается масштабный процесс Negotiation, в котором человек обретает свою идентичность.

2.1. Методологическое уточнение: статус категории «Ты» в модели ДНИ

При введении двухдоменной структуры «Я — Мы» закономерно возникает вопрос о статусе категории «Ты». Почему непосредственное отношение к Другому не выделено в отдельный домен? Данное решение является не упущением, а сознательным методологическим выбором, основанным на логике функциональной полноты модели.

Статус «Ты» в системе ДНИ определяется четырьмя ключевыми положениями.

1. «Ты» как имманентный горизонт «Я». Феномен «Ты» конституируется только в акте встречи как необходимый коррелят «Я». «Ты» всегда дано как «Ты-для-меня» [81, 252], то есть как реляционное измерение самого субъекта, его обращённость вовне. Выделение «Ты» в отдельный домен привело бы к искусственному расщеплению неразрывного акта восприятия Другого.

2. «Ты» как элементарная единица «Мы». Непосредственное отношение «Я — Ты» является минимальной «клеткой», из которой складывается первичное, доинституциональное «Мы» — диада. Таким образом, «Ты» выступает не промежуточной ступенью, а конститутивным элементом домена «Мы» на его базовом, межличностном уровне.

3. Аналитический фокус на устойчивых структурах. Задача модели ДНИ — анализ не уникальных единичных встреч, а типизированных, воспроизводимых форм субъективности и коллективности. Единичное «Ты» относится к сфере феноменологии и этики, в то время как наша модель фокусируется на том, как из множества диад кристаллизуются надличностные страты. В этих стратах «Ты» превращается в Другого как функциональную фигуру: согражданина, коллегу, соплеменника.

4. Отсутствие онтологической избыточности. Все ключевые аспекты «Ты» — признание, этический призыв, диалогичность — уже заложены в архитектуру модели. Они присутствуют как способность «Я» к трансценденции (измерение «верующий/ищущий») и как исходный материал для формирования социальных полей домена «Мы».

Следовательно, «Ты» в модели ДНИ не отсутствует, а радикально присутствует в качестве имманентного условия возможности обоих доменов. Оно является не объектом среди объектов, а трансцендентально-конститутивным принципом, пронизывающим всю систему. Модель изучает не сам этот принцип, а устойчивые формальные структуры («Я» и «Мы»), которые из него возникают и которые определяют способы явления Другого в социальном пространстве.

2.2. Домен «Я»: амбивалентность измерений и этические границы инженерного подхода

Концептуализация домена «Я» как системы устойчивых измерений требует методологической осторожности. Устойчивость антропологического ядра — это не аксиологическая константа и не гарантия «благого» наполнения идентичности. Напротив, именно содержательная амбивалентность — способность измерений служить проводниками как гуманизации, так и дегуманизации — составляет суть их онтологической значимости.

Антропологическое ядро — это не «храм добродетели», а система «открытых ворот». Модель ДНИ выявляет универсальные каналы, через которые внешние силы могут как обогащать, так и захватывать идентичность субъекта. Разрыв между онтологической устойчивостью формы и этической неопределённостью её содержания обоснован в рамках четырёх теоретических традиций.

1. Философско-антропологическое обоснование: человек как «открытый проект».

Традиция Х. Плеснера и А. Гелена исходит из фундаментальной «недостаточности» и «открытости» человека [125,

336]. Устойчивые измерения домена «Я» — это не инстинктивные программы, а формальные «отверстия» в эту открытость. Согласно Плеснеру, «человек эксцентричен» и радикально неопределён: те же самые измерения, что позволяют ему творить, позволяют и проявлять запредельную жестокость. Ядро задаёт плоскость проявления, но не его вектор.

2. Феноменология «жизненного мира»: эпистемологическая нейтральность.

Э. Гуссерль, описывая «жизненный мир» как дотеоретическую основу опыта, подчёркивал, что он не обладает автоматической этической нагрузкой [150]. Жизненный мир содержит в себе как интенции к диалогу, так и дорефлексивные структуры насилия. Четыре измерения «Я» — это артикуляция структур жизненного мира, которые изначально нейтральны. Они могут быть «вспаханы» как культурой признания, так и идеологией ненависти. Амбивалентность здесь — не декларация, а следствие первичной непрояснённости человеческого опыта.

3. Эволюционная психология: адаптивные механизмы и их кооптация.

С точки зрения эволюции, механизмы, лежащие в основе измерений, являются адаптивными инструментами. Привязанность (родовое), избегание угроз (телесное) или потребность в объяснении мира (веровательное) сформирова-

ны для выживания. Однако в современных обществах эти «эволюционные априори» легко кооптируются внешним дизайном. Глубокая психологическая программа привязанности может быть превращена в топливо для ксенофобии, а инстинкт самосохранения — в основу для тотального биополитического контроля. Междисциплинарная устойчивость ядра — это устойчивость биологических «priors», а не их этической направленности.

4. Социальный конструктивизм и биополитика: ядро как мишень.

М. Фуко убедительно показал, что онтологические «данности» (тело, сексуальность) становятся не предметом гуманистического раскрытия, а полями биополитического захвата [465]. Телесное измерение («Я — воплощённый») — это площадка, на которой дисциплинарная власть производит «послушные тела». Устойчивость измерения делает его не защитой, а, прежде всего, мишенью.

Историко-антропологический анализ амбивалентности

Каждое из измерений ДНИ обладает этой фундаментальной двойственностью, выступая источником противоположных социальных практик.

• Гендерно-телесное измерение. Будучи основой феноменологического «бытия-в-мире» [285], оно же служило базой для расовых теорий и сегрегации. Биополитика эксплуатирует телесность, превращая тело из условия свободы в объект дисциплины и «улучшения» человеческого материала.

• Родовое/семейное измерение. Формируя матрицу преемственности [46], оно с той же лёгкостью порождает патологии трайбализма. Лояльность к «своим» здесь строится на радикальном отчуждении «чужих» [419], превращая семью в агент трансляции не только ценностей, но и закрытых, враждебных моделей мира.

• Экзистенциально-верователь ное измерение. Поиск смысла и способность к «предельной заботе» [425] могут вести к логотерапевтическому исцелению [456] или же к тоталитарному фанатизму. Это поле самых острых захватов, где экзистенциальная тревога субъекта утоляется догматической монополией на истину.

• Экологическое измерение. Выражая системную связь с биосферой [751], оно в истории нередко извращалось в идеологию «крови и почвы», оправдывающую территориальную экспансию и «экологический расизм».

Диагностическая функция модели

Сила модели ДНИ не в том, что она постулирует «благое начало», а в том, что она позволяет точно диагностировать

Negotiation между ядром и властью. Она даёт исследователю инструмент, чтобы увидеть, через какие именно «ворота» в данную эпоху происходит давление на идентичность.

Признание амбивалентности ядра избавляет от иллюзий «наивного гуманизма» и превращает модель в защитный механизм. Она выявляет зоны риска там, где социальный инженерный подход пытается подменить живой, неопределённый человеческий опыт готовой функциональной конструкцией.

Методологический принцип: различение онтологического условия и нормативного содержания

Ключ к преодолению амбивалентности и этическому применению модели ДНИ лежит в строгом различении двух уровней бытия. Ошибка многих теорий идентичности заключается в коллапсе этих уровней, что ведёт либо к механистическому детерминизму, либо к полной потере субъекта в социальных потоках.

• Уровень онтологического условия (домен «Я»). Это нередуцируемые измерения как ответы на универсальные экзистенциальные вопросы. Они представляют собой априорное семантическое поле, в котором только и может разворачиваться человеческий опыт [557]. Это поле задаёт координаты присутствия: «В каком пространстве я воплощён?»,

«В каком времени я укоренён?», «С каким смыслом я соотнесён?», «В составе какой системы я существую?». Эти измерения — не содержание жизни, а её условие возможности; это чистые формы, предшествующие любому социально-культурному наполнению.

• Уровень нормативного содержания (интервенции домена «Мы»). Это конкретные, исторически и идеологически обусловленные ответы, предписывающие, каким именно должно быть тело, род, вера или связь с природой. Это уровень социальной диктовки, которая стремится заполнить априорные пустоты ядра конкретными функциональными значениями.

Риск тоталитарного дизайна возникает именно в момент подмены: когда партикулярная интерпретация, предлагаемая доменом «Мы», объявляется «естественным» и единственно возможным наполнением онтологической формы. В этот момент происходит колонизация ядра. Однако сопротивление такому захвату возможно именно благодаря онтологической нередуцируемости каркаса «Я»: априорная форма всегда шире любого навязанного ей содержания, что сохраняет за человеком вечный потенциал для альтернативного самоосмысления.

Этические принципы «гуманистического инжиниринга» в парадигме ДНИ

В рамках модели ДНИ «гуманистический инжиниринг» понимается не как проектирование идентичности, а как культивация условий, обеспечивающих здоровую динамику Negotiation. Его этика опирается на защиту онтологических границ.

1. Принцип негативной свободы (защиты ядра). Первичной целью является не программирование «правильного» человека, а создание барьеров против тотальной колонизации измерений «Я». Это утверждение автономии воплощённого, родового и смыслоискательского бытия как зон, свободных от идеологического или коммерческого диктата.

2. Принцип рефлексивной опосредованности. Конструктивное взаимодействие доменов должно проходить через фазу критической рефлексии. Социальные предложения («Мы») должны не напрямую «прошивать» ядро, а предлагать себя как материал для диалога и ответственного выбора субъекта [481].

3. Принцип диалогической конфликтности. Здоровая динамика признаёт конфликт интерпретаций неизбежным и продуктивным. Задача инжиниринга — не подавление конфликта во имя единообразия, а перевод его в цивилизован-

ное русло признания права на инаковость и травму [413].

4. Принцип экзистенциальной надежды. В основе модели лежит антропологическое допущение: устойчивость самого каркаса «Я» (воплощённого, укоренённого, смыслоискательского) сохраняет за человеком возможность возвращения к себе. Эта надежда — не эмоциональная, а онтологическая: репрессивные формы «Мы» могут исказить содержание, но не могут окончательно отменить априорную структуру человеческого бытия.

Домен «Я» в модели ДНИ выступает не объектом для дизайна, а онтологическим гарантом и этическим компасом. Его структура позволяет диагностировать точки уязвимости, через которые осуществляется тоталитарное воздействие, и одновременно указывает на фундаментальные основы человеческого достоинства, которые должны оставаться неприкосновенными в любом проекте социального конструирования.

2.3. Экзистенциально-этический императив домена «Я»: онтология сопротивления

Принцип «экзистенциальной надежды», выведенный из структуры домена «Я», формирует фундаментальный императив всей концепции ДНИ. Этот императив — непрерывная задача антропологической аскезы: преодоление «животного», рефлекторно-приспособительного модуса существования в пользу автономной субъектности. Это то, что А. Чехов называл «выдавливанием из себя раба», но в нашей модели этот процесс — не моральная проповедь, а следствие самой архитектоники взаимодействия «Я» и «Мы».

Теоретические основания: от импринта зависимости к потенциалу свободы

Конфликт между укоренённостью в коллективе и стремлением к автономии имеет глубокие корни.

1. Биосоциальный импринт «рабства». Человек рождается в состоянии тотальной биологической незрелости [125]. Эта изначальная беспомощность формирует дорефлексивный паттерн: мир воспринимается как источник безопасно-

сти в обмен на подчинение. Социальные системы («Мы») часто эксплуатируют этот импринт, предлагая упрощённые идентичности (винтик, потребитель, носитель крови) в обмен на отказ от бремени свободы [464].

2. Нередуцируемость как фундамент трансценденции. В отличие от животного, чьё поведение детерминировано средой, человеческое «Я» содержит «противоядия» от порабощения. Каждое измерение ядра несёт в себе зародыш выхода за пределы приспособления.

• Телесность — это не только объект контроля, но и «воплощённое сознание», способное на акты, ломающие логику биологического выживания (самопожертвование, творчество).

• Родовость — это источник исторической ответственности, требующий выхода за рамки сиюминутного эгоизма.

• Веровательность — это по определению поиск смыслов, превосходящих утилитарные нужды.

• Экологичность — это этика заботы, выходящая за пределы группового интереса.

Механизм «выдавливания»: рефлексивный разрыв

Процесс преодоления «рабства» запускается именно в мо-

мент столкновения доменов. «Мы» выступает как провокация: предлагая индивиду инфантильные модели самоинтерпретации, оно триггерит пробуждение аутентичного «Я».

Этот рефлексивный разрыв активирует измерения ядра как инструменты критики.

• Тело сигнализирует об отчуждении через боль или радость вопреки нормам.

• Личный родовой нарратив вступает в спор с официальной идеологией.

• Экзистенциальный поиск ставит под сомнение предлагаемые догмы.

Научная верификация агентности

Тезис о «выдавливании раба» находит подтверждение в современных данных.

• Психология. Теория самодетерминации доказывает, что подавление автономии ведёт к деградации личности, тогда как опора на внутренние ресурсы «Я» стимулирует рост [344].

• Нейробиология. Исследования чувства агентности (авторства своих действий) показывают, что осознанный выбор активирует специфические нейронные сети префронтальной коры, ответственные за высший уровень саморегу-

ляции [684].

• Социология. Мобилизация протеста часто возникает из «морального шока» — столкновения интимных ценностей ядра с репрессивными практиками институтов.

В парадигме ДНИ целью «гуманистического инжиниринга» является проектирование не «правильной идентичности», а такой культурно-институциональной среды, которая не подавляет, а провоцирует в человеке работу по становлению со-автором мира.

Домен «Я» — это не готовый ответ, а устойчивое проблемное поле. Его структура задаёт координаты бытия, но оставляет открытым вопрос: станет ли человек «носителем функции» или ответственным субъектом. Признание этой амбивалентности превращает модель ДНИ в критический инструмент борьбы за «человеческое в человеке».

Предлагаемая модель, преодолевает три ключевые дихотомии, блокировавшие понимание идентичности в цифровую эпоху (Таблица 2–2).

Таблица 2–2. Преодоление ключевых теоретических дилемм в модели ДНИ (Домен «Я» — Домен «Мы»).

Дилемма / Тупик	Как решает модель ДНИ	Теоретический выигрыш
Субстанциализм vs. релятивизм (социальный конструктивизм)	Синтез через структуру: устойчивое антропологическое ядро «Я» взаимодействует с пластичными социальными стратами домена «Мы». Идентичность определяется как процесс Negotiation между ними.	Сохраняет субъекта как онтологическую целостность, одновременно объясняя его социальную пластичность. Идентичность — это не статичная «вещь» и не чистый конструкт, а непрерывный процесс согласования.
Индивидуальное («Я») vs. коллективное («Мы»)	Двухдоменная архитектура: «Я» и «Мы» представлены не как оппозиция, а как две взаимосвязанные системы, каждая из которых обладает собственной внутренней стратификацией (тетрадой измерений/страт).	Позволяет анализировать механику давления коллективных институтов (страт) на конкретные априорные измерения личности, в результате чего формируются устойчивые ипостаси.
Множественность vs. целостность	Концепция ипостасей: множественность — это не распад «Я», а его проекции на различные социальные страты. Единое ядро проявляется в разных ипостасях («гражданин», «профессионал»), сохраняя свою структуру.	Объясняет современный опыт фрагментации идентичности, не отказываясь от принципа онтологической непрерывности самости. Множественность ролей не отменяет единство центра.

Таблица демонстрирует, как двухдоменная структура модели разрешает фундаментальные противоречия между субстанциализмом и релятивизмом, индивидуальным и коллективным началом, а также между множественностью ролей и онтологической целостностью идентичности.

Благодаря этой структуре модель ДНИ становится эффективным операциональным инструментом, позволяющим диагностировать конкретные конфликты идентичности и прогнозировать зоны уязвимости субъекта. Модель выявляет ситуации, в которых логика отдельной социальной страты (например, сетевой/цифровой) вступает в прямое противо-

речие с априорными измерениями ядра или полностью подавляет их — как это часто происходит с экзистенциально-веровательным измерением под давлением алгоритмических сред. Инструментарий модели позволяет точно определить, какие именно измерения ядра наиболее подвержены риску внешней колонизации со стороны страт домена «Мы» в условиях гиперцифровизации и тотального социального дизайна.

2.4. Эволюционно-исторические основания модели ДНИ

Представленная архитектура доменов «Я» и «Мы» не является абстрактной умозрительной конструкцией — она глубоко укоренена в системе эволюционно-исторических оснований. Для обоснования этого тезиса необходимо рассмотреть онтологию базовых элементов системы через призму ко-эволюции сложных систем.

Онтология «я»: Четыре эволюционных prior'а

Структура домена «Я» представляет собой систему эволюционно сформированных prior'ов — глубинных психобиологических программ, возникших как адаптация к фундаментальным вызовам существования Homo sapiens. Формирование домена «Я» — это классический пример нелинейной эволюции, где траектория отбора определялась не суммой отдельных признаков, а эмерджентными свойствами их динамической конфигурации.

Нелинейная ко-эволюция сложных адаптаций

Этот процесс не был последовательным «наслоением»

элементов. Речь идет о ко-эволюции четырёх измерений, которые возникали одновременно в зачаточных формах и развивались во взаимной зависимости. Современный синтез дарвиновской теории подтверждает, что в таких системах отбор идет по принципу усиления синергии между компонентами [681, 762].

Ключевые механизмы нелинейности

1. Эффект порога (теория прерывистого равновесия). Накопление количественных изменений (например, рост объема мозга) приводило к качественным скачкам. Измерения ядра развивались как связанная система: достижение критической точки в одном измерении вызывало возникновение нового уровня рефлексии в других.

2. Теория нишевой конструкции. Зарождение родового измерения создавало новую «социальную нишу». В этой нише селективное преимущество получали особи с развитой эмпатией и коммуникацией, что, в свою очередь, усиливало давление отбора на развитие когнитивных структур (будущего верователного измерения).

3. Эпигенетические петли обратной связи. Практики ритуала (верователное измерение) через эпигенетические механизмы могли закреплять нейробиологические структуры, поддерживающие сложную социальность (родовое измерение) и механизмы саморегуляции (телесное измерение).

Эволюцию домена «Я» можно представить как сеть положительных обратных связей.

• Телесное измерение (сигналы боли/удовольствия) стимулирует развитие социальной поддержки (родовое) и смысловых конструктов (веровательное).

• Родовое измерение (кооперация) требует сложной коммуникации, что стимулирует символическое мышление (веровательное).

• Веровательное измерение (миф, ритуал) укрепляет сплоченность группы, усиливая родовые связи и обеспечивая стабильность для телесного существования.

Таким образом, четырёхмерная структура ядра представляет собой эволюционный аттрактор — устойчивое состояние, к которому сходилась сложная система «психика — социум» через бесчисленные акты отбора. Каждое измерение — это сложная адаптация, закрепившаяся в качестве глубинной, онтологически устойчивой программы, отвечающей на фундаментальный вызов бытия.

Таблица 2–3. Система эволюционных prior'ов домена «Я»: вызовы, функции и обоснование.

Измерение	Эволюционный вызов	Ключевая функция	Теоретическое обоснование
Экологическое («Я — часть природы»)	Зависимость от ресурсов и циклов экосистемы [751].	Формирование базового чувства «вписанности» в мир, обеспечение метасистемного контекста бытия.	Глубокая экология [751]; теория аффордансов [130].
Телесное («Я — воплощённый»)	Адаптация к физическому миру, осознание конечности и границ [285].	Материальный субстрат идентичности, первичный интерфейс взаимодействия с миром.	Концепция «воплощённого познания» [826]; феноменология тела [285].
Родовое («Я — из рода»)	Кооперация и забота о потомстве как стратегия выживания вида [687].	Обеспечение исторической непрерывности «Я», формирование фундаментальных паттернов привязанности.	Кин-отбор [687]; теория привязанности [71].
Экзистенциально-верователь-ное («Я — верующий»)	Осознание смертности и потребность в универсальном смысле [587].	Создание «смыслового универсума», способность к трансценденции и преодолению страха небытия.	Социальное конструирование реальности [46]; концепция «смертного трепета» [587].

Перечисленные prior'ы образуют неразрывную целостную систему, где каждое измерение выполняет строго определённую роль в архитектуре идентичности.

• Экологическое измерение задаёт предельный контекст существования.

• Телесное создаёт материальный субстрат для реализации субъектности.

• Родовое обеспечивает социально-темпоральное расширение «Я» во времени и поколениях.

• Экзистенциально-веровательное осуществляет финальное символическое интегрирование всего человеческого опыта.

Именно в своей совокупности они формируют онтологически устойчивое ядро человеческой самости. Будучи архаическим базисом, это ядро выступает главным препятствием для тотального социального конструирования, задавая ту универсальную матрицу, на которой надстраиваются все последующие исторические идентификации.

Диалектика «Мы»: историческая динамика страт

В отличие от онтологически устойчивого домена «Я», домен «Мы» подвержен исторической эволюции. Его развитие — это диалектический процесс, в котором устойчивое ядро «Я» вступает во взаимодействие с меняющимися социальными формами. Этот процесс порождает новые страты принадлежности через последовательную социальную дифференциацию [267].

Эволюция системы страт: от монолита к тетраде

В рамках предлагаемой концепции можно выделить три ключевые фазы развития домена «Мы», каждая из которых усложняет систему «ответов» на запросы ядра. Разумеется, это упрощённая модельная реконструкция, не претендующая на полноту исторического анализа, но позволяющая наглядно показать, как эволюция социальных страт могла бы соотноситься с логикой тетрады.

• Фаза I: Домодерн (Аграрные империи). Двухстратная система.

Доминирует этнокультурная страта, базирующаяся на мифе, традиции и общем происхождении. Это «воображаемое сообщество» [15], скрепленное религией и языком. Профессиональная страта в этот период не автономна: она жестко встроена в этнокультурную через систему наследуемых сословий и цехов (status groups по М. Веберу) [104]. Гражданская страта в современном понимании отсутствует — её заменяет личная верность сюзерену.

• Фаза II: Модерн (Нации-государства). Трёхстратная система.

Происходит кристаллизация гражданской страты. Процессы монополизации насилия и налогообложения приво-

дят к формированию идеи суверенного народа. Личная лояльность дифференцируется в формально-правовой статус гражданина [477]. Возникает новая, самостоятельная ось социальности.

Конфигурация: (Этнокультурная) + (Профессиональная) + (Гражданская).

• Фаза III: Информационная эпоха (Глобальное общество). Четырёхстратная система.

Цифровая революция приводит к выделению сетевой страты. Коммуникация, ранее бывшая лишь атрибутом других страт, превращается в автономную глобальную среду [222]. Формируется четвертая ось, где солидарность основана на информационных потоках и общности ценностей, а не на территории или происхождении.

Завершенная конфигурация: (Этнокультурная) + (Профессиональная) + (Гражданская) + (Сетевая).

Взаимодействие доменов в динамике идентичности

Динамика идентичности в модели ДНИ разворачивается как взаимодействие двух противоположных логик.

1. Логика устойчивости («Я»). Онтологическая структура домена «Я» задает универсальные экзистенциальные «вопросы» (Безопасность? Принадлежность? Смысл?).

2. Логика изменчивости («Мы»). Исторически развивающаяся структура домена «Мы» предоставляет изменчивые «ответы» на эти вопросы в виде конкретных страт принадлежности.

Четырёхстратная модель домена «Мы» — это не произвольный набор, а закономерный итог социальной дифференциации. В настоящий момент система достигла своего предела, будучи способной дать полный спектр ответов на запросы человеческого ядро.

Этот синтез обосновывает принцип онтологической устойчивости модели ДНИ: текущая конфигурация ядро и надстройки представляет собой завершенную систему для анализа идентичности. Любое качественное изменение этой структуры в будущем будет означать уже не просто эволюцию, а цивилизационный сдвиг, затрагивающий биологические основы человеческого самоопределения.

2.5. Взаимосвязь доменов: принцип диалектического взаимодействия

Представленная архитектоника доменов «Я» и «Мы» обретает свой эвристический потенциал в диалектике их взаимосвязи. Статическое описание структурных компонентов было бы неполным без раскрытия динамического характера их взаимодействия, которое осуществляется через перманентный процесс Negotiation. Этот процесс следует понимать не как механическое сложение элементов, а как сложноорганизованную диалектику, где устойчивость и изменчивость, укоренённость и проективность находятся в состоянии постоянного взаимопреобразования.

Динамика Negotiation между доменами разворачивается по нескольким взаимосвязанным осям, образуя многомерное пространство формирования идентичности.

• Внутренняя ось («Я» → «Я»). Осуществляет взаимовлияние измерений самого антропологического ядро. Это первичный контур согласования, где телесное, родовое, экзистенциальное и экологическое измерения формируют целостный «запрос» или «ответ» субъекта на внешние вызовы.

• Центральная ось («Я» ↔ «Мы»). Основное поле формирования идентичности. Здесь устойчивые основания самости вступают в диалог с пластичными социальными предло-

жениями коллективной принадлежности (стратами).

• Горизонтальная ось («Мы» ↔ «Мы»). Пространство, в котором различные страты принадлежности — этнокультурная, гражданская, профессиональная и сетевая — конкурируют и согласуются между собой за право доминировать в структуре самоопределения субъекта.

Особую значимость в эпоху цифрового дизайна приобретают вертикальные оси взаимодействия с институтами:

1. Ось «Я» ↔ Институты. Отражает напряжённый диалог между антропологическим ядро и внешними системами (цифровыми, политическими, идеологическими), которые оказывают на субъекта прямое редукционистское давление.

2. Ось «Мы» ↔ Институты. Процесс артикуляции, легитимации или маргинализации конкретных страт со стороны доминирующих институциональных порядков.

Все эти процессы сходятся в синтетическом поле «Я+Мы» — пространстве формирования целостной идентичности. Именно здесь происходит финальное согласование между требованиями институтов, возможностями страт и константами антропологического ядро. Результатом этого синтеза становятся ипостаси идентичности — конкретные, ситуативные конфигурации субъекта в социальном мире.

Описанная многомерная динамика имеет своим генеративным механизмом диалектику между устойчивыми измерениями антропологического ядро и пластичными социальными стратами домена «Мы». Этот центральный процесс Negotiation, в котором рождаются итоговые ипостаси, систематизирован в следующей таблице.

Таблица 2–4. Структурно-процессуальная модель взаимодействия антропологического ядра («Я») и социальных страт («Мы»).

Домен «Я» (антропологическое ядро)	Взаимодействие (Negotiation)	Домен «Мы» (социальные страты)	Результат
Измерения: 1. Телесное («Я-воплощённый») 2. Родовое («Я-из-рода») 3. Экзистенциальное («Я-верующий/ищущий») 4. Экологическое («Я-часть-природы»)	⇄ Конфликт, синтез, давление, признание ⇄	**Страты:** 1. Этнокультурная 2. Гражданско-национальная 3. Социально-профессиональная 4. Сетевая (транснациональная)	**Ипостаси** («гражданин», «профессионал», «член диаспоры» и т. д.)

Представленная базовая двухдоменная схема визуализирует центральную ось «Я ↔ Мы», вокруг которой выстраиваются все остальные векторы взаимодействия. Она фокусируется на исходном конфликте и синтезе, результат которо-

го — формируемые ипостаси — становится материалом для дальнейших Negotiation на других осях.

ДНИ — это не статичная конструкция, а динамический процесс «переговоров» между измерениями ядра «Я» и стратами принадлежности «Мы». Такая процессуальная природа позволяет преодолеть тупиковую дихотомию между субстанциализмом, ищущим неизменную субстанцию [547], и радикальным конструктивизмом, растворяющим субъекта в дискурсах [467]. В нашей модели ДНИ — это сложный, нелинейный и внутренне конфликтный процесс сборки коллективного «Мы» из материала индивидуальных «Я» и наоборот.

Предложенная модель позволяет точно определить онтологический статус субъекта. Если домен «Я» (антропологическое ядро) и домен «Мы» (страты принадлежности) — это структурные компоненты, то личность и идентичность — два различных результата их взаимодействия.

• Личность присутствует как активный, рефлексирующий субъект Negotiation. Она осуществляет работу по синтезу смыслов, поступающих из ядра и от социальных страт. Бытие личности раскрывается в векторе «изнутри наружу» — в способности «Я» проявлять агентность (agency), совершать выбор и нести ответственность. Личность — это принцип целостности и субъектности самого процесса.

• Идентичность существует как ситуативный и результирующий конструкт, возникающий в поле «Я+Мы». Её бытие раскрывается в векторе «извне внутрь» — в конкретных, актуальных конфигурациях принадлежности, которые производятся в ходе Negotiation и получают признание (или оспаривание) в социуме. Идентичность — это продукт процесса и его социально-значимое воплощение.

Следовательно, личность и идентичность не конкурируют. Модель ДНИ описывает, как через перманентный Negotiation личность непрерывно порождает и трансформирует свои идентичности как проекты самой себя.

2.6. Онтология и таксономия феноменов идентичности: ипостаси и сквозные категории

Анализ динамики идентичности в рамках модели ДНИ выявляет необходимость терминологического различения двух принципиально разнородных классов феноменов, сосуществующих в зоне пересечения домена «Я» и домена «Мы». Речь идёт о различении между ипостасями как ситуативными конфигурациями идентичности и сквозными категориями как универсальными осями, структурирующими само поле социального позиционирования.

Безусловно, и те, и другие участвуют в процессе социального позиционирования, но их роли различны. Сквозные категории задают фундаментальные координаты социального пространства (например, по осям «пол» или «класс»), в то время как ипостаси представляют собой конкретные позиции, возникающие в точках пересечения этих осей. Ипостась — это ответ на вопрос «Кто я в данной ситуации?», который обретает социальное значение именно благодаря своему расположению на координатной сетке сквозных категорий.

Ипостась как ситуативная конфигурация идентичности

Ипостась в нашей модели — это ситуативно-устойчивая сборка, являющаяся результатом успешного акта Negotiation между конкретными запросами ядра и предложениями домена «Мы». Онтологически это результирующее состояние системы, ответ на экзистенциальный вопрос: «Кто я в данном контексте?».

Ипостаси дискретны и множественны. Индивид актуализирует их репертуар в зависимости от ситуации.

• Конфигурация «учёный» собирается на пересечении профессиональной и гражданской страт, отвечая на вызовы экзистенциального (смысл) и телесного (безопасность) измерений.

• Ипостась «отец» является продуктом Negotiation между родовым измерением ядра и этнокультурной стратой.

Сквозная категория как универсальная ось позиционирования

В отличие от ипостасей, сквозная категория — это фундаментальный параметр, который не является результа-

том Negotiation, но выступает его первичным материалом и структурным условием. Эти категории пронизывают все страты и измерения, формируя базовую геометрию пространства идентичности.

К ключевым сквозным категориям относятся следующие.

1. Пол (Sex): биомедицинская основа (хромосомы, анатомия), получающая социальное значение через интерпретацию стратами (медицинской, гражданской).

2. Гендер (Gender): социокультурный конструкт (роли, ожидания), производный от пола, но не детерминированный им напрямую (Дж. Батлер). Он артикулируется через этнокультурную и профессиональную страты.

3. Возраст (Age): универсальный параметр, по-разному институционализированный в каждой страте (детство, зрелость, старость).

4. Социальный класс (Class): стратификационная позиция, пронизывающая все страты домена «Мы» [87].

Таблица 2–5. Сквозные категории в системе ДНИ: параметры базовой геометрии идентичности.

Критерий	Пол (Sex)	Гендер (Gender)	Возраст (Age)	Социальный класс (Class)
Основа	Биологическая (хромосомный, гонадный, гормональный, анатомический уровни). Соответствует биологической антропологии и медицине.	Социокультурная (интерпретация биологических различий, социальный конструкт). Соответствует теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана.	Хронологическая / Биологическая (время жизни, этапы онтогенеза). Соответствует демографии и биологии развития.	Экономико-социологическая (отношение к средствам производства, доступ к ресурсам, позиция в разделении труда). Интегрирует подходы К. Маркса и М. Вебера.
Содержание	Совокупность первичных и вторичных половых признаков, репродуктивная функция. Чёткое операциональное определение.	Социальные роли, модели поведения, нормы, внешние атрибуты, самоидентификация (маскулинность / феминность). Охватывает как внешние ожидания, так и внутреннее «Я».	Количество прожитых лет и связанные с ними физиологические, психологические и социальные стадии. Фиксирует многомерность возраста.	Объём и структура капиталов (экономический, культурный, социальный, символический). Определяется образованием, связями, статусом, финансами.

Тип изменчивости	Универсален и относительно неизменен на биологическом уровне (субстрат). Дискретен. *«Относительно» оставляет пространство для транзиции / коррекции, но подчёркивает стабильность биологической основы.*	Высоко вариативен в разных культурах и исторических периодах. Представляет собой спектр, отражающий постмодернистский и постструктуралистский взгляды.	Универсален как процесс, но социальное значение возраста (возрастные страты) исторически изменчиво. Критическое различие: время течёт одинаково, но «быть старым» в разных обществах и культурах означает разное.	Динамичен. Зависит от структуры общества, но сама ось неравенства («выше-ниже», «свой-чужой») воспроизводится постоянно. Разводит конкретное наполнение и универсальный принцип иерархии.
Параметры описания	Мужской, женский, интерсекс-вариации. Включает современные медицинские данные о разнообразии половых признаков.	Маскулинность, феминность, андрогинность, небинарность. Описывает поле гендерных идентичностей, а не жесткую дихотомию.	Детство, юность, зрелость, старость (возрастные когорты / страты). Базовые социально признанные этапы жизненного цикла.	1. Объём власти / дохода (вертикальная ось). 2. Тип капитала (горизонтальная ось: экономический vs культурный). 3. Происхождение (наследуемая позиция vs достигнутая). Задаёт многомерное пространство для описания класса, избегая редукции к одному признаку.

Статус в модели ДНИ	Биомедицинская и родовая сквозная категория. Материальный субстрат, с которого начинается интерпретация в страте «Плоть». Точное указание места в модели: исходные данные для страты «Плоть/Род».	Социокультурная сквозная категория. Продукт переработки биологического пола этнокультурной и гражданской стратами. Показывает, как «сырой» пол превращается в «социальный» гендер).	Хронологическая и институциональная сквозная категория. Задает нормативные ожидания (образование, работа, пенсия) во всех стратах домена «Мы». Подчеркивает институциональный характер возраста.	Универсальный стратификатор. Пронизывает все страты домена «Мы», определяя вероятность доступа к ресурсам и диапазон доступных идентичностей (ипостасей). Класс — это «метакатегория», фильтр, через который проходят все остальные.

Основания локализации сквозных категорий в зоне пересечения «Я+Мы»

Включение сквозных категорий непосредственно в состав домена «Я» или домена «Мы» представляется методологически некорректным в силу ряда фундаментальных причин, определяющих архитектуру ДНИ.

Во-первых, различие онтологических статусов. Домен «Я» и домен «Мы» обладают субстанциальной природой: они представляют собой содержательные блоки, из которых складывается идентичность. Измерения ядра — это модусы человеческого существования, способы бытия-в-мире.

Страты — это институционально оформленные формы коллективности. Сквозные категории, напротив, имеют не субстанциальную, а параметрическую природу. Они выступают не материалом, а свойствами пространства, в котором этот материал организуется. Если «Я» и «Мы» — это фигуры идентификационного ландшафта, то сквозные категории — это сама система координат, задающая возможности положения и перемещения этих фигур.

Во-вторых, функциональное различение. Сквозные категории выполняют функцию универсальных осей социальной классификации, отвечая на вопрос: «По каким фундаментальным признакам я определяю себя и меня определяют другие?». Они задают базовую геометрию социального поля [602]. Ипостаси же, возникающие как продукт Negotiation, отвечают на ситуативный вопрос: «Кто я в данном контексте?». Конкретная ипостась — «российский учёный», «отец» — формируется как точка на пересечении осей, образованных сквозными категориями, внутри координатной сетки, заданной стратами домена «Мы». Таким образом, сквозные категории выступают не участниками диалога между «Я» и «Мы», а самим языком, на котором этот диалог ведётся, структурным условием его возможности.

В-третьих, снятие риска редукционизма. Природа сквозных категорий принципиально гибридна и биосоциальна [31, 447]. Помещение их только в домен «Я» означает биологизацию того, что имеет неотъемлемое социальное измере-

ние. Помещение исключительно в домен «Мы» ведёт к крайнему социальному конструктивизму, игнорирующему телесную и экзистенциальную укоренённость этих параметров. Лишь локализация в зоне пересечения позволяет удерживать сложную диалектику природного и культурного.

Рассмотрим это на конкретных примерах. Пол как биологическая характеристика коренится в телесном измерении ядра, однако социальной категорией он становится лишь благодаря интерпретирующей деятельности страт домена «Мы» [31, 447]. Медицинская страта определяет норму, гражданская страта закрепляет половую принадлежность в документах, этнокультурная наделяет её символическим смыслом, а профессиональная транслирует связанные с ней ролевые ожидания. Сквозные категории оказываются теми узлами, где «биография тела встречается с историей общества».

Темпоральное измерение сквозных категорий: диалектика устойчивости и изменчивости

Сквозные категории имеют диахроническое измерение — они являются продуктами длительной социальной эволюции. В синхронии, для индивида, вступающего в социальное взаимодействие, они выступают как объективированная реальность, существующая в институтах, языке и телесных практиках как «внешние и принудительные факты» (в дюрк-

геймовском смысле) [190].

В диахронии же они предстают как кристаллизованные результаты бесчисленных актов Negotiation, как ипостаси, обрётшие устойчивость и институциональную власть нормировать реальность [132]. Введение понятия темпоральной институционализации снимает кажущееся противоречие между статусом сквозных категорий как условий и их исторической природой как результатов.

Разграничение сквозных категорий и измерений домена «Я»

Различение проводится по критерию функции в социальном обмене. Измерения ядра представляют собой антропологические константы — универсальные способы человеческого существования (телесность, родовая принадлежность, экзистенциальный поиск), присущие каждому независимо от общества. Сквозная категория — это признак, превращённый обществом в универсальный принцип классификации и распределения ресурсов [602].

Измерение «Я — воплощённый» констатирует факт: я обладаю телом. Сквозная категория «пол» означает: в данном обществе моё тело читается определённым образом, и это прочтение систематически определяет мои социальные траектории. Не все измерения ядра становятся сквозными осями. Модель ДНИ фиксирует историческую вариативность:

сквозные категории — это те измерения «Я», которые в данную эпоху получили максимальную институциональную проекцию во всех или большинстве страт домена «Мы».

Критерии идентификации и проблема полисемии

Основным критерием выступает тотальность пронизывания. Сквозная категория должна релевантно проявляться во всех или в подавляющем большинстве страт — этнокультурной, гражданской, профессиональной, сетевой. Например, этничность в рамках ДНИ рассматривается не как сквозная категория, а как содержание этнокультурной страты, поскольку она может быть слабо релевантна для других сфер (профессиональной или гражданской).

Модель также фиксирует полисемию социального мира: значения на осях («мужчина», «пожилой») могут в определённых контекстах выступать как ипостаси. Сквозная категория работает как нерефлексируемый фон (пол в паспорте), в то время как ипостась возникает тогда, когда индивид актуализирует эту принадлежность в конкретном взаимодействии («я как женщина» в семейном споре).

Перформативность и интерсекциональность

Модель ДНИ не противоречит теории перформативности Дж. Батлера: ипостаси перформативно воспроизводят и потенциально трансформируют сквозные категории [31], а те, в свою очередь, делают ипостаси социально читаемыми.

Для решения проблемы интерсекциональности — уникального своеобразия пересечений различных категорий — введено понятие ипостаси. Ипостась есть не сумма сквозных категорий, а уникальная конфигурация, возникающая в конкретной точке их пересечения [31, 602]. «Чёрная женщина-профессор» — это не механическое сложение расы, гендера и профессии, а качественно определённая социальная позиция с присущими ей ожиданиями.

Различение уровней: структура и агентность

Сохранение качественного различия между сквозными категориями и ипостасями имеет принципиальное методологическое значение.

1. Институциональная объективация. Сквозная категория — свойство системы, закреплённое в законах и архитектуре. Она перестаёт быть вопросом выбора и становится социаль-

ным фактом.

2. Асимметрия власти. Индивид может не желать актуализировать ипостась «пенсионер», но сквозная категория «возраст» будет работать на него через пенсионное законодательство независимо от его желания [187, 602]. Это позволяет модели различать уровень агентности (выбора) и уровень структуры (системных рамок).

Сравнительный анализ и синтез

Проведенное онтологическое различение между ипостасями и сквозными категориями позволяет систематизировать их ключевые характеристики. Для наглядности представим сравнительный анализ в табличной форме (Таблица 2–6), которая подчеркивает их взаимодополняющую и иерархическую природу в рамках модели ДНИ.

Таблица 2–6. Сравнительная характеристика ипостасей и сквозных категорий в модели ДНИ.

Критерий	Ипостась (Конфигурация)	Сквозная категория
Онтологический статус	Результат, состояние системы в конкретный момент.	Условие, параметр, фундаментальная ось координат.
Функция в модели	Продукт процесса Negotiation.	Ресурс/рамка для процесса Negotiation.
Вопрос	«Кто я?» (в данном контексте).	«По какому признаку я определяю себя и меня определяют другие?».
Свойства	Дискретность, множественность, ситуативность.	Континуальность, сквозной характер, универсальность.
Примеры	«Российский учёный», «Любящий отец», «Гражданин».	Пол, гендер, возраст, социальный класс.

Анализ данных позволяет сделать фундаментальный вывод о взаимоотношении двух порядков феноменов. Зона «Я+Мы» представляет собой сложноорганизованное семантическое поле. Сквозные категории (пол, гендер, возраст, класс) формируют его фундаментальную архитектонику, задавая основные измерения этого поля. Ипостаси же представляют собой конкретные позиции и динамические траектории в данном поле, возникающие в процессе непрерывного Negotiation.

Такое различение снимает кажущееся противоречие в локализации феноменов: они не «сосуществуют» на одном уровне, а соотносятся как система координат (сквозные категории) и позиции в этой системе (ипостаси). Исходя из этого онтологического различения, можно построить предварительную таксономию наиболее значимых типов феноменов.

Наряду со сквозными категориями, задающими «геометрию» семантического поля, и ипостасями как конкретными позициями в нём, необходимо выделить ещё один фундаментальный слой — символические матрицы, к которым, в частности, относятся язык и миф. Язык предоставляет категориальную сетку и синтаксис, обеспечивающие возможность проведения различений. Экспериментальные данные когнитивных исследований эмпирически верифицируют этот статус языка как процессуального медиума, а не субстанциальной инстанции. Установлено, что мозг кодирует даже визуальную информацию не в виде статичных образов, а как иерархический «рецепт» сборки — последовательность операций, аналогичную синтаксическому дереву, причём эта способность модально-независима и функционирует на до-вербальном уровне. Таким образом, вербальный язык представляет собой лишь частное проявление глубинной синтаксической способности Онто-Сознания, которая локализуется в пострациональном модусе (П) как акт сборки целостности и в Сверхрационально-Интегральном модусе (С-И) как формирование гештальта.

Именно поэтому язык не выносится в отдельное измерение антропологического ядра домена «Я» и не образует изолированную страту домена «Мы». Он пронизывает все уровни, выступая внешним медиумом артикуляции той доязыковой структуры организации опыта, которая связывает человека с коллективными матрицами смыслопорожде-

ния. Это понимание объясняет, почему генеративные системы искусственного интеллекта, оперирующие в «признаковых пространствах», способны производить синтаксически корректные тексты, но принципиально не воспроизводят человеческий способ структурирования мира, лишённый субстратной онтологической укоренённости. Характер языка как символической матрицы обусловлен первичностью этой синтаксирующей способности по отношению к любым её внешним репрезентациям.

Миф, в свою очередь, предлагает архетипические нарративные схемы (сценарии инициации, борьбы, искупления), в соответствии с которыми формируются и пересобираются ипостаси. В терминах модели ДНИ символические матрицы функционируют посредством оператора МА (Архе-Символического) и архетипических структур А-И.

Религия представляет собой интегративный надсимволический феномен, объединяющий язык и миф как свои нарративные основания, ритуал (Под. Р), догмат (Баз. Р) и, что наиболее существенно, ценностный горизонт С-О (сакральное, абсолютное). В отличие от языка и мифа, выступающих инструментальными символическими матрицами, религия включает в себя также легитимирующую инстанцию — отношение к трансцендентному, задающее предельные ориентиры для всего процесса Negotiation. Поэтому в архитектонике ДНИ религия занимает особое место, связывая символические матрицы, институты и ценностный горизонт.

В нашей системе религия — это не язык, на котором ведётся диалог (как пол, гендер или возраст), а сама тема этого диалога.

Таксономия сквозных категорий (универсальные оси позиционирования)

1. Биомедицинские оси.

• Пол (Sex): базовая биологическая категория, выступающая первичным маркером для социальной атрибуции и источником телесного опыта, осмысляемого через страты домена «Мы».

• Здоровье/Способность (Ability/Disability): категория, определяющая телесный опыт в системе физических и ментальных норм.

2. Социо-демографические оси.

• Гендер (Gender): социокультурный и психологический конструкт, производный от пола, но не детерминированный им напрямую (Дж. Батлер).

• Возраст: универсальный параметр, структурирующий доступ к ресурсам, правам и социальным ролям.

• Поколение: категория, фиксирующая общность исторического опыта.

• Территориальная принадлежность: ось, определяющая масштаб идентификации (локальность/глобальность).

3. Социально-экономические оси.

• Класс/Стратификационная позиция: фундаментальный вектор социального неравенства.

• Уровень образования: параметр, детерминирующий социальный статус и культурный капитал.

Ипостаси (типичные конфигурации идентичности)

• Профессионально-статусные: «Учёный», «Предприниматель», «Наёмный работник», «Пенсионер».

• Семейно-родственные: «Родитель», «Супруг», «Сын».

• Гражданско-политические: «Гражданин», «Активист», «Избиратель».

• Культурно-мировоззренческие: «Верующий», «Атеист», «Интеллектуал».

• Сетевые и коммуникативные: «Блогер», «Участник онлайн-сообщества», «Цифровой кочевник».

Онтологический статус сквозных категорий: биологическое и социальное

Вопрос о биологической детерминированности сквозных категорий — центральный для модели ДНИ. В отличие от

ипостасей, которые являются продуктом сугубо социального взаимодействия, сквозные категории занимают промежуточное положение. Это узлы, в которых сплетаются биография тела и история общества.

Рассмотрим эту диалектику на примерах.

• Пол (Sex): биология предоставляет материал (хромосомы, гонады), а домен «Мы» предоставляет систему его интерпретации и иерархизации. Биологическая данность становится социальной категорией только через систему осмысления стратами (например, медицинской или гражданской).

• Возраст: обладает биологической основой (онтогенетический цикл), но его содержание — система ролей и прав («совершеннолетие», «старость») — является продуктом культурно-исторического развития.

• Гендер (Gender): демонстрирует сложную динамику. Биология предоставляет материальный субстрат (телесность), который становится полем для социального означивания. Гендер не детерминирован биологией напрямую, но возникает в напряжённом поле между телесной данностью ядра и социальным конструктом домена «Мы».

• Здоровье/Способность: наглядно показывает, как социальные дискурсы «конструируют» телесный опыт, определяя границы «нормы» и «инвалидности».

• Социальный класс: наиболее «социальная» категория, однако и она находит биологическое отражение в «эпиде-

миологии неравенства» — в том, как стресс и образ жизни оставляют след в телесной организации индивида [87].

Таким образом, сквозные категории не являются ни чисто биологическими, ни чисто социальными. Биология задаёт спектр возможностей и материальный субстрат, а социум придает этим категориям конкретное значение и нормативную силу. Эта гибридная природа позволяет модели ДНИ избегать как биологического редукционизма, так и крайностей конструктивизма.

Личность и идентичность: сквозные категории как мост

Сквозные категории выполняют функцию моста между личностью и идентичностью. Личность обладает атрибутами (пол, возраст, тело) как психофизической данностью [547]. Однако социально значимыми параметрами они становятся лишь в момент встречи с институтами страт. Личность предоставляет «сырой материал»; идентичность через Negotiation превращает его в социальные маркеры и позиции.

Эта двойственность позволяет модели ДНИ удерживать как антропологическую устойчивость личности, так и динамическую изменчивость идентичности, не растворяя одно в другом.

2.7. Эвристическая ценность модели ДНИ: анализ сложных случаев идентичности

Предложенная модель ДНИ позволяет не только описывать стандартные ситуации совпадения этнокультурной и гражданской страт, но и анализировать конфигурации, в которых эти уровни расходятся или взаимодействуют сложным образом. В данном разделе рассматриваются наиболее выраженные примеры — цыган, арабов, курдов и уйгуров, — наглядно демонстрирующие аналитическую мощь модели.

Выбор данных случаев обусловлен их специфической структурой: каждый из них высвечивает разные аспекты взаимодействия этнического, гражданского и иных уровней идентичности. Безусловно, представленный анализ не претендует на исчерпывающее описание всех существующих вариантов; полное рассмотрение мирового многообразия идентичностей выходит за рамки настоящей работы. Однако даже ограниченный набор примеров позволяет увидеть, как модель ДНИ работает в реальных исторических и социальных контекстах.

Различение этнокультурной страты («Мы — народ») и гражданской («Мы — нация») позволяет адекватно описывать ситуации, в которых эти уровни не совпадают. Анализ

групп, чья идентичность не вписывается в границы классического государства, демонстрирует аналитическую мощь модели ДНИ.

1. Цыгане (ромы): этнос в чистом виде

Цыгане — классический пример общности, у которой исторически не сложилось собственной государственности. Их идентичность строится вокруг этнического ядра: общего происхождения, языка, системы ценностей и исторической памяти. Гражданская рамка как единое целое у ромов отсутствует.

Идентичность цыгана многосоставна. Этнокультурное «Мы» сосуществует с гражданской лояльностью государству проживания (Франции, Румынии, Испании) и профессиональными ролями. Проявление цифровой страты для части населения лишь дополняет эту картину, не разрушая базовой структуры самоопределения.

2. Арабы: единство этнической основы и множественность наций

Арабский мир демонстрирует конфигурацию, где одна мощная этнокультурная страта (общность языка, литературного наследия и религии) сочетается с множеством граждан-

ских страт — египетской, иракской, саудовской и другими.

Общая арабская идентичность выступает как культурный горизонт. Он выходит на первый план в ситуациях внешней угрозы, панарабских движений или в диаспоре. В повседневной же жизни превалирует гражданская идентичность конкретного государства. Модель позволяет анализировать, как эти уровни конкурируют или дополняют друг друга в зависимости от контекста.

3. Курды: нация без государства и внутренняя дифференциация

Курды представляют собой нацию в этнокультурном, но не в гражданском измерении. При сильном этническом самосознании у них отсутствует единая государственная рамка, так как народ разделён границами Турции, Ирана, Ирака и Сирии.

Внутренняя структура курдской общности усложняется за счёт сквозных категорий. Религиозные различия (сунниты, езиды, алевиты), диалектные и клановые размежевания создают внутренние напряжения, модулируя единую идентичность. Это делает курдов примером того, как отсутствие гражданской страты компенсируется сверхплотностью этнокультурных и родовых связей.

4. Уйгуры: этнос в составе многонационального государства

Уйгуры обладают отчётливым этническим фундаментом (тюркский язык, исламская культура), но их гражданская страта жёстко задана китайским гражданством. В зависимости от ситуации индивид может принимать разные ипостаси: «уйгур — житель Китая», «китайский мусульманин» или «представитель тюркского мира». Модель ДНИ помогает отслеживать динамику и потенциальную напряжённость между этими уровнями в условиях политики государственной унификации.

Теоретические следствия для модели ДНИ

A. Несовпадение страт как норма.

Этническое ядро и гражданская нация не обязаны совпадать. Они могут накладываться друг на друга, конфликтовать или образовывать сложные иерархии.

B. Нация без государства.

Нация может существовать как этнокультурная общность. Модель фиксирует это, разделяя «народ» и «нацию» по разным концептуальным ячейкам.

C. Роль сквозных категорий.

Язык, религия и клан могут как укреплять единство, так и создавать глубокие размежевания внутри одной страты.

D. Многослойность идентичности.

Один человек может одновременно принадлежать к разным формам «Мы». Его актуальное состояние определяется контекстом: ром в семье, француз на выборах, музыкант в работе.

Традиционные и архаические сообщества в оптике ДНИ

Концептуальный аппарат модели применим и к архаическим сообществам (пигмеи Африки, амазонские племена) при учёте их специфики. Рассмотрение таких групп позволяет выявить универсальность базовых категорий.

1. Универсальность домена «Я»

Четыре измерения домена «Я» имеют антропологическую природу и присутствуют в любом обществе.

• Гендерно-телесное: осознание пола и физической вопло-

щённости.

• Родовое/семейное: неразрывная связь с предками и сородичами.

• Экзистенциально-веровательное: переживание вопросов жизни, смерти и мира духов.

• Экологическое: восприятие себя как органической части природной среды.

2. Трансформация страт «Мы» в догосударственных обществах

В архаике отсутствует разделение на этнокультурную и гражданскую страты, характерное для Модерна.

• Родоплеменная структура: основная форма «Мы», совмещающая черты этноса и семьи.

• Синкретизм: мифология и ритуалы одновременно выполняют функции религии, права и морали. Культура пронизывает все аспекты жизни, не выделяясь в автономную сферу.

• Отсутствие гражданской и цифровой страт: нет формального гражданства и лояльности абстрактным политическим институтам.

• Зачаточная профессиональная страта: разделение труда ограничено полом и возрастом. Роли шамана или воина ещё не отделены от родовых связей.

3. Ипостаси и сквозные категории

Идентичность в архаике — это результат процесса Negotiation между запросами «Я» и мифологическими предложениями «Мы». Ипостаси (охотник, воин, мать, старейшина) возникают на пересечении родовых и половозрастных структур. Сквозные категории — пол, возраст, род, клан, тотем и инициационный статус — жёстко структурируют жизнь индивида. Эти параметры определяют жизненный путь человека гораздо сильнее, чем в современном обществе, где Другой воспринимается через более гибкие институциональные фильтры.

Рассмотренные примеры подтверждают: модель ДНИ, основанная на строгом различении этнокультурной и гражданской страт, позволяет адекватно описывать сложнейшие конфигурации идентичности, избегая их редукции к упрощённым схемам. Хотя анализ иных групп (например, басков, каталонцев или тибетцев) мог бы дополнительно верифицировать предложенный подход, это выходит за рамки задач данной работы.

2.8. Научные основания нередуцируемости антропологического ядра

В рамках модели ДНИ домен «Я» постулируется как нередуцируемое антропологическое ядро, состоящее из четырёх фундаментальных измерений. Утверждение об их нередуцируемости основано на тезисе об их онтологической первичности по отношению к социально сконструированным стратам домена «Мы».

В современную эпоху, характеризующуюся вызовами цифровизации, развития нейротехнологий и генной инженерии, защита онтологического статуса человеческого «Я» становится не только теоретической, но и практической необходимостью — барьером против угрозы растворения и внешнего программирования личности. Теоретическое выделение ядра как нередуцируемого домена находит подтверждение в конвергенции данных эволюционной биологии, нейронаук и когнитивной психологии.

Нейробиологические основания «Я — воплощённый»: от биологической самости к рефлексии

1. Эволюционный континуум самости: пять этапов становления

Прежде чем говорить о человеческом «Я», необходимо признать фундаментальный факт: способность отличать себя от не-себя является базовым свойством всей живой материи [735]. Простейшая клетка уже обладает примитивной самостью (protoself), поддерживая гомеостаз и действуя целенаправленно [707]. Этот континуум «самости» усложняется нелинейно, проходя пять ключевых этапов.

A. Многоклеточность и дифференциация.

С появлением многоклеточных организмов возникает задача координации клеток ради выживания целого. Здесь зарождается интегративная функция — предшественница нервной системы [578].

B. Возникновение нервной системы.

Диффузная нервная сеть (как у медуз) позволяет коорди-

нировать тело как единое целое в ответ на стимулы [571].

C. Цефализация и билатеральная симметрия.

Концентрация нервных элементов на переднем конце тела (у билатерий) формирует мозговой ганглий. Это рождение «Я» как централизованного агента, ориентированного в пространстве [679, 743].

D. Развитие головного мозга и эмоционального сознания.

У млекопитающих лимбическая система порождает core consciousness — способность субъективно переживать состояния тела (боль, голод, страх) и использовать их для управления поведением [636, 763]. Это уровень «чувствующей самости».

E. Качественный скачок человека: рефлексивное самосознание.

Благодаря префронтальной коре и Сети пассивного режима (DMN) мозг совершает уникальный переход. Он не только создаёт сверхсложную модель тела, но и порождает рефлексивное осознание этой модели (autonoetic consciousness). Это позволяет человеку знать, что он существует во времени, и строить автобиографический нарратив [651, 804].

2. Трёхуровневая архитектура человеческого «Я — воплощённый»

Исходя из описанного континуума, человеческое «Я — воплощённый» представляет собой трёхуровневую систему, где нижние уровни общи с животными, а верхний — уникален.

• Уровень 1.

Дорефлексивная телесная самость (The Embodied Self). Это бессознательная «схема тела» (body schema) для моторного контроля. Её устойчивость и генетическая предзаданность проявляются в феномене фантомных конечностей [777]. Здесь «Я» тождественно действующему телу.

• Уровень 2.

Чувствующая самость (The Sentient Self). Основана на интероцепции и её интеграции в передней островковой коре (AIC) [631]. Физиологические состояния преобразуются в субъективные чувства. Здесь «Я» тождественно переживающему телу.

• Уровень 3.

Рефлексивное/Нарративное «Я» (The Reflective Self). Здесь вступает в работу DMN [776]. Она вплетает сырые

данные первых уровней в связную автобиографическую историю. Это уровень самоидентификации и проекции себя во времени. Здесь «Я» становится объектом для самого себя.

3. Ключевой переход: интеграция островковой коры, DMN и Сети выявления значимости

Переход от самости к рефлексивному «Я» обеспечивается интеграцией островковой коры (центра чувств) с DMN (центром автобиографии). Регулирующую функцию здесь выполняет Сеть выявления значимости (Salience Network). Она выступает динамическим интерфейсом, который оценивает релевантность внутренних состояний тела и внешних социальных сигналов, определяя, какая конфигурация самости (какая ипостась) должна быть актуализирована в ответ на вызовы среды.

4. Тест-кейс: гендерная идентичность как эмерджентное свойство системы

Гендерная идентичность в этой модели — не чистый конструкт и не простая анатомия. Это эмерджентное свойство на стыке:

- нейробиологической предрасположенности;

• интероцептивного опыта конкретного тела;

• социально-культурной обратной связи, обрабатываемой через зеркальные системы и DMN.

Рассогласование в этой системе (mismatch) ощущается как глубокая неаутентичность, источником которой является сама архитектура самости.

Философско-антропологический вывод: нередуцируемость воплощённого «Я»

Нейронаука не упраздняет личность, а выявляет новые грани её нередуцируемости.

• «Трудная проблема» сознания [624]. Описание нейронных коррелятов не объясняет возникновение самого субъективного чувства самости.

• Эмерджентность и процессуальность. Мозг непрерывно генерирует «Я» в реальном времени как процесс интеграции распределённых сетей. Процесс нельзя редуцировать к компонентам.

• Ценностная размерность. Самооценка телесности («Я» оценивает тело как верное или неверное) — это нормативное суждение, которое не выводится чисто каузально.

Таким образом, «Я — воплощённый» оказывается не «вещью» внутри черепа, а фундаментальным, ценностно-насы-

щенным способом организации жизнедеятельности биологической системы. Его нередуцируемость защищена молекулярно-генетической основой (наследуемость черт саморегуляции — 40–60 %) и спецификой самого феномена, требующего феноменологического подхода.

Эволюционно-биологические основания родового измерения («Я — из рода»): от привязанности к морали

В модели ДНИ родовое/семейное измерение постулируется как неустранимая часть антропологического ядра. Оно ответственно за формирование базового доверия и первичной социальности и имеет глубокие эволюционные корни. Это не поздняя культурная надстройка, а эволюционно-консервативная система, которая формирует базис для всей дальнейшей социальной структуры субъекта, включая страту «Мы».

1. Система привязанности и её нейрогормональный фундамент

Теория Дж. Боулби [71] постулирует, что потребность в эмоциональной связи является биологически заданной. Нейробиологическим субстратом этой потребности выступает система окситоцина, выделяющегося при телесно опосредо-

ванном контакте (тактильная стимуляция, кормление).

Окситоцин не только укрепляет связь, но и модулирует активность миндалины (amygdala), снижая реактивность на социальные угрозы. Через этот биохимический механизм формируется базовое доверие к миру — краеугольный камень не только психического здоровья, но и будущей социальной компетентности индивида [533, 658]. Первичная диада закладывает фундамент для способности любить и доверять, превращая биологическую близость в онтологическую принадлежность.

2. Гипотеза «социального мозга» и эволюция кооперации

Резкое увеличение объёма неокортекса у приматов и человека коррелирует со сложностью социальных групп — это основа «гипотезы социального мозга» [649]. Эволюция социального интеллекта требовала развития способностей для отслеживания сложных альянсов, распознавания «своих» и практики взаимного альтруизма [817].

Базовые элементы морали — эмпатия, сочувствие, чувство справедливости и воздаяния — имеют глубокие эволюционные корни, предшествующие культуре [610, 640]. Специализированные нейронные сети, включая зеркальные нейроны и структуры, связанные с теорией сознания (Theory of Mind), обеспечивают врождённую способность «читать» со-

стояния других и проецировать себя на их место.

3. Синтез: иерархия оснований измерения «Я — из рода»

Эволюционное обоснование измерения «Я — из рода» представляет собой строгую иерархию, где биология выступает не просто фоном, а структурирующим принципом.

• Нейроэндокринный уровень. Окситоциновая система обеспечивает аффективный «клей» привязанности через телесный контакт.

• Когнитивно-эмоциональный уровень. Система «социального мозга» (префронтальная кора, височно-теменной узел, островковая кора) обеспечивает эмпатию, проекцию на других и отслеживание сложных взаимных обязательств.

• Культурно-символический уровень. На этой базе надстраиваются системы родства и памяти. Важно подчеркнуть: эти системы не создают социальность из ничего, а лишь формируют и структурируют предзаданную биологическую потребность.

4. Антропологический вывод: ядро социальности как барьер для техногенной симуляции

В эпоху алгоритмически управляемых сред, имитирующих связь для эксплуатации базовых механизмов психики, опора на эволюционно сложившееся ядро позволяет сохранить способность к подлинной, а не инженерной социальности. Первичная диада в домене «Мы» и расширенные формы родства отвечают на неустранимую потребность в телесно опосредованной связи.

Игнорирование этого измерения в процессе Negotiation с цифровой средой ведёт к патологиям одиночества, аномии и утрате экзистенциального смысла. Родовое измерение формирует биологическое основание морали и доверия. Алгоритмические суррогаты (чат-боты, соцсети) не способны породить подлинную взаимность, укоренённую в совместной истории. Игнорирование или подавление этого измерения ведет к подрыву основ человеческой социальности, способствуя атомизации индивидов и замене взаимной ответственности инструментальными связями.

Экологическое измерение («Я — часть природы»): эволюционно-экзистенциальное основание биофилии

Экологическое измерение, выражаемое формулой «Я — часть природы», не является метафорой или культурной конструкцией, но отражает онтологическое условие человеческого существования. Это измерение представляет собой рефлексивное осознание фундаментальной биофизической укоренённости индивида в биосфере, которая сформирована эволюцией и пронизывает все уровни человеческого бытия — от физиологии до высших форм духовного опыта.

1. Эволюционно-биологический базис: гипотеза биофилии и EEA

Гипотеза биофилии [443] утверждает врождённую, генетически обусловленную тягу человека к связи с жизнью. Современные исследования [719] расширяют это понятие до «филогенетической привязанности к среде». Речь идёт о системе психофизиологических адаптаций, сформированных в среде эволюционной адаптированности (EEA).

• Сенсорно-перцептивные предпочтения. Автоматически

позитивная реакция на ландшафты типа саванны (открытые пространства, вода, растительность).

• Когнитивно-аффективные паттерны. «Проспективный резонанс» — бессознательное «прочтение» среды как поля возможностей и угроз, закодированное в нейронных сетях безопасности и ориентации.

2. Психофизиологический механизм: теория восстановления внимания

Эмпирическое подтверждение эволюционной укоренённости даёт теория восстановления направленного внимания (ART) С. Каплан [716]. Она доказывает, что естественная среда, требующая лишь «мягкого очарования» (soft fascination), позволяет восстановить истощённые когнитивные ресурсы префронтальной коры.

Природная среда — это оптимальный контекст для работы когнитивных систем. Напротив, изоляция в высокотехнологичных урбанистических средах ведёт к синдрому дефицита природы (nature-deficit disorder), проявляющемуся в росте тревожности и депрессии [730]. Экологическое измерение ядра выступает здесь как интуитивное знание о необходимости этого контекста для поддержания гомеостаза.

3. От биофилии к экопсихологии: природа как конституирующий Другой

Экопсихология утверждает нераздельность психики и природы [782]. Через экологическое измерение осуществляется:

• Формирование телесной схемы. Ощущение границ и масштаба тела формируется в диалоге с природными элементами. Это «воплощённый экологический разум» (embodied ecological mind).

• Трансценденция эго. «Пиковые переживания» [282] предоставляют опыт трансперсональной идентичности, где граница «Я» и «не-Я» размывается, подтверждая тезис «часть целого».

• Этический императив. Осознание себя частью экосистемы порождает феноменологически укоренённую этику ответственности за целое как за «расширенное Я» (deep ecology) [319].

4. Синтез: экологическое измерение как априорная структура

Экологическое измерение — это не приобретаемая черта,

а априорная структура самости, биосферный пласт идентичности, который:

• обуславливает физическое и психическое здоровье (гомеостатическая функция);
• структурирует восприятие, внимание и эмоции (когнитивно-аффективная функция);
• легитимирует этические императивы заботы о природе (нормативная функция);
• обеспечивает опыт трансценденции и связи с надличностным целым (трансперсональная функция).

Игнорирование этого измерения в техногенной цивилизации приводит к фундаментальной экзистенциальной патологии — отчуждению от собственной телесной и психической основы. Техногенные среды и виртуальные реальности не могут компенсировать эту утрату. Восстановление целостности «Я» в процессе Negotiation с современным миром невозможно без реинтеграции его экологического измерения. Это условие выживания «человеческого в человеке».

Верователь ное измерение («Я — верующий/ищущий»)

Измерение «Я — верующий/ищущий» нельзя редуцировать к культурному или социальному конструкту. Оно укоре-

нено в фундаментальных когнитивных и экзистенциальных предрасположенностях, которые формируют универсальную матрицу для восприятия мира как осмысленного, агентного и потенциально трансцендентного. Это измерение является рефлексивным осознанием и культуральным оформлением врождённых структур познания, сталкивающихся с экзистенциальными условиями человеческого бытия (смертность, неопределённость, поиск причинности).

1. Доконцептуальный каркас реальности: системы Core Knowledge и интуитивная агентность

Измерение «Я — верующий/ищущий» является рефлексивным осознанием врождённых структур познания. Исследования когнитивного развития младенцев [243, 396] выявили наличие врождённых, домодульных «базовых систем знаний» (Core Knowledge Systems) (617, 800]. Эти системы (объекты, агенты, числа, пространство) формируют доконцептуальный, но уже содержательно насыщенный каркас реальности.

Ключевое значение имеет система агентности (agency) — фундаментальная когнитивная способность воспринимать и приписывать целенаправленное действие, лежащая в основе понимания интенциональности.

• Она позволяет с первых месяцев жизни различать целенаправленное действие от механического движения, приписывать невидимым сущностям намерения и ожидать от них рационального поведения.

• Эта система выступает когнитивным пра-инструментом, который впоследствии позволяет не только понимать других людей, но и проецировать агентность на непонятные, угрожающие или значимые силы природы и бытия. Она создаёт предпосылку для вопроса «кто?» (а не только «как?» или «почему?») в отношении фундаментальных явлений.

2. Когнитивные предрасположенности: HADD, теория сознания и интуитивный дуализм

Эволюционная психология [597] развивает этот тезис, постулируя существование «гиперактивного устройства обнаружения агентности» (Hyperactive Agency Detection Device — HADD), которое представляет собой эволюционную надстройку над фундаментальной когнитивной системой агентности (597, 604, 729].

В условиях выживания предков переоценить угрозу (принять ветку за змею) было гораздо безопаснее, чем недооценить её. Эта эволюционная логика привела к формированию HADD — модуля, который представляет собой гипертрофированную версию базовой когнитивной системы распознавания целенаправленных действий. Его задача — быстро вы-

являть потенциальных агентов, но он часто даёт «ложные срабатывания», приписывая намерения случайным событиям — шуму в темноте или шевелению листвы.

Когда эта склонность вступает во взаимодействие с другими врождёнными инструментами — «теорией сознания» (способностью моделировать мысли других) и интуитивным дуализмом (ощущением раздельности сознания и материи), — она начинает генерировать гипотезы о существовании невидимых разумных агентов. Концепция HADD позволяет рассматривать религиозные представления как эволюционный побочный продукт — «by-product» работы когниционных систем, изначально настроенных на социальное взаимодействие и выживание [597].

3. От когнитивного by-product к экзистенциальной потребности: смысл, контроль и мораль

Объяснение через эволюционный by-product актуализируется и закрепляется в силу выполнения им ключевых экзистенциальных функций.

• Функция смыслополагания (Meaning-Making). Человеческое мышление интуитивно ищет телеологию и нарратив. Религиозные и мировоззренческие системы предоставляют объяснительные нарративы, удовлетворяющие эту глубин-

ную потребность в осмысленности [583].

• Функция иллюзорного контроля и совладания. Вера в агентные сверхъестественные силы, с которыми можно вступить в отношения (молитва, жертва, ритуал), даёт психологическое ощущение косвенного контроля над неподконтрольными событиями (болезнь, стихия, смерть), снижая экзистенциальную тревогу [718].

• Морально-нормативная функция. Приписывание происхождения норм сверхчеловеческому агентству (боги, закон кармы) придаёт им трансцендентный авторитет, усиливая кооперацию и социальный контроль в группе [758].

4. Философско-антропологический синтез: неустранимая трансцендентная векторность

Таким образом, измерение «Я — верующий/ищущий» представляет собой культурно-вариативное оформление конститутивной черты человеческой психики — её трансцендентной векторности. Это не конкретное вероучение, а имманентная устремлённость за пределы данности, порождаемая:

• когнитивным аппаратом, предрасположенным видеть мир как поле действий разумных агентов и искать конечные причины;

• экзистенциальной ситуацией, характеризующейся ре-

флексивным сознанием, смертностью и потребностью в смысле;

• потребностью в сакральном как в сфере, отделённой от профанной рутины и наделённой высшей ценностью и силой [189].

Онтологический барьер для технологического редукционизма

Перед лицом проектов радикального биотехнологического конструирования данные когнитивных наук подтверждают ключевой тезис: первичная диада «Мы» не создаёт, а наполняет и направляет уже существующую антропологическую реальность.

Попытка «отключить» или «перепрограммировать» когнитивные основы трансцендентности (систему агентности, HADD, потребность в смысле) означала бы не «улучшение», а глубокую деформацию базовой архитектуры человеческого сознания. Это привело бы к созданию существа, лишённого не суеверий, а фундаментальной способности к мировоззренческому поиску, моральной интуиции, основанной на признании Другого, и совладанию с экзистенциальными пределами.

Технологический суррогат, предлагающий «готовые смыслы» или фармакологическое устранение тревоги, является не альтернативой, а функциональной симуляцией это-

го измерения, которая может приводить к новой форме отчуждения — от собственной экзистенциальной потребности в поиске и созидании смысла. «Я — верующий/ищущий» оказывается, таким образом, не архаичным пережитком, а неотъемлемым, когнитивно-экзистенциальным измерением целостного человеческого «Я», обеспечивающим его открытость миру, смыслу и Другому.

Склонность к поиску смысла и открытость трансцендентному опыту напрямую соответствует фактору «Открытость опыту» (Openness to Experience) в классической пятифакторной модели личности (Big Five). Эта модель, окончательно сформированная в 1980-х годах [737, 738] на основе работ Р. Кеттелла и других учёных, описывает личность через пять широких, независимых и устойчивых диспозиций:

1. Открытость опыту.
2. Добросовестность.
3. Экстраверсия.
4. Доброжелательность.
5. Нейротизм.

Среди этих черт «Открытость опыту» является одной из наиболее наследуемых диспозиций, что подтверждает глубинный, а не ситуативный характер этого измерения [601]. Эта черта тесно связана с любознательностью, креативностью и интересом к абстрактным идеям, что соотносится с

исследуемым измерением «Я — верующий/ищущий».

Модель выросла из лексической гипотезы Г. Олпорта и Х. Одберта (1936) и работ Р. Кеттелла (16 факторов). Пять основных факторов были эмпирически выделены Э. Тьюпсом и Р. Кристалом в 1961 г., структурированы У. Норманом (1963) и окончательно систематизированы Л. Голдбергом в начале 1980-х. Наиболее известный диагностический опросник (NEO PI-R) разработали П. Коста и Р. МакКрэй в 1992 г.

Факторный анализ тысяч слов-описаний показал, что именно пять категорий наиболее стабильно охватывают индивидуальные различия в разных культурах и языках. Модель служит универсальным таксономическим каркасом для научного описания, измерения и прогнозирования поведения человека в психологии, медицине и менеджменте.

Таблица 2–7. Пять факторов личности (Big Five / «Большая пятёрка»).

Фактор (рус. / англ.)	Краткая характеристика
Открытость опыту / Openness to Experience	Любознательность, креативность, интерес к новому, глубине и эстетике. Включает в себя интеллектуальное любопытство, воображение, интерес к искусству и, что особенно важно для вашего исследования, склонность к рефлексии о смысле, философским вопросам и восприимчивость к духовному, трансцендентному опыту.
Добросовестность / Conscientiousness	Организованность, ответственность, самодисциплина, стремление к достижениям. Отражает степень контроля, настойчивости и целеустремлённости в поведении.
Экстраверсия / Extraversion	Общительность, активность, энергичность, стремление к социальным контактам. Проявляется в положительном эмоциональном фоне, уверенности в себе и поиске стимуляции извне.
Доброжелательность / Agreeableness	Склонность к сотрудничеству, доверию, альтруизму, сопереживанию. Противоположный полюс — цинизм, враждебность и эгоцентризм.
Нейротизм (Эмоциональная нестабильность) / Neuroticism	Склонность к переживанию негативных эмоций: тревоги, беспокойства, раздражительности, уязвимости к стрессу. Противоположный полюс — эмоциональная стабильность и уравновешенность.

Антропологическое ядро как система конститутивных пределов

Представленные данные нейронаук, эволюционной биологии, генетики и когнитивной психологии образуют конвергентную систему доказательств. Она верифицирует модель «Я» как нередуцируемого антропологического ядра, состоящего из четырёх фундаментальных измерений.

Краткий итог доказательств

1. «Я — воплощённый» обоснован как вершина эволюционного континуума биологической самости. Он обладает трёхуровневой архитектурой (схема тела, интероцепция, автобиографическое «Я»), нейронные корреляты которой (DMN, островковая кора) порождают уникальную рефлексивную субъективность, не сводимую к своим компонентам.

2. «Я — из рода» укоренено в эволюционно-консервативных системах привязанности (окситоцин) и «социального мозга». Они формируют биологический фундамент доверия, эмпатии и морали, предшествующий любым культурным конструкциям.

3. «Я — часть природы» представляет собой априорную психофизиологическую структуру (биофилия/экофилия), сформированную в среде эволюционной адаптированности и необходимую для когнитивного и аффективного гомеостаза.

4. «Я — верующий/ищущий» основано на универсальных когнитивных модулях (система агентности, HADD). Сталкиваясь с экзистенциальными условиями, они порождают неустранимую трансцендентную векторность и потребность в сакральном.

Синергия и взаимоподдержка системы

Эти измерения не являются изолированными модулями. Они образуют систему взаимного усиления и компенсации.

- Телесная самость служит материальным носителем и границей для всех остальных измерений.
- Чувство принадлежности («из рода»), укоренённое в телесной близости, обеспечивает психологическую безопасность, необходимую для открытия себя миру («часть природы») и трансцендентного поиска («верующий/ищущий»).
- Связь с природой выступает каналом трансценденции и восстановления, дающим чувство масштаба за пределами родовой группы.
- Духовное измерение придает смысл и ценностную глубину телесному существованию, родовым связям и экологическим отношениям.

Разрушение или глубокая патология одного измерения (например, отчуждение от тела или распад рода) ведёт к системной дестабилизации всей конструкции «Я», что проявляется как экзистенциальный кризис или депрессия.

Вывод для социальной теории: антропологический императив

Из установленной нередуцируемости ядра вытекает ключевой принцип для любой теории общества:

Любая адекватная социальная теория обязана исходить из признания четырёх измерений «Я» как системы конститутивных пределов человеческого существования. Институты, нормы и страты домена «Мы» могут оформлять, направлять, подавлять или эксплуатировать эти измерения. Однако они не могут их отменить или радикально переопределить, не поставив под угрозу саму человеческую идентичность субъектов.

Сопротивление индивида тотальному социальному, технологическому или идеологическому форматированию является не отклонением, а здоровой функцией защиты целостности антропологического ядра.

Молекулярно-генетические корреляты: эмпирическое обоснование биологического каркаса

Утверждение о существовании биологического каркаса находит прямое подтверждение в данных поведенческой ге-

нетики и психогеномики. Метаанализ более 50 лет близнецовых исследований, охвативший почти 17 000 признаков, однозначно показывает: индивидуальные различия по устойчивым чертам темперамента и личности (таким как эмоциональность, активность, социабельность, составляющие основу более сложных конструктов «Большой пятёрки») имеют наследуемость в диапазоне 40–60 % [779]. Это означает, что существенная часть вариативности в фундаментальных поведенческих паттернах, наблюдаемая в популяции, обусловлена генетическими различиями. Ключевой вывод: уже при рождении индивид обладает не tabula rasa, а наследственно предопределённым «диспозиционным профилем» или «исходным уклоном» [785] — набором вероятностных тенденций в реакциях на среду.

Современная психогеномика делает следующий шаг, переходя от статистических оценок наследуемости к поиску конкретных молекулярно-генетических ассоциаций. Хотя черты личности являются полигенными (зависят от совокупного эффекта тысяч генов), полногеномные поиски ассоциаций (GWAS) уже идентифицировали сотни локусов, достоверно связанных, например, с невротизмом и экстраверсией [752]. Важно, что многие из этих генетических вариантов также ассоциированы с риском психических расстройств (например, депрессии, тревожности), что указывает на общий нейробиологический субстрат для спектра адаптивных и дезадаптивных проявлений темперамента. Этот субстрат

формирует биологический каркас самости — устойчивую нейрохимическую и нейроанатомическую архитектуру, регулирующую базовые системы мотивации, эмоций и внимания [644].

Данные генетики не означают генетического детерминизма. Они указывают на то, что биологический каркас выступает как система ограничивающих условий и возможностей [788]. Он задает не жесткую программу, а диапазон вероятных траекторий развития. Социальный опыт домена «Мы» реализуется не на пустом месте, а в постоянном взаимодействии с этим каркасом. Это взаимодействие описывается моделями генно-средовой корреляции (индивид активно выбирает среду, соответствующую его диспозициям) и генно-средового взаимодействия (одна и та же среда по-разному влияет на людей с разным генотипом) [769]. Таким образом, домен «Мы» не создает личность из ничего, а лепит, канализирует и социализирует изначально заданный биологический материал.

Интегративный взгляд: генетический каркас четырёх измерений

Конвергенция данных позволяет конкретизировать связь между наследственными диспозициями и архитектурой антропологического ядра (Таблица 2–8). Составлено на основе анализа исследований, указанных в тексте.

Таблица 2–8. Молекулярно-генетические корреляты измерений антропологического ядра.

Измерение «Я»	Ключевые биологические системы и функции	Примеры наследственных предрасположенностей и генетических ассоциаций
Воплощённый	Сенсомоторные пути, проприоцепция. Интероцептивная карта (островковая кора). Сеть пассивного режима (DMN).	Наследуемость черт темперамента (эмоциональность, активность): 40–60% [770]. Гены, влияющие на развитие сенсорной интеграции и структуру DMN.
Из рода	Окситоцино-вая/дофаминовая системы вознаграждения. «Социальный мозг» (префронтальная кора, височно-теменной узел).	Полиморфизмы генов рецепторов окситоцина (OXTR) и дофамина (DRD4), связанные со стилем привязанности и эмпатией [650]. Наследуемость альтруизма и социальной восприимчивости.
Часть природы	Системы внимания и вознаграждения (дофамин). Вегетативная регуляция (снижение стресса в природной среде).	Наследуемость поисковой активности и открытости новому опыту [719]. Генетические варианты, связанные с чувствительностью к эстетическим и природным стимулам.
Верую-щий/ищущий	Система обнаружения агентности (HADD). Когнитивные модули Core Knowledge. Сети, связанные с саморефлексией и смыслополаганием.	Высокая наследуемость черты «Открытость опыту» (включая духовные интересы): до 57% [601]. Генетические корреляты когнитивного стиля, предрасполагающего к телеологическому мышлению.

Данные таблицы показывают: в основе каждого измерения лежит не абстрактная «человеческая природа», а кон-

кретные, вариативные и частично наследуемые биокогнитивные системы. Это утверждает их статус как устойчивых онтологических структур, противопоставленных произвольным социальным конструктам.

Как указывалось в разделе «Онтологический барьер для технологического редукционизма», поиск смысла имеет чёткий психометрический коррелят — фактор «Открытость опыту» в пятифакторной модели личности (Big Five). Однако роль этой модели в обосновании антропологического ядра значительно шире и не исчерпывается лишь одним фактором.

Психометрическое подтверждение: пятифакторная модель как эмпирическая карта базовых диспозиций

Генетические данные Таблицы 2–8 находят системное подтверждение на уровне целостной психологической структуры личности. Эмпирическим «золотым стандартом» здесь выступает пятифакторная модель («Большая пятёрка») — таксономия, объединяющая пять универсальных и стабильных диспозиций: Открытость опыту (Openness to Experience), Добросовестность (Conscientiousness), Экстраверсия (Extraversion), Доброжелательность (Agreeableness) и Нейротизм (Neuroticism).

Ключевой аргумент для нашей модели: эти факторы —

не произвольные конструкты, а выверенный профиль фундаментальных вариаций человеческой субъективности. Они обладают высокой наследуемостью (40–60 %) и устойчивостью во взрослом возрасте [601]. «Большая пятёрка» служит количественной картой биологического каркаса, качественную архитектуру которого описывают четыре измерения антропологического ядра.

Содержательная связь моделей:

• Фактор «Открытость опыту» — прямой коррелят измерения «Я — верующий/ищущий». Он отражает интенсивность поиска смысла, интеллектуальное любопытство и восприимчивость к трансцендентному опыту.

• Факторы «Доброжелательность» и «Экстраверсия» — диспозиционная основа измерения «Я — из рода». Они описывают спектр от эмпатии и доверия (доброжелательность) до потребности в социальном признании и активности (экстраверсия).

• Факторы «Добросовестность» и «Нейротизм» (его полюс — эмоциональная стабильность) — аспекты измерения «Я — воплощённый». Они связаны с саморегуляцией и волевым контролем (добросовестность), а также с уровнем базовой эмоционально-телесной реактивности и уязвимости к стрессу (нейротизм).

Измерение «Я — часть природы» отражается в комплексе

черт: поисковая активность (открытость), снижение напряжения в природной среде (анти-нейротизм) и эмпатическая связь с живыми системами (доброжелательность).

Пятифакторная модель выступает независимым кросскультурным подтверждением устойчивости ядра. Вмешательство в эти диспозиции — это не смена «ценностей», а деформация глубоко укоренённого психобиологического профиля. Любой проект, игнорирующий эти границы, ведёт к утрате аутентичности и отчуждению.

Философско-антропологический вывод: барьер для тотальной модификации

Совокупность этих данных создаёт естественный онтологический барьер для проектов радикального социального конструирования или технологического «улучшения» [471, 479].

A. Пределы пластичности.

Модификация ограничена устойчивой архитектурой каркаса. Выход за эти пределы влечёт экзистенциальные издержки: хронический стресс, выгорание и распад идентичности.

B. Этика признания разнообразия.

Генетически обусловленное различие темпераментов —

естественная основа для разделения ролей в домене «Мы». Попытки унификации противоречат биологической реальности вида.

С. Защита идентичности.

Биологический каркас — гарант непрерывности «Я». Его радикальная переделка разрывает связь между прошлым, настоящим и будущим субъекта.

Биологический каркас — необходимое основание для теории страт. Без него социальная теория рискует превратиться в чистый конструктивизм, не способный объяснить сопротивление индивида тотальному форматированию. Человек входит в мир с нередуцируемым ядром, и страты домена «Мы» — это лишь институциональные ответы на вызов координации таких существ.

Анализ любой страты должен начинаться с вопроса: как она взаимодействует с четырьмя измерениями «Я»? Подавляет ли она телесность в угоду дисциплине? Заменяет ли родовые связи корпоративной лояльностью? Эксплуатирует ли духовный поиск для создания идеологий? Именно в этом напряжении между конститутивным ядром личности и конструируемыми структурами страт разворачивается подлинная динамика социальной жизни.

2.9. Домен «Мы»: от диады к институтам — генезис страт как полей реализации и конфликта

Установленное антропологическое ядро домена «Я» («Я — воплощённый», «Я — из рода», «Я — часть природы», «Я — верующий/ищущий») представляет собой каркас человеческой субъективности, но его полная реализация возможна только в отношении, в со-бытии с Другим. Первичной, минимальной и конститутивной клеточкой социальности является диада «Я — Ты».

Диада как эмерджентная реальность встречи двух «Я»

Диада — это не философская метафора, а фундаментальный социально-биологический факт. Она возникает как непосредственная, дорефлексивная система взаимного распознавания и координации между двумя носителями антропологического ядра. Её возможность и необходимость коренятся в самих измерениях «Я».

• В «Я — воплощённом». Встреча двух воплощённых самостей через зеркальные нейронные системы, синхрониза-

цию движений (interpersonal synchrony) и обмен невербальными сигналами создаёт основу для протодиалога на уровне тела. Младенец и мать с первых часов жизни вступают в такой диалог (совместное внимание, улыбка, вокализация) — это биологический фундамент диады.

• В «Я — из рода». Система привязанности с её нейрохимическим субстратом (окситоцин) эволюционно настроена именно на диадные отношения (фигура заботы — ребёнок). Эта связь является первым жизненным опытом «Мы», где потребность одного («Я») встречает ответную заботу Другого («Ты»), формируя базовое доверие [603, 658].

Таким образом, диада «Я — Ты» — это не просто два «индивида», а новая система, обладающая эмерджентными свойствами: взаимным вниманием, общей аффективной настройкой (affect attunement), зарождающимся общим смыслом и языком как продуктом диадической координации [814]. В философской традиции этот феномен описывается как непосредственное отношение, в котором Другой («Ты») дан не как объект, а как самодостаточный субъект [81, 252]. Диада есть живая ткань социальности, источник признания и смысла. Это первичное, или «Мы — непосредственное».

Логика кристаллизации: от диады «Я — Ты» к институциональным стратам

Однако внутренняя логика диады — логика уникальности и хрупкой взаимности — не может быть прямо масштабирована на расширенные группы. Появление «Третьего» (The Third) кардинально меняет социальную геометрию, создавая проблему координации и распределения ресурсов. Жизнь в больших сообществах требует стабильности, что ведёт к возникновению наддиадных, объективированных форм.

1. Общие правила и символы, выступающие арбитрами для всех членов группы.
2. Функциональная дифференциация («кто что делает»), фиксирующая разные позиции и статусы.
3. Механизмы коллективной памяти, позволяющие группе сохранять идентичность за пределами жизни исходной диады.

Эти формы объективируют живую взаимность диады, переводя её в устойчивые паттерны. Иерархия здесь возникает как эмерджентное свойство системы, стремящейся к снижению транзакционных издержек. Таким образом, диада «Я — Ты» остаётся источником социальности, но её энергия канализируется более сложными, надличностными образовани-

ями.

От «Мы — непосредственного» к стратам как системным уровням

Для терминологической точности необходимо развести «Мы — непосредственное» и «Мы — страта».

1. «Мы — непосредственное» (или «Мы — диада») — первичная, феноменологическая форма взаимности.
2. «Мы — страта» — вторичная, институционализированная форма коллективности.

Страта, в соответствии с классическим определением, — это пласт в сложноорганизованной системе, обладающий качественной спецификой при сохранении системной целостности [393, 394]. Именно в этом смысле мы говорим о социальных стратах домена «Мы». Они представляют собой устойчивые уровни социальной реальности, возникающие как решение проблемы координации. Каждая страта обладает собственной логикой, институтами, маркерами принадлежности и способом взаимодействия с антропологическим ядром личности.

В современном обществе можно выделить четыре ключевые страты, каждая из которых представляет специфический модус коллективности и вступает в сложные отношения как

с ядром «Я», так и друг с другом.

Этнокультурная страта («Мы — народ»)

Этнокультурная страта основана на общности языка, исторической памяти, культурных традиций и символических практик, часто апеллирующих к объективным маркерам — «крови», почве и происхождению [388]. Её формирование происходит через первичные институты семьи, образования и культурного воспроизводства [126]. Данная страта создаёт «этнические корни» наций, предлагая индивиду чувство непрерывности с прошлым и принадлежности к «воображаемому сообществу», объединённому общей судьбой [15].

Это «встраивание» имеет нейронный коррелят: обработка культурно значимых символов активирует не только семантические сети, но и премоторную кору и островковую долю, отвечающие за воплощённое схватывание и субъективную значимость.

Взаимодействие с антропологическим ядром происходит по следующим принципам.

• «Я — из рода». Является естественным расширением и сакрализацией родственной связи до уровня «большой семьи» предков и потомков, предоставляя глубокое чувство укоренённости.

• «Я — воплощённый». Наделяет тело культурно-спе-

цифическими схемами (жесты, телесные практики, идеалы красоты), интегрируя биологическую данность в символический порядок.

• «Я — часть природы». Мифологизирует местный ландшафт («родная земля»), создавая симбиотическую связь между коллективной идентичностью и конкретной экосистемой.

• «Я — верующий/ищущий». Часто предоставляет готовый сакральный космос (мифы, ритуалы, догматы), становясь первичным и нередко безальтернативным источником трансцендентных смыслов.

Потенциальный конфликт: страта может ограничивать личный духовный поиск в пользу догматических рамок, вступать в противоречие с универсализмом гражданской страты и консервировать телесные практики, создавая напряжение с индивидуальным самоопределением.

Гражданско-национальная страта («Мы — нация»)

Данная страта выражает принадлежность к политическому сообществу, основанному на общих правовых нормах, гражданских ценностях, территориальной целостности и институтах государства. В отличие от этнокультурной общности, она в значительной степени базируется на субъективном

выборе и разделении политических принципов (демократия, права человека). Её конструирование осуществляется через систему образования, право, СМИ и политические практики [15, 477].

Эта страта реализует концепцию «конституционного патриотизма» Ю. Хабермаса, формируя лояльность к институтам и процедурам. Нейровизуализационные исследования показывают, что сильные идеологические убеждения связаны с ригидными паттернами активности в сетях когнитивного контроля и обработки угроз, что снижает восприимчивость к противоречивой информации.

Взаимодействие с антропологическим ядром происходит по следующим принципам.

• «Я — из рода». Формализует и защищает родовые связи через семейное право, но в экстремальных случаях (война, мобилизация) требует их приоритизации во имя национальных интересов.

• «Я — воплощённый». Гарантирует телесную безопасность и правовые границы через монополию государства на насилие и институт прав человека, но также подвергает тело дисциплинарным практикам (армия, здравоохранение).

• «Я — часть природы». Управляет территорией как природным ресурсом и объектом суверенитета, переводя экологическое измерение в плоскость государственной политики.

• «Я — верующий/ищущий». Предлагает светские, раци-

ональные смыслы и идеологии (прогресс, равенство, патриотизм) как альтернативу или дополнение к религиозным, становясь объектом квазирелигиозной веры.

Потенциальный конфликт: находится в перманентном напряжении с партикуляризмом этнокультурной страты; имеет тенденцию к инструментализации всех измерений «Я»: тело используется для обороны и труда, мировоззренческий поиск — для идеологии, родовые связи — для демографической политики, а природа — для экономического развития.

Социально-профессиональная страта («Мы — коллеги, класс»)

Это центральная, экономически детерминированная страта, определяемая положением в системе общественного разделения труда, отношений собственности и доступа к ресурсам. Её формирование происходит через экономические институты, рынок труда, профессиональные сообщества и систему классовой стратификации [132]. П. Бурдьё показал, как профессиональная принадлежность формирует специфический габитус — систему устойчивых диспозиций, определяющих практики, вкусы и восприятие социального мира [85].

Хронический профессиональный стресс (job strain) приводит к долговременным изменениям в архитектуре мозга,

включая уменьшение объёма префронтальной коры и гиппокампа, а также к дисрегуляции оси «гипоталамус-гипофиз-надпочечники», материализуя отчуждение на нейроэндокринном уровне.

Взаимодействие с антропологическим ядром происходит по следующим принципам.

• «Я — из рода». Профессия определяет материальную основу семьи, но также выступает её главным конкурентом за время и энергию. Современные формы занятости (гиг-экономика, удалённая работа) трансформируют само устройство родовой жизни и распределения ролей.

• «Я — воплощённый». Профессия — ключевой источник как социального признания через мастерство, так и отчуждения от собственной телесности и времени.

• «Я — часть природы». Профессиональная деятельность (особенно в индустриальном секторе) исторически является главной силой отчуждения человека от природы. Однако сегодня внутри этой же страты возникают новые «экологические» профессии и ценности (ESG-принципы), пытающиеся реинтегрировать это измерение.

• «Я — верующий/ищущий». Находится в глубоком историческом взаимодействии. Протестантская этика (по Веберу) — классический пример того, как религиозное измерение структурирует профессиональное. В светском обществе страта сама становится источником квазирелигиозных смыс-

лов (карьера как призвание, успех как спасение). Одновременно профессиональная рутина может стать главным экзистенциальным вызовом, порождающим кризис смысла.

Потенциальный конфликт: страта внутренне конфликтна по определению как поле распределения ресурсов, статуса и признания; она является основной ареной как макросоциальной классовой борьбы, так и микросоциальной борьбы за признание ценности неоплачиваемого труда и неформальных социальных вкладов.

Критически важный тезис об инклюзивности профессиональной страты

Универсальность и охват профессиональной страты вытекают из её понимания не как регистра формальной занятости, а как институционального поля социально-экономического позиционирования. Это поле структурирует весь спектр социально значимой деятельности, включая формальный и неформальный труд, домашнюю работу, волонтёрство, уход, образование и потребление — то есть все фазы воспроизводства человеческого капитала и жизнедеятельности общества.

С этой точки зрения статусы «ребёнка/ученика», «пенсионера», «безработного», «домохозяйки» или «волонтёра» являются не исключениями, а системообразующими элемен-

тами этой страты. Их позиции институционально оформлены (через системы образования, социального обеспечения, семейное право, политику занятости) и выполняют специфические, необходимые для системы функции: от формирования будущего трудового потенциала до обеспечения гибкости рынка труда и потребления. Профессиональная страта, таким образом, охватывает всех индивидов, определяя их место в системе социального обмена деятельностью и ресурсами, независимо от формальности их статуса.

Феномен «профессиональных безработных» и их место в модели ДНИ

В своей основе труд укоренён в биологической необходимости: человек должен преобразовывать среду, чтобы обеспечить своё существование. Этот императив («добывать — потреблять») является первичным, закодированным в самом способе бытия живого. Однако в человеческом обществе он социализируется, проходя через фильтр культуры, и превращается в сложную систему мотиваций, статусов и идентичностей. Работа как физиологическая потребность подчиняется фундаментальному ограничению — она не может быть равна нулю или бесконечности, поскольку жёстко привязана к биологической ресурсности человека.

Мы работаем не только потому, что иначе умрём с голоду, но и потому, что труд даёт нам структуру времени, социаль-

ное признание, чувство собственной значимости и место в обществе. Без внешнего принуждения (экономического, морального, административного) большинство людей, лишённых этой структуры, впадает не в творческий экстаз, а в апатию и деградацию — это многократно подтверждено исследованиями хронической безработицы.

Феномен «профессиональных безработных» — тех, кто поколениями живёт за счёт социальных пособий, не включаясь в формальную занятость, — казалось бы, выпадает из профессиональной страты и представляет собой важный вызов для любой теории, пытающейся осмыслить профессиональную идентичность. Однако именно здесь модель ДНИ обнаруживает свою объяснительную силу, позволяя увидеть сложную динамику идентичности там, где поверхностный взгляд видит лишь «выпадение».

Само словосочетание «профессиональный безработный» содержит в себе оксюморон. Профессия, по определению, предполагает институционализированную форму деятельности, признанную обществом как социально значимую и вознаграждаемую. Безработица — отсутствие такой деятельности. Однако устойчивое, передающееся из поколения в поколение существование за счёт социальных пособий формирует особый образ жизни и особую идентичность, которые могут быть названы «профессией» лишь в ироническом или критическом смысле — как указание на то, что неучастие в труде становится устойчивой социальной стратегией.

Место «профессиональных безработных» в профессиональной страте

В терминах модели ДНИ профессиональная страта определяется не столько фактом наличия оплачиваемой работы, сколько институциональным позиционированием индивида относительно системы общественного воспроизводства. Даже будучи безработным, человек занимает определённую позицию в этой системе: он идентифицируется как «получатель пособия», «клиент службы занятости» или «безработный» в официальной статистике. Эти позиции институционализированы, они имеют свои права, обязанности, социальные ожидания и даже стигмы.

Более того, в некоторых сообществах (например, в депрессивных районах американских городов) статус «живущего на пособие» может становиться нормой, воспроизводящейся через поколения, формируя особый габитус — систему диспозиций, ценностей и поведенческих паттернов. Они передаются в процессе социализации точно так же, как профессиональные навыки передаются в семьях врачей или инженеров. Таким образом, «профессиональные безработные» не выпадают из профессиональной страты, но занимают в ней специфическую маргинальную позицию, которая может быть устойчивой и даже наследственной. Их идентичность формируется через негативное отношение к труду, через ис-

ключение из формальной занятости, но это исключение само по себе является продуктом институционального поля — поля социальной политики, рынка труда и систем перераспределения.

Важно подчеркнуть: быть безработным — это не профессия, а особая, институционально закреплённая позиция в рамках профессиональной страты. Сама страта представляет собой не совокупность профессионалов, а институциональное поле социально-экономического позиционирования, которое включает всех членов общества. Это поле производит не только позитивные статусы (занятых), но и негативные (безработных, иждивенцев), вокруг которых, в свою очередь, формируется идентичность, воспроизводясь через поколения в виде особого габитуса и образа жизни.

Принадлежность к страте определяется не наличием профессии, а самим фактом позиционирования относительно системы общественного воспроизводства. Границы этого поля тесно переплетаются с территориальными, этнокультурными и классовыми измерениями. Работа — это элемент выживания не только физического, но и экзистенциального. Общество всегда производит слой тех, кто выпадает из трудовой этики, и этот слой обретает собственную идентичность. В гипотетическом будущем без труда для всех человечество столкнётся с необходимостью заново изобрести идентичность, не привязанную к профессиональной деятельности. И это будет не вопросом экономики, а вопросом антро-

пологии и социальной инженерии.

Безработный и бездельник: различие статуса и идентичности

Разведение понятий «безработный» и «бездельник» принципиально для понимания идентичности.

1. Безработный — это институциональный статус, позиция в профессиональной страте домена «Мы». Она закреплена юридически, статистически, социально (через пособия, учёт на бирже труда). Это внешняя рамка, которую общество присваивает индивиду. Человек может не идентифицировать себя с этим статусом внутренне, но вынужден в нём существовать.

2. Бездельник — это морально-поведенческая характеристика, часто стигма, которой общество маркирует тех, кто уклоняется от труда. Она относится к образу жизни и габитусу — тому, как человек реально проводит время, какие у него привычки и ценности. Это уже сфера идентичности: «Я — бездельник» (если человек принимает эту маркировку) или, напротив, «Я — не бездельник, я просто не могу найти работу».

«Профессиональный безработный» — это именно социальный тип, возникающий на пересечении институциональ-

ного статуса и устойчивого образа жизни. Ситуация характеризуется следующим:

• институциональный статус (безработный) становится постоянным, наследуемым;

• вокруг статуса формируется габитус, передающийся через социализацию;

• возникает идентичность, построенная на негативном определении («мы — те, кто не работает», «мы — исключённые»);

• образ жизни (формы досуга, социальные связи, отношение к времени) закрепляет эту идентичность.

Таким образом, «профессиональный безработный» — это не просто временный статус и не просто моральная оценка. Это социально сконструированный тип, в котором статус и образ жизни сливаются, порождая устойчивую, воспроизводящуюся идентичность. Это не биологический отбор, а социальная селекция: те, кто оказывается в определённых условиях, усваивают соответствующий габитус, и их дети воспроизводят его. Так формируется класс в смысле устойчивой социальной группы с общей позицией в системе воспроизводства, даже если эта позиция — «исключение».

В терминах модели ДНИ профессиональная страта включает не только занятых, но и всех, кто институционально позиционирован относительно труда. «Профессиональные без-

работные» занимают в ней негативный полюс, но их идентичность формируется именно этой позицией. «По каким признакам я определяю себя и как меня определяют другие» — в данном контексте этот вопрос решается через конкретное воплощение идентичности, закреплённое в повседневных практиках. Работа — это не просто способ заработка, а фундаментальный элемент выживания, структурирующий человеческую идентичность.

Сетевая/цифровая страта («Мы — комьюнити»)

Эта новая, формирующаяся страта отражает принадлежность к виртуальным сообществам и сетевым структурам, возникающим поверх географических и традиционных социальных границ. Её конструирование осуществляется алгоритмами цифровых платформ, онлайн-коммуникациями и цифровыми практиками (95, 220, 222]. М. Кастельс характеризует эту форму как «сетевой индивидуализм», где идентичности формируются в горизонтальных, гибких «племенах» по интересам [220].

Постоянное использование социальных сетей коррелирует со структурными и функциональными изменениями в цепях вознаграждения (вентральный стриатум) и сетях, связанных с социальным сравнением и самореферентным мышлением (медиальная префронтальная кора), формируя патологическую петлю поиска валидации. Эта страта тотально

проникает во все измерения «Я», создавая самые парадоксальные эффекты.

Взаимодействие с антропологическим ядром происходит по следующим принципам.

• «Я — из рода». Как уже отмечалось, имитирует и эксплуатирует потребность в связи, но подменяет глубину — количеством контактов, а взаимность — односторонним вниманием. Алгоритмы, построенные на вовлечении, часто провоцируют конфликты и поляризацию, разрушая даже реальные родовые связи.

• «Я — воплощённый». Находится в фундаментальном противоречии. С одной стороны, она предлагает новые формы кибертелесности (аватары, биометрические данные, quantified self). С другой — ведёт к диссоциации: скроллинг и клики заменяют моторные действия, алгоритмические ленты разрушают естественные ритмы внимания, а жизнь в виртуальном пространстве ослабляет связь с физическим телом и его интероцептивными сигналами. Это прямая угроза целостности «воплощённого» измерения.

• «Я — часть природы». Усиливает «синдром дефицита природы», создавая постоянную искусственную среду обитания. Однако одновременно может служить инструментом для экологической мобилизации и распространения знания о природе (парадокс «виртуального экологизма»).

• «Я — верующий/ищущий». Создаёт глобальный «супер-

маркет смыслов», где любая идеология, религия или духовная практика доступна в один клик. Это усиливает поиск, но также ведёт к гибридизации, поверхностности и потребительскому отношению к трансцендентному, размывая сакральное.

Потенциальный конфликт: является главным усилителем и проводником всех противоречий между ядром «Я» и другими стратами; эксплуатирует базовые социальные механизмы для извлечения цифровой ренты, создавая парадокс: риск глубинной социальной атомизации при иллюзии тотальной связанности.

Общий принцип для всех страт

Ни одна страта не взаимодействует только с одним измерением «Я». Каждая страта представляет собой комплексный «вызов» или «предложение» для всей системы антропологического ядра в целом. Например, принятие гражданства (гражданская страта) затрагивает не только правовую безопасность («воплощённый»), но и может требовать смены языка (часть «из рода»/«народа»), лояльности новым символам («верующий/ищущий») и жизни в новой природной среде («часть природы»).

Ограничение модели и перспектива системного моделирования

Представленная модель ДНИ сознательно фокусируется на базовом, парном взаимодействии между измерениями антропологического ядра и социальными стратами, рассматривая их как системные векторы. Она не ставит задачей анализ конкретных конфигураций групповых и перекрёстных взаимодействий, когда, например, профессиональная страта, опосредованная цифровой платформой, трансформирует родовые связи в определённой этнокультурной среде.

Такие многомерные, нелинейные зависимости и возникающие из них эмерджентные социальные феномены (новые формы солидарности, идеологии, патологии) являются предметом отдельного, более высокого порядка исследования. Его адекватное проведение потребует привлечения аппарата системного анализа, теории сетей и математического моделирования сложных систем, что выходит за рамки данной теоретико-антропологической работы. Настоящая модель служит для такого исследования необходимым концептуальным фундаментом, задающим онтологию элементов (ядро «Я» и страты домена «Мы») и логику их первичных взаимовлияний.

Статус религиозного измерения в модели ДНИ

Предложенная четырёхчастная структура эвристически достаточна для анализа идентичности в условиях позднего Модерна. Отказ от выделения самостоятельной конфессиональной страты опирается на методологическое разграничение между антропологической потребностью в вере и её институциональной репрезентацией.

1. Онтологический статус: от духовного поиска к институту власти

При институционализации религия меняет свою природу. Возникая как ответ на запрос измерения ядра («Я — верующий/ищущий»), религиозный институт (церковь, умма) неизбежно встраивается в социальные иерархии и системы распределения ресурсов. На этом уровне религия перестаёт быть автономным «духовным полем», становясь:

- инструментом легитимации в гражданской страте;
- источником этики в профессиональной страте;
- маркером идентичности в этнокультурной страте;
- сетевым брендом в цифровой страте.

Выделение отдельной страты означало бы принятие институциональной оболочки за сущность. Случаи теократии (Иран, Ватикан) демонстрируют не автономность религии, а предельную степень её сращивания с политическими и профессиональными полями, где духовный язык становится инструментом геополитики.

2. Проблема редукции и механизм институционального сращивания

В обществах Модерна и Постмодерна религиозный компонент методологически нередуцируем к изолированной страте. Для большинства «культурных верующих» религия выступает элементом этнокультурной традиции, а не результатом личного выбора [46]. Анализ режимов с религиозной легитимацией (Иран, Талибан, историческая инквизиция) подтверждает закономерность: сращивание института с государственным аппаратом смещает фокус с духовного окормления на политический контроль.

Даже Ватикан, транслируя традиционные ценности, функционирует как субъект глобальной дипломатии и защитник геополитических интересов. Институционализированная религия действует по логике власти, а не духовного наставничества. Выделение конфессиональной страты потребовало бы невозможной операции по «очищению» религиозного содержания от его политических и этнических

функций, что методологически неоправданно.

3. Принцип минимальной достаточности и фокус на ядре

Модель ДНИ фиксирует страты как поля борьбы за ресурсы. Измерение поиска трансцендентного локализовано в антропологическом ядре («Я — верующий/ищущий») [46]. Это позволяет разграничить живой личный духовный поиск и его эксплуатацию социальными институтами. Включение религии в один ряд с гражданской или профессиональной стратами привело бы к смешению сакрального с функциональным, что нарушило бы аналитическую стройность модели.

4. Открытость модели и границы её применимости

Модель ДНИ принципиально открыта. В специальных исследованиях (например, по истории средневековой Европы) или при анализе изолированных анклавов введение конфессиональной страты («Мы — единоверцы / умма / церковь») не только возможно, но и необходимо. В этих контекстах религия выступает главным интегратором, предлагая индивиду не только идентичность, но и целостную картину ми-

ра, этическую систему и практики заботы о душе. В эпохи больших кризисов конфессиональная страта становится существенным ресурсом солидарности и устойчивости.

Взаимодействие с антропологическим ядром выстраивается следующим образом.

• «Я — верующий/ищущий» находит в этой страте прямой ответ: догматы, ритуалы и пастырское руководство. Здесь религия может как удовлетворять внутренний поиск, так и подавлять его через навязывание ортодоксии.

• «Я — из рода»: родовая память сакрализуется через обряды (крещение, венчание, отпевание), вплетаясь в религиозную традицию.

• «Я — воплощённый»: телесность регулируется через посты, паломничества и систему запретов (пищевые табу, сексуальность).

• «Я — часть природы»: мир интерпретируется как творение, формируя ответственность человека перед природой как Божьим творением.

Реконструкция гипотетической религиозной страты в рамках ДНИ выполняет функцию «негативного слепка» или контрфактической модели. Это позволяет решить три методологические задачи:

1. Доказать редуцируемость: продемонстрировать, что в

современных условиях конфессиональное поле неизбежно «разбирается» по другим стратам (власть — через гражданское, труд — через профессиональное, коммуникация — через сетевое).

2. Обозначить границы: создать готовый аналитический шаблон для изучения теократий или обществ, где религиозный институт сохраняет высокую степень автономии.

3. Обеспечить методологическую гигиену: не игнорировать религиозное измерение, а показать, почему в эпоху Модерна оно функционирует иначе, чем этничность или профессия.

Исключение конфессиональной страты из базового набора — это не отрицание значимости веры, а признание её сложности. Мы намеренно разводим уровни анализа: подлинный, институционально неуловимый духовный поиск мы оставляем за антропологическим ядром, тогда как социальную оболочку религиозного — ритуалы, символы, иерархии — рассматриваем в рамках их взаимодействия с другими полями человеческого позиционирования. Тем самым модель ДНИ сохраняет теоретическую строгость, принципиально ограничивая себя рамками социологического анализа и не претендуя на теологические выводы.

5. Ритуал без догмата и гибридизация sacrum'a: религия как культурный маркер

Структурным аргументом в пользу невыделения конфессиональной страты как автономной выступает анализ трансформаций религиозной практики в условиях позднего Модерна. Наблюдаемый разрыв между ритуальной формой и её теологическим содержанием ставит вопрос о стратификационном статусе религии: сохраняет ли она качества самодостаточного социального поля или превращается в ресурс для иных измерений идентичности.

Механизм автономизации ритуала заключается в его функциональном переподчинении иным структурам. В современной практике такие действия, как крещение, венчание, отпевание или соблюдение диетических предписаний (халяль, кошер), зачастую утрачивают качество актов личной веры и трансформируются в:

- инструменты фиксации родовой памяти (измерение ядра «Я — из рода»);
- маркеры разграничения в этнокультурном поле (оппозиция «Мы — Они»);
- формы следования культурному стандарту, лишённые рефлексии над вероучением.

Этот конфликт между формой и содержанием свидетельствует о том, что религиозный институт начинает функционировать как «фабрика по производству культурных маркеров». Разрыв достигает предела в магическом восприятии таинств или потребительском отношении к сакральным объектам, где институт транслирует внешнюю оболочку, не обеспечивая усвоения догматического содержания. Подмена живой веры магическим ритуализмом (явление «обрядоверия») лишает конфессиональное поле его специфической автономии. Всё это указывает на то, что в массовой практике институционализированная религия перестаёт быть проводником трансцендентного.

Процесс эрозии институциональных границ дополняется феноменом гибридизации. Появление синтетических форм («Христоислам», «Pick and Mix» духовность) демонстрирует размывание конфессиональных перегородок не только в массовом сознании, но и в сфере «высокого» богословия. Утрата догматической чистоты и жёсткости границ делает претензию религии на статус суверенной страты аналитически уязвимой.

В результате религиозное содержание подвергается декомпозиции, распределяясь между существующими полями модели ДНИ: ритуал абсорбируется этнокультурной стратой, поиск новых смыслов локализуется в сетевых сообществах, а политическое богословие встраивается в гражданскую и профессиональную страты. Религиозность современного че-

ловека выступает преимущественно как культуральная ритуальность, что позволяет рассматривать четыре выделенные страты как достаточные поля социального позиционирования. При этом антропологическое ядро сохраняет за собой функцию носителя индивидуального и институционально неуловимого духовного поиска.

Далее приводятся пять аргументов, уточняющих и развивающих нашу позицию на основе современных религиоведческих и социологических исследований.

Пять аргументов в пользу редуцируемости конфессиональной страты

Предложенная четырёхчастная структура домена «Мы» опирается на тезис о том, что в условиях позднего Модерна религия утрачивает статус автономного социального поля. Вместо выделения отдельной страты модель анализирует религиозные феномены через их распределение по существующим осям позиционирования. Ниже приведены методологические аргументы, обосновывающие это решение.

1. Культуррелигиозность (В. Ю. Лебедев): религия как декоративный маркер

Современная религиозность «массового человека» пред-

ставляет собой форму культурной идентификации, не предполагающую глубокой приверженности догматам. Исследователь В. Ю. Лебедев фиксирует этот феномен как «культуррелигиозность», при которой религия выполняет лишь служебную функцию маркера принадлежности. Носитель такой идентичности обнаруживает «поверхностное отношение к религии, мировоззренческую конъюнктурность, следование религиозным ориентирам только в тех ситуациях, в которых отсутствует опасность потери престижа и благополучия».

В модели ДНИ это явление квалифицируется как проявление этнокультурной страты (позиция «я православный, потому что я русский»). Религия здесь функционирует как символический ресурс в борьбе за групповую идентичность, а не как автономное поле смыслов. То, что часто принимается за «религиозное возрождение», на деле оказывается усилением этнокультурной страты, инструментально использующей конфессиональную символику для маркировки границ «Мы — Они».

2. Институциональное vs индивидуальное: структурный распад религиозного поля

Методологическая некорректность выделения единой конфессиональной страты обусловлена фундаментальным разрывом между институциональной религией и индивидуальной верой. Эти уровни функционируют в несоизмеримых

логиках: церковная иерархия действует в поле власти и ресурсов, тогда как живая вера индивида ориентирована на экзистенциальный поиск.

Разделение на страту и ядро критически важно для аналитической стройности модели. Индивидуальная религиозность (измерение «Я — верующий/ищущий») локализована в антропологическом ядре, а институциональная религия рассматривается как инструмент позиционирования в домене «Мы» (гражданская, профессиональная или этнокультурная страты). Такое разграничение позволяет модели удерживать точность анализа, не смешивая личный духовный подвиг и деятельность церкви как политического или экономического лоббиста.

3. Политические религии: религия как идеологический конструкт

Развитие «политических религий» (например, «политическое православие» или «политический ислам») подтверждает инструментальный характер современной конфессиональности. В этих гибридных образованиях религиозная риторика служит лишь средством мобилизации в гражданской и профессиональной стратах. Религиозное здесь легко отделяется от конфессии и становится сырьём для идеологического производства.

Примечательно, что сторонники исходной «чистой» рели-

гии в таких системах часто рассматриваются как противники, поскольку их приверженность догмату мешает прагматичному использованию символов. Выделять подобные конструкции в отдельную страту — значит принимать идеологическую упаковку, созданную для захвата влияния в других полях, за независимую социальную реальность.

4. Эпистемологическая невозможность (Е. А. Степанова): религия как аналитическая фикция

Современное религиоведение ставит под вопрос саму возможность дать единое определение религии из-за многообразия её проявлений — от мистического опыта до политического лоббизма. Е. А. Степанова отмечает, что отсутствие общего концептуального основания делает аналитическое описание религии затруднительным.

Для разных групп «религия» означает онтологически разнородные вещи: этику, политическую программу или «магический ритуал». Широкое распространение «обрядоверия» — подмены живой веры механическим ритуализмом — лишает конфессиональное поле его специфической автономии. Модель ДНИ работает с операционализируемыми институциональными полями, которыми религия в целом не является. Её компоненты уже распределены по модели: ритуал абсорбируется традицией, догма — идеологией, а вера — антропологическим ядром.

5. Историческая гибридизация: фиктивность «чистых» форм

Исторический анализ показывает, что религии всегда развивались через синкретизм. В эпоху позднего Модерна этот процесс достигает максимума в виде «Pick and Mix духовности», когда индивид свободно заимствует элементы из разных традиций. Гибриды вроде «православной йоги» наглядно иллюстрируют отсутствие гомогенного религиозного поля.

Поскольку «чистых» религиозных форм не существует, конфессиональная страта как устойчивое поле — фикция. Содержание религиозной жизни определяется взаимодействием между ядром и стратами домена «Мы». Эти гибридные формы естественным образом распределяются по существующим стратам: ритуал уходит в этнокультурное поле, а поиск смыслов — в сетевые сообщества.

Приведённые аргументы подтверждают, что в условиях позднего Модерна институционализированная религия утрачивает свою онтологическую автономность, становясь инструментом производства культурных маркеров для других страт. Сохранение религиозного поиска в антропологическом ядре при одновременном отказе от выделения автономной конфессиональной страты позволяет модели ДНИ

сохранять аналитическую стройность и учитывать всю сложность духовной жизни человека.

Таблица 2–9. Концептуальная матрица обоснования редуцируемости религиозной страты.

Аргумент	Ключевое понятие	Теоретические источники	Следствие для модели ДНИ
Культуррелигиозность	Обрядоверие, декоративный маркер	В. Ю. Лебедев, П. Бергер, Т. Лукман, Р. Белла	Религия абсорбируется этнокультурной стратой как инструмент идентичности.
Разрыв уровней	Религиозный индивидуализм, кризис институтов	Д. Эрвьё-Леже, С. В. Трофимов, Т. Лукман	Личная вера уходит в ядро, институт — в домен «Мы» (политика/экономика).
Политические религии	Идеократия, инструментальная сакральность	Э. Фёгелин, И. В. Мациевич, С. А. Семедов, П. ван дер Веер	Религиозный ресурс используется в гражданской и профессиональной стратах.
Эпистемологический кризис	Аналитическая фикция, парадокс определения	Д. Юм, У. К. Смит, Т. Асад, Е. А. Степанова	«Религия» не является операционализируемым полем; её функции распределены по другим стратам.
Историческая гибридизация	Синкретизм, «Pick and Mix» духовность	В. В. Наумкин, Т. Буркхардт, Р. Отто, Н. Ф. Фёдоров	Отсутствие «чистых» форм подтверждает редуцируемость конфессионального поля.

Историческая трансформация религии: от автономной страты к сквозной категории

На протяжении веков религия функционировала как са-

мостоятельная страта — фундаментальный элемент домена «Мы», определявший устройство общества. В средневековой Европе или исламском мире идентичность человека («я — христианин», «я — иудей», «я — мусульманин») была первичной. Она диктовала не только вопросы веры, но и политическую лояльность, правовой статус, правила заключения брака, экономические связи и даже способ организации городского пространства.

В ту эпоху религиозная общность — такая как умма в исламе или «христианский мир» католической Европы — фактически занимала место нынешней сетевой страты. Она объединяла людей поверх границ государств и этнических различий, создавая единое коммуникационное и ценностное поле.

Фундаментальный поворот начался с Нового времени, и его символической точкой стал Вестфальский мирный договор 1648 года. Знаменитый принцип cuius regio, eius religio («чья власть, того и вера») лишил религию её универсального статуса, поставив её в зависимость от интересов формирующихся национальных государств. С развитием промышленности и науки религия постепенно перестала быть «каркасом» общества, переместившись на периферию публичной жизни или в сферу частного выбора.

К началу XXI века религия окончательно сменила свой статус в модели ДНИ. Она перестала быть автономной стратой и превратилась в сквозную категорию. Это означает, что

религиозный фактор теперь не образует отдельного поля, а «пронизывает» все существующие страты:

• этнокультурную: вера становится элементом народной традиции и культурного кода («я православный, потому что я русский»);
• гражданско-национальную: влияет на законы, праздники и государственную символику;
• профессиональную: формирует этику труда или специфические конфессиональные профессии;
• сетевую: порождает глобальные цифровые сообщества верующих.

Социологические данные (например, опросы European Values Study) подтверждают: сегодня люди крайне редко называют религию своей главной характеристикой. В странах с сильными традициями вера часто неотделима от национальности. Например, в Польше или Иране «католик» или «шиит» — это не отдельная идентичность, а часть единого национально-культурного комплекса.

Хотя религия утратила роль самостоятельного «правительства душ», она сохранила колоссальный символический капитал. Это привело к появлению феномена, который можно назвать инструментальной теологией. В современной политике и масс-медиа религия часто выступает не как живая вера, а как маска, придающая «священный» статус обычным

земным интересам.

Этот механизм эксперты называют вторичной сакрализацией. Суть её проста: светское по своей природе явление (политическое решение, территориальный спор или экономический проект) «заворачивается» в религиозную упаковку. Это делает его менее уязвимым для критики и позволяет легче мобилизовать людей, используя старую как мир оппозицию «Свой — Другой». Религиозные символы в данном случае превращаются в ресурс, который политики или идеологи используют для:

- оправдания сложных политических решений;
- сплочения сторонников во время выборов;
- придания эмоционального накала конфликтам, которые на деле касаются ресурсов или власти.

В таких ситуациях мы имеем дело не с подлинной религиозной идентичностью, а с её подобием — образом, созданным для конкретных целей. Религиозная риторика здесь — лишь инструмент, помогающий придать веса и значимости геополитическим амбициям.

В эпоху позднего Модерна религия перестала быть автономной стратой, но не исчезла из жизни общества. Она изменила форму своего присутствия, став сквозным параметром, который может быть активирован в самых разных ситуациях.

Ценность модели ДНИ заключается в том, что она позволяет видеть эту сложность. Подлинный экзистенциальный поиск человека остаётся в антропологическом ядре, а внешние формы религии — от традиционных обрядов до политических манипуляций — находят своё логичное место внутри четырёх страт домена «Мы». Это даёт исследователю инструмент для анализа как искренней веры, так и её современных «упакованных» форм.

Экзистенциально-верователь ное измерение «Я» и его институциональная динамика

Модель ДНИ выделяет в домене «Я» четыре фундаментальных антропологических измерения, среди которых экзистенциально-верователь ное («Я — верующий/ищущий») занимает особое место. Это измерение отвечает на предельные вопросы о смысле существования, конечности бытия и связи с трансцендентным. Само по себе оно является универсальной человеческой потенцией, однако своё конкретное выражение оно обретает только через взаимодействие с доменом «Мы».

Именно в этом взаимодействии рождаются конкретные религиозные системы: верования, мифы, догматы и культовые практики. Они выступают результатом коллективного осмысления экзистенциальных запросов. Этнокультурная страта аккумулирует эти формы, превращая их в часть тра-

диции, а гражданско-национальная страта может либо придавать им государственный статус, либо, напротив, вытеснять в частную сферу.

Взаимодействие между внутренним поиском и внешними формами подчинено сложной диалектике. Как только религиозная система оформляется институционально (в виде церкви, уммы или корпуса священнослужителей), она обретает самодостаточность. Институт начинает действовать автономно, подчиняясь собственным законам самосохранения, расширения влияния и накопления ресурсов.

В этом процессе исходная функция — удовлетворение духовных потребностей человека — часто отходит на второй план. Религия рискует превратиться из живого выражения запроса ядра во внешнюю принудительную структуру, защищающую свои властные, идеологические или экономические интересы.

Это противоречие порождает циклический процесс обновления. В истории мы постоянно наблюдаем появление реформаторов и харизматических лидеров, которые декларируют возврат к подлинным ценностям и очищение веры. Они апеллируют напрямую к экзистенциальному измерению «Я», минуя омертвевшие институциональные рамки. Если такое движение находит отклик в коллективном «Мы», рождаются новые формы, которые со временем неизбежно проходят тот же путь институционализации. Этот цикл подтверждает, что в модели ДНИ религия — не статичная страта, а

процессуальный результат взаимодействия ядра и социального окружения.

Необходимо подчеркнуть: исключение конфессиональной страты из базового набора — это не отрицание значимости религии, а научная необходимость. Модель ДНИ последовательно придерживается позиции «методологической гигиены», разделяя уровни анализа.

Мы рассматриваем религию как социальный институт, поле властных отношений и систему культурных маркеров. При этом модель принципиально не вторгается в богословский, мистический или экзегетический дискурс. Вопросы о природе Бога, истинности догматов или путях спасения души остаются в рамках суверенной философско-теологической традиции. Наша задача — предложить инструмент для анализа того, как внешняя оболочка религиозного взаимодействует с другими полями человеческого позиционирования в миру.

Подводя итог, можно зафиксировать фундаментальную смену онтологического статуса религии:

- в историческом прошлом она выступала как государствообразующая страта, определявшая все сферы жизни;
- в настоящем (эпоха позднего Модерна) она трансформировалась в сквозную категорию, вплетённую в ткань этнокультурной, гражданской, профессиональной и сетевой страт.

Модель ДНИ позволяет анализировать обе стороны этого феномена: и подлинный внутренний поиск, и его институционализированные или инструментализированные формы. Такое разделение на антропологическое ядро и стратовые поля обеспечивает аналитическую стройность модели, позволяя учитывать всю сложность духовной и социальной жизни человека, не впадая в избыточный редукционизм.

Эвристический статус модели: принцип минимальной достаточности и открытость

Представленная четырёхчастная модель социальных страт, как и модель четырёх измерений антропологического ядра, не претендует на статус исчерпывающей «таблицы Менделеева» для социальной реальности. Она является эвристической конструкцией, построенной по принципу минимальной достаточности. Выделенные страты отражают не все возможные, а наиболее релевантные, устойчивые и масштабные институциональные поля, с которыми сталкивается индивид в условиях позднего Модерна (high modernity) и цифровой трансформации. Их выбор обусловлен не телеологией, а эмпирической и теоретической значимостью в контексте анализа ключевых напряжений между конститутивным ядром личности и доминирующими макросоциальными структурами.

Модель принципиально открыта для уточнения, дополнения и контекстуальной адаптации. В иных исторических или культурных условиях на первый план могут выходить иные стратификационные оси (например, кастовая, сословная, конфессиональная). Однако четырёхчленная структура — этнокультурная, гражданско-национальная, социально-профессиональная и сетевая/цифровая — с методологической точки зрения представляется минимально достаточным каркасом для схватывания ключевых векторов коллективной идентификации, распределения ресурсов и властного воздействия в современном глобальном обществе. Эта модель служит не догмой, а аналитической картой и системой координат, позволяющей исследовать динамичное поле взаимодействия, конфликта и взаимного приспособления между нередуцируемым антропологическим ядром «Я» и пластичными, но мощными институциональными полями домена «Мы».

2.10. Системное взаимодействие: страты как комплексные вызовы антропологическому ядру

Анализ четырёх страт домена «Мы» демонстрирует: каждая из них представляет собой не просто отдельную категорию идентичности, а целостный институциональный комплекс. Он предлагает специфическую конфигурацию признания, ресурсов и смыслов для всей системы антропологического ядра. Их воздействие носит тотальный, но разнонаправленный и зачастую противоречивый характер.

Для наглядности системных напряжений и компромиссов можно построить матрицу взаимодействий (Таблица 2–10).

Таблица 2–10. Матрица взаимодействия социальных страт и измерений антропологического ядра.

Измерение «Я»	Этнокультурная страта («Народ»)	Гражданско-национальная страта («Нация»)	Социально-профессиональная страта («Коллеги, Класс»)	Сетевая/цифровая страта («Комьюнити»)
Воплощённый	Инкорпорирует тело в культурный канон (жесты, практики).	Дисциплинирует и защищает (права, армия, медицина).	Признаёт через деятельность, но отчуждает (труд как самореализация vs труд как ресурс).	Диссоциирует и кибернетизирует (аватар, биоданные, потеря телесного ритма).
Из рода	Сакрализует и расширяет до «большой семьи» предков.	Формализует и ставит условием (семейное право, приоритет национальных интересов).	Финансирует, но конкурирует (work-life balance, профессиональные кланы).	Имитирует и разрушает (замещение глубины связей поверхностным engagement'ом).
Часть природы	Мифологизирует и одушевляет («родная земля»).	Администрирует как ресурс и территорию.	Исторически отчуждает, но порождает новые экопрактики.	Усиливает дефицит природы, но даёт инструменты для виртуального экологизма.
Верующий/ищущий	Предоставляет готовый сакральный космос (миф, традиционная религия).	Предлагает светские идеологии (патриотизм, права человека, прогресс).	Формирует квазирелигию труда и успеха, провоцирует экзистенциальный кризис.	Создаёт «супермаркет смыслов», поощряя потребительское и гибридное отношение к трансцендентному.

Ключевые системные выводы из матрицы

1. Каждая страта как «пакетное предложение». Индивид, включаясь в страту, вынужден принимать всю совокупную конфигурацию её воздействий на своё «Я». Выбор граждан-

ства, профессии или степени вовлечённости в цифровые сети — это не выбор отдельной черты, а принятие целостного режима бытия, специфическим образом модифицирующего все четыре измерения антропологического ядра.

2. Внутристратные конфликты. Каждая страта сама по себе является полем имманентного напряжения, так как её воздействия на разные измерения «Я» зачастую противоречивы. Так, профессиональная страта может предлагать «Я — воплощённому» социальное признание, одновременно отчуждая его время; гражданская страта защищает тело через правовые институты, но оставляет за собой право требовать его в жертву.

3. Межстратные конфликты и динамика идентичности. Идентичность современного субъекта есть результат перманентного Negotiation (торга) и столкновения между императивами различных страт, каждая из которых стремится подчинить ядро «Я» собственной логике. Этнокультурная страта апеллирует к корням и традиции, сетевая — к глобальной гибридности, профессиональная — к эффективности, а гражданская — к лояльности и долгу. В этой перспективе конфликт идентичности предстаёт как конфликт конкурирующих лояльностей.

4. Сетевая страта как универсальный медиатор и катализатор противоречий. Цифровая страта выполняет уникальную функцию: она пронизывает и трансформирует логику всех прочих страт, становясь их общей операционной сре-

дой. Выступая платформой для этнокультурного национализма, гражданского активизма или поиска духовности, она радикально изменяет их масштаб и способы существования, что неизбежно приводит к обострению их внутренних противоречий.

5. Антропологическое ядро как источник сопротивления и этический критерий. В силовом поле страт нередуцируемость ядра обретает статус практического барьера. Феномены сопротивления — от выгорания и идеологического неприятия до цифрового аскетизма — являются не патологией, а системным ответом целостной структуры «Я» на попытки односторонней деформации. Таким образом, ядро выступает не просто субстратом, но имманентным этико-экзистенциальным ориентиром, позволяющим оценивать степень давления социальных институтов.

Социальные страты домена «Мы» выступают как конституирующие и одновременно отчуждающие силы. История личности в этих условиях предстаёт как поиск динамического равновесия — попытка интегрировать императивы различных страт в когерентную идентичность, не допустив тотального доминирования одной из них в ущерб целостности «Я».

Нейрокогнитивные механизмы: от матричных структур к динамике ипостаси

Представленная матрица взаимодействий описывает структурное поле возможностей. Однако идентичность реализуется не в статике, а в реальном времени встречи индивида с вызовами страт. Эта встреча инициирует работу системы динамической саморегуляции антропологического ядра, имеющей чёткий нейробиологический субстрат.

Функционирование этой системы обеспечивается взаимодействием трёх крупномасштабных сетей мозга.

- Сеть пассивного режима (Default Mode Network, DMN) отвечает за автобиографическую рефлексию и проецирование «Я» в социальные контексты [615, 842].
- Центральная исполнительная сеть (Frontoparietal Network) обеспечивает когнитивный контроль и выбор стратегий поведения в ответ на внешние требования [793].
- Сеть значимости (Salience Network) детектирует релевантные стимулы и осуществляет динамическое переключение ресурсов между DMN и исполнительной сетью [740, 821].

Интегративным принципом работы этой системы является активное предсказание (predictive processing) [228,

669]. Мозг непрерывно строит и корректирует модель себя в мире, стремясь минимизировать «ошибку предсказания» (prediction error) — расхождение между глубинными ожиданиями ядра и требованиями актуального социального контекста.

В этой динамике система решает фундаментальную задачу: как канализировать энергию базовых диспозиций (заряды измерений «из рода», «воплощённого» и др.) в предлагаемые стратами формы, сохраняя при этом целостность всей архитектуры. Ситуативным результатом этой работы становится ипостась — не внешняя роль или маска, а оптимальная конфигурация системы «Я», обеспечивающая её когерентность в данных условиях [808].

Нормативно-практический императив концепции ДНИ

В условиях ускорения технологического прогресса и тотальной цифровизации концепция ДНИ и раскрытая в ней архитектура антропологического ядра обретают статус нормативно-практического императива. Это не просто инструмент навигации, а основа для активного проектирования социальных и технологических сред, совместимых с конститутивными параметрами человеческого бытия.

Данный подход требует проектирования:

• образовательных сред, интегрирующих профессиональную подготовку с культивацией телесной осознанности, эмпатии и способности к автономному смыслополаганию;

• городских и цифровых сред, поддерживающих человеческую природу через биофильный дизайн и этические платформы, защищающие когнитивные ресурсы субъекта;

• социальных институтов, выстраивающих свою логику не на подавлении, а в продуктивном диалоге с фундаментальными потребностями, заложенными в измерениях «Я».

Концепция ДНИ предоставляет карту системных приоритетов, указывая, что устойчивое будущее принадлежит стратегии выстраивания сложности технологической цивилизации вокруг неустранимого ядра человеческой субъективности. Научное понимание человека здесь становится необходимым фундаментом для проектирования социальных порядков, достойных его природы.

2.11. Методологическое обоснование структуры доменов: критерии отбора и статус исключённых категорий

Формирование иерархии доменов в рамках концепции ДНИ, разделённой на измерения антропологического ядра («Я») и страты принадлежности («Мы»), является результатом строгого методологического отбора.

Критерием выделения самостоятельного домена выступила онтологическая автономность и функциональная несводимость пласта самоопределения — его способность отвечать на фундаментальные экзистенциальные вопросы («Кто я?», «Откуда я?», «С кем я?») и обладать собственной, независимой онтологической плотностью [46, 413].

Данный подход требует пояснения, почему такие фундаментальные феномены, как язык, территория, история, а также мифы, архетипы, культурные коды и половая принадлежность не были выделены в самостоятельные домены, а включены в качестве формирующих элементов в существующие.

1. Язык как универсальный медиум, а не отдельный домен

Безусловно, язык является «домом бытия» [487] и фундаментальным средством конструирования реальности [46, 445]. Однако он не образует самостоятельного уровня идентичности, а выступает универсальным проводником и носителем содержания для других доменов. Язык является «плотью и кровью» этнокультурной страты («Мы — народ»), именно через него передаются культурные коды, мифы и историческая память. Одновременно он служит инструментом, с помощью которого религиозные институты транслируют догматы, а государство — законы [87].

В рамках настоящего исследования, посвящённого динамике национальной идентичности в контексте государственного строительства, анализируются языки повседневной коммуникации — именно они выступают объектом языковой политики, реформ, школьного образования, судопроизводства и массовых практик самоопределения. Литургические языки (например, церковнославянский в православной традиции, классический арабский в исламе или грабар в Армянской Апостольской Церкви) остаются за рамками анализа. Их функционирование ограничено ритуальной сферой. Они, как правило, не понимаются большинством носителей и не оказывают прямого влияния на динамические

процессы формирования национальной идентичности в современных обществах. Никакой «сакральной» связи с антропологическим ядром ДНИ у этих языков не постулируется; их исключение из анализа является методологическим решением, основанным на принципе релевантности.

Наиболее наглядно медиальная природа языка проявляется в феномене многоязычия. Индивид или группа могут мыслить на одном языке (например, французском), использовать в быту второй (арабский), идентифицировать себя с культурой третьего (англичанин) и применять в профессиональной деятельности четвёртый — язык программирования. Такая многослойная языковая компетенция не создаёт множества параллельных идентичностей. Напротив, она служит ресурсом для ситуативной актуализации разных граней ядра и домена «Мы» в зависимости от контекста. Человек остаётся носителем единой, хотя и сложно организованной идентичности, а языки выступают как инструменты её выражения, а не как отдельные страты.

Более того, этническая идентичность может сохраняться и даже быть чрезвычайно сильной при полном незнании «родного» языка. Очевидными примерами являются еврей, не владеющий ивритом или идишем, но идентифицирующий себя со своим народом, или китаец, выросший за пределами Китая и не говорящий на китайских языках.

В этих случаях идентичность существует и воспроизво-

дится благодаря другим компонентам этнокультурной страты:

- мифам и историческим нарративам;
- ритуалам и семейным практикам;
- чувству «общей судьбы».

Эти смыслы могут успешно транслироваться на любом доступном языке (например, на русском, английском или французском). Язык здесь выступает лишь одним из возможных, но не обязательным проводником. Его отсутствие не разрушает идентичность, но меняет способы её выражения и передачи. Таким образом, язык в модели ДНИ — это не граница страты, а сквозной медиум, обеспечивающий связность всех элементов системы.

В контексте цифровой трансформации понимание языка требует расширения. Помимо естественного языка, формирующее влияние оказывают формальные языки — математический, языки программирования и алгоритмические коды, становящиеся посредниками между человеком, цифровой средой и ИИ [222]. Эти языки не просто описывают реальность, но активно конструируют новые онтологии и формы социальности.

Алгоритмические языки, опосредуя взаимодействие в цифровой среде, формируют новые паттерны коммуникации, иерархии и даже этические системы (например, в сооб-

ществах open source или в DAO). Таким образом, язык в его расширенном понимании — от естественного до алгоритмического — сохраняет роль универсального медиума, пронизывающего все уровни идентичности в условиях цифрового Метамодерна. Он является имплицитной, сквозной средой их взаимодействия и поэтому не может быть рассмотрен как онтологически самостоятельный домен.

Следует иметь в виду, что в рамках социально-антропологического анализа нас интересует не онтогенез языка (эволюционный или креационистский), а его функциональная роль в процессах идентификации и государственного строительства.

Существуют концепции, возводящие язык к божественному откровению и предлагающие его типологию. В частности, Г. Джемаль различает языки мифологические (связанные с единственной сакральной традицией, например санскрит), экуменические (греческий, арабский), колониальные (английский) и метаколониальные (русский). Признавая внутреннюю логическую стройность этой конструкции при условии принятия её исходного теологического постулата, мы не можем использовать этот постулат как научно обоснованный. Вопрос о происхождении языка лежит за пределами верификации социальных наук. Более того, он не релевантен для определения места языка в ДНИ: даже если бы язык был божественным даром, он оставался бы условием возможности идентичности, а не её содержанием. Тем не

менее типология Джемаля может быть использована эвристически — для описания различий между языками, тяготеющими к мифологическому полюсу (исландский, литовский, тибетский), и более инструментальными национальными языками, а также для осмысления статуса русского как метаколониального языка. Мы используем эти понятия без принятия стоящей за ними метафизики.

Влияние языка на когнитивные схемы (лингвистическая относительность) не делает его самостоятельным доменом идентичности. Аналогия: гравитация влияет на походку, но не является частью идентичности; язык влияет на мышление, но не является атрибутом, который мы рефлексивно предъявляем. Механизм «пронизанности» реализуется иначе: язык связывает домены через практики перевода, образовательные системы, языковое планирование и переключение кодов.

Язык является имплицитной, универсальной средой взаимодействия всех доменов идентичности и не может быть рассмотрен как онтологически самостоятельный домен в рамках концепции ДНИ.

2. Территория как пространственное воплощение принадлежности

Чувство места, «малая родина» или сакрализация пространства бесспорно важны. Однако территория выступает

не как отдельный домен, а как пространственное измерение и материальное воплощение других страт. Она является физическим базисом для гражданско-национальной идентичности (территория государства), ключевым ресурсом для формирования этнокультурной страты («родная земля») и интегральным компонентом экологического измерения ядра («Я — часть природы») [283]. Территория — это контекст, в котором разворачивается практика других идентичностей, а не самостоятельная сущность.

3. История, мифы и архетипы как нарративная основа идентичности

Коллективная историческая память, мифы и архетипы являются стержнем, вокруг которого кристаллизуется групповая идентичность [490, 549]. Однако они являются не уровнем самоидентификации, а содержательным наполнением, нарративным каркасом и психологическим механизмом, которые придают смысл и непрерывность другим доменам.

Наряду с языком в модели ДНИ миф выступает вторым универсальным медиумом. Миф — это не просто совокупность нарративов о прошлом, а активный конструкт, задающий временную глубину, образы героя и врага, а также параметры сакральной географии. Миф функционирует как «операционный код» ДНИ: он связывает устойчивое антропологическое ядро с пластичными социальными стратами. В

отличие от языка, обеспечивающего формальную символическую связанность, миф артикулирует экзистенциальные и эмоциональные детерминанты идентичности. Его мобилизующее влияние особенно заметно в кризисные периоды (например, формирование мифа о «Великом возвращении» в Азербайджане после 2020 года или трансформация карабахского мифа в Армении после 2023 года). Миф не может быть выделен в отдельную страту, поскольку он трансверсально пронизывает все элементы домена «Мы».

Единая историческая судьба — основание для гражданско-национальной страты. Общие мифы и архетипические сюжеты (борьба героя, поиск себя) формируют ядро этнокультурной страты и структурируют экзистенциально-веровательный аспект. Они представляют собой «символический капитал» и нарративный ресурс, используемый институтами для социализации [84].

4. Искусство и культурные коды как выражение, а не суть

Искусство, фольклор, традиции, кухня — всё это является чрезвычайно важным символическим капиталом и инструментом маркировки групповых границ [84]. Однако эти элементы являются выражением и репрезентацией идентичности, а не её базовым уровнем. Они суть продукты и инструменты этнокультурной и социально-профессиональной

страт. Это — язык, на котором говорит идентичность, но не её онтологическая основа.

5. Национальная идентичность как доминирующая конфигурация эпохи Модерна

В контексте модели ДНИ национальная идентичность не представляет собой автономного элемента структуры. Она выступает сложным историческим продуктом, возникающим в результате специфической конфигурации страт домена «Мы» в их взаимодействии с универсальными запросами домена «Я». Её формирование и доминирование связано с кристаллизацией страты гражданской принадлежности в эпоху Модерна [126, 476].

Генезис и структурное положение

Национальная идентичность возникает как макроконфигурация, интегрирующая несколько страт в единый комплекс.

• Этнокультурная страта формирует символическое ядро нации через мифы об общем происхождении, языке и исторической судьбе, создавая «воображаемое сообщество» [15].

• Гражданская страта обеспечивает политико-правовое оформление через институты государства, гражданства и национального суверенитета [104].

• Профессиональная страта создаёт экономическую основу через формирование национального рынка труда и систем социальной мобильности [393].

Функциональное значение

Данная конфигурация предлагает комплексные ответы на фундаментальные вызовы домена «Я».

• Родовое измерение находит ответ в концепции «нации-семьи» с общими предками и исторической памятью [388].

• Телесное измерение получает гарантии защиты через институты национальной безопасности и социального государства.

• Экзистенциально-верователь ное измерение обретает смысл в идее служения национальным интересам и развитию [412, 416].

В условиях современной глобализации монопольное положение национальной идентичности оспаривается транснациональными и сетевыми конфигурациями, что демонстрирует пластичность системы страт при сохранении их струк-

турной целостности [222].

6. Гендерная идентичность как кросс-доменный феномен

В отличие от исторических конфигураций коллективной принадлежности, гендерная идентичность представляет в модели ДНИ принципиально иной тип феномена — кросс-доменное образование, распределённое между измерениями «Я» и стратами «Мы». Эта онтологическая распределённость делает гендерное самоопределение перманентным полем напряжённого Negotiation, где сталкиваются глубинные экзистенциальные потребности личности и нормативные предписания социальных систем.

Онтологическая распределённость

Уникальность гендерной идентичности заключается в её двойной укоренённости.

1. В домене «Я» она формируется через взаимодействие двух измерений: телесного, предоставляющего биологический субстрат и психосоматический опыт воплощённости [285], и экзистенциально-веровательного, где происходит глубинная работа самоопределения и поиск аутентичности.

2. В домене «Мы» эта работа сталкивается с внешними структурами артикуляции.

• Этнокультурная страта транслирует унаследованные паттерны маскулинности и фемининности [84].

• Профессиональная страта материализует эти предписания через сегрегацию и гендерный разрыв в оплате труда [373].

• Сетевая страта становится платформой для деконструкции традиционных бинарностей и формирования новых, небинарных идентичностей [95, 96].

Динамика Negotiation: между аутентичностью и признанием

Процесс становления гендерной идентичности — это непрерывное напряжение между стремлением к аутентичности (внутреннее самоощущение в измерениях «Я») и потребностью в признании (социальная легитимация со стороны страт «Мы»). Этот Negotiation протекает как нелинейный процесс: усиление сигнала от одной страты (например, сетевой) способно вызвать цепную реакцию трансформаций, ослабляя влияние других (например, этнокультурной) и активируя новые аспекты экзистенциального самоопределения.

7. Экология как исключение, подтверждающее правило

Важнейшим моментом является статус экологического измерения. В отличие от языка или истории, оно признано одним из краеугольных камней антропологического ядра («Я»).

Это решение обусловлено тем, что осознание неразрывной связи с биосферой отвечает на фундаментальный экзистенциальный вопрос «Кто я?» в его самом глубоком смысле: «Я — часть природы». Это не опосредованная культурная категория, а непосредственное переживание включённости в мир, имеющее биопсихологические корни (биофильная гипотеза Фромма) и обострённое в эпоху антропогенного кризиса [249]. Поэтому экология вошла в нередуцируемое ядро наравне с телесностью и родовой принадлежностью.

Итоговый критерий отбора: в качестве самостоятельного домена выделяется пласт самоопределения, обладающий собственной онтологической плотностью и отвечающий на базовые экзистенциальные вопросы. Язык, история, территория и мифы — при всей их колоссальной важности — являются атрибутами, средствами или содержательным наполнением этих пластов.

Данный подход позволяет избежать методологической путаницы и создаёт стройную систему. Сложность человече-

ской идентичности обеспечивается не умножением числа доменов, а взаимодействием ограниченного числа фундаментальных уровней, наполненных всем многообразием культурных и исторических форм.

8. Инклюзивность профессиональной страты: онтологическое основание и институциональный охват

Онтологическое основание: деятельность как модус социального бытия и арена конфликта

В основе страты лежит не экономический детерминизм, а антропологический постулат: человек существует как субъект коллективного бытия, постоянно включённый в отношения обмена деятельностью, заботой и смыслами, которые лишь частично принимают денежную форму [36]. С этой точки зрения «работа» или «дело» есть модус человеческого присутствия в мире, способ самореализации через социально значимую активность и признание [513, 569].

Профессиональная страта, таким образом, является социальной ареной, где встречаются два взаимных запроса: общества к индивиду («Чем ты полезен для воспроизводства целого?») и индивида к обществу («Где моё призвание?»).

Это пространство не пассивного распределения функций, а постоянного Negotiation, конфликта и борьбы за признание неоплачиваемого труда как труда.

Возражение о том, что дети или пенсионеры не обладают «профессией», требует перехода к интерпретации страты как институционального поля социально-экономического позиционирования [102, 326]. Его специфика — конституирование позиций, чья идентичность легитимируется через отношение к процессу общественного воспроизводства. Монетизация труда является важным, но не конститутивным признаком; конститутивным выступает признание социальной значимости.

Структурное позиционирование: жизненный цикл в поле страты

Данное поле охватывает полный жизненный цикл функционального позиционирования [547], конструируя ключевые статусы, которые сами по себе являются предметом борьбы.

1. «Ребёнок/ученик» конструируется как будущий профессионал, чья функция — накопление человеческого капитала. Статус институционализирован системой образования и концепцией детства как социального проекта [23].

2. «Пенсионер» конструируется как статус завершившего

активный цикл, чья функция — потребление и трансляция опыта. Это арена политической борьбы, где переопределяется ценность данной позиции.

3. Лицо, осуществляющее неоплачиваемый домашний труд и уход. Его функция — воспроизводство рабочей силы и инфраструктуры. Это наиболее конфликтная позиция, где борьба за признание этого труда является борьбой за пересмотр иерархий внутри страты.

4. «Ищущий работу/безработный». С системной точки зрения это — резерв рабочей силы; с феноменологической — опыт кризиса идентичности и маргинализации.

Институты (школы, фонды, службы занятости) не просто констатируют, а активно производят эти позиции, наделяя их правами и обязанностями [132].

Механизм включения и формирование габитуса

Принадлежность к страте определяется усвоением соответствующего габитуса — системы диспозиций и телесных схем («быть прилежным учеником», «быть достойным пенсионером»).

Граница страты проходит не между занятыми и не-занятыми, а между теми, чья деятельность институционально признана и регулируема, и теми, кто находится в состоянии тотальной эксклюзии (например, хроническая бездомность).

Исключение — это тоже продукт поля, маркирующий точки его сбоя.

Эвристическая ценность модели позволяет:

• анализировать реформы не как технические правки, а как процесс борьбы за переопределение позиций и ресурсов;

• выявлять гендерное, классовое и возрастное измерения экономики, показывая системное производство «зависимых» статусов;

• сохранять целостность социального пространства, избегая создания концептуальных «заповедников» для маргинальных групп.

Историческая динамика: от «данности» к «проекту»

Предложенная модель находит подтверждение в исторической трансформации профессии. Если в эпоху классического Модерна принадлежность была пожизненной данностью [102], то в условиях цифровой трансформации (Метамодерна) закрепился императив: индивид должен радикально менять профиль на протяжении жизни (34, 41].

Профессия превращается из «данности» в «проект». Императив «предпринимательства себя» формирует новую форму нормативного принуждения. Индивид вынужден непрерывно конструировать и продавать свою идентичность,

воспринимая любую фазу (учёбу, безработицу, пенсию) как вызов к персональному ре брендингу.

Логика страты проникает в глубины субъективности: детство становится формированием адаптивности, период поиска — необходимым этапом переквалификации, а старость — фазой новой гибридной реализации. Границы между «учёбой», «работой» и «завершением» становятся проницаемыми.

Профессиональная страта представляет собой универсальное поле социально-экономического позиционирования. Она охватывает весь спектр институционально оформленных статусов. Статус детей и пенсионеров — не внешний вызов для модели ДНИ, а демонстрация её аналитической силы. Модель избегает создания ad hoc допущений и даёт исчерпывающий ответ на вызовы социального позиционирования на всём жизненном пути в рамках единой логики.

2.12. Нелинейная и нечёткая природа ядра идентичности: современные научные подходы

Современное понимание антропологического ядра требует преодоления картезианского дуализма и редукционизма классических моделей, включая ограничения вычислительной теории сознания [165]. Более адекватный понятийный аппарат для описания сложности человеческой идентичности предлагает квантовая метафора.

Важно подчеркнуть: речь идёт не о прямом переносе физических законов в психологию, а об использовании продуктивных концептуальных схем (дополнительность, запутанность), позволяющих преодолеть ограничения классических дуализмов. «Квантовость» здесь понимается как свойство сложных систем, проявляющееся в нередуцируемой вероятностной природе состояний, их контекстуальной зависимости и неразделимости (несепарабельности) элементов.

• Принцип дополнительности. По аналогии с Н. Бором [70], сознание и тело могут быть поняты как взаимодополнительные описания единой реальности. На нейробиологическом уровне одни и те же нейронные структуры вовлека-

ются в разные процессы, а их активность обретает конкретное феноменологическое качество лишь в отношении к состоянию системы в целом. Невозможно одновременно полностью описать феноменологический опыт и его нейронные корреляты — они взаимодополнительны и нередуцируемы.

• Онтологическая запутанность и суперпозиция. Отношение между сознанием и его носителем описывается как форма «запутанности» [595, 596] — их состояния взаимно обусловлены. Система идентичности способна находиться в «суперпозиции» потенциальных состояний, которые «коллапсируют» в конкретное проявление только в акте взаимодействия со средой или рефлексии.

• Нечёткая логика. Эта суперпозиция находит формальное выражение в аппарате нечёткой логики [193]. В отличие от бинарной, нечёткая логика оперирует градуированными значениями. Это адекватно отражает реальные процессы, где индивид одновременно находится в «гибридных» состояниях (например, на 70 % — профессионал и на 30 % — родитель при работе из дома) [717].

Принцип суперпозиции и эмерджентность в системе «Я» и «Мы»

В отличие от линейных систем, динамика идентичности характеризуется нелинейной суперпозицией, результатом которой является эмерджентность — возникновение но-

вых свойств, не присущих отдельным компонентам.

• Квантовая метафора и гибридные состояния: «Я» существует в поле потенциалов (профессионал, родитель, гражданин), которые не просто суммируются, а находятся в отношении взаимного усиления или конфликта [596]. Акт социального взаимодействия выступает аналогом «измерения», коллапсирующего это поле в конкретную конфигурацию.

• Эмерджентность коллективной идентичности: Формирование домена «Мы» из множества «Я» нелинейно. Коллективные убеждения (аттракторы) [760] не являются «средним арифметическим» индивидуальных установок, а возникают как эмерджентное свойство сети.

Нелинейная динамика процессов

Динамика идентичности не подчиняется принципу «целое равно сумме частей». Взаимодействие её элементов — телесного опыта, бессознательных паттернов и социальных ролей — носит нелинейный характер.

• Теория динамических систем. Рассматривает развитие как процесс, чувствительный к начальным условиям и характеризующийся фазовыми переходами. Незначительный стимул может привести к масштабному сдвигу всей системы («эффект бабочки») [812].

• Коннекционистские модели. Психические процессы реализуются в распределённых сетях, где активация одних узлов нелинейно тормозит или усиливает другие [784].

• Социальные аттракторы. Групповое сознание подчиняется законам нелинейной динамики. Социальные нормы функционируют как аттракторы — устойчивые состояния, к которым эволюционирует система [760].

Техно-социальная запутанность и ко-конституирование

Цифровые технологии создают условия для «техно-социальной запутанности» [195], где сознание, телесные практики и цифровая среда становятся взаимозависимыми.

• Алгоритмические операторы. Платформенные алгоритмы резко меняют траекторию идентичности, подкрепляя одни аттракторы (например, радикализацию через «эхо-камеры») и ослабляя другие [764].

• Эксперименты с множественностью. Цифровые пространства позволяют экспериментировать с множественными «Я», создавая конфигурации, не описываемые бинарными оппозициями [434, 435].

Антропологическое ядро можно интерпретировать как сложную, нелинейную и квантово-нечёткую систему. Та-

кой подход позволяет преодолеть классические дуализмы, рассматривая идентичность как динамический, открытый и контекстуально обусловленный процесс, образующий онтологический фундамент для модели ДНИ.

Нейробиологические основания нелинейной динамики психических процессов

Тезис о нелинейной природе антропологического ядра находит подтверждение в современных исследованиях. Работа мозга демонстрирует фундаментально нелинейный характер на всех уровнях.

1. Критическое состояние мозга и нейронные каскады. Концепция «критического состояния» (brain criticality) показывает, что нейронные ансамбли функционируют вблизи точки фазового перехода. Они демонстрируют «нейронные лавины» (neuronal avalanches), подчиняющиеся степенному закону [589]. Малые события здесь порождают непропорционально крупные последствия. Этот механизм обеспечивает баланс между стабильностью и пластичностью; при расстройствах (шизофрения, депрессия) данный баланс нарушается [562, 721].

2. Нелинейная синхронизация и когнитивные гештальты. Процессы синхронизации, лежащие в основе осознания, нелинейны. В. Фриман показал, что распознавание обра-

зов (например, запаха) сопровождается фазовым переходом, описываемым через странные аттракторы [666]. Внезапное решение задачи («инсайт») коррелирует с нелинейной синхронизацией гамма-ритма — «когнитивным фазовым переходом».

3. Мультистабильность восприятия и бифуркации. Феномен бинокулярного соперничества, когда восприятие спонтанно переключается между двумя образами, — чистая модель нелинейной динамики. Эти переходы являются внезапными бифуркациями, аналогичными переключению между аттракторами [606].

4. Нелинейные связи в сетях мозга. Динамическое каузальное моделирование (DCM) подтверждает: взаимодействие между регионами мозга нелинейно. Совместная активация областей порождает синергетический эффект, не сводимый к сумме их вкладов. Это согласуется с принципом свободной энергии, представляющим мозг как систему, минимизирующую «неожиданность» [668].

5. Динамика обучения и памяти. Память основана на аттракторных нейронных сетях [567], где воспоминания — это устойчивые состояния (аттракторы), а их извлечение — нелинейный переход между ними. Обучение характеризуется периодами плато и внезапными скачками [812].

Теория интегрированной информации (IIT) Дж. Тонони связывает сознание со способностью системы порождать

интегрированную информацию. Мера сознания Φ достигает максимума в системах со сложной нелинейной причинно-следственной структурой [723]. Это дополняется теорией энактивизма: идентичность не просто «проживается», а конституируется через нелинейное взаимодействие организма со средой.

Нейробиологические основы социальной запутанности: от зеркальных систем к расширенному разуму

Концепция «онтологической запутанности» между доменом «Я» и доменом «Мы» находит субстрат в социальной нейронауке. Эти механизмы формируют дорефлексивную связь, создавая предпосылки для эмерджентной групповой идентичности.

Система зеркальных нейронов (СЗН)

Открытие зеркальных нейронов [645, 780] произвело революцию. Определённые ансамбли активируются как при выполнении действия, так и при наблюдении за ним. Эта премоторная «резонансная» активность создаёт общее нейрофизиологическое пространство:

• Моделирование намерений: СЗН кодирует цель действия (intention understanding). Наблюдая, мозг активно моделирует моторную программу, готовясь к выполнению [702].

• Основа эмпатии: наблюдение за эмоциями Другого (боль, отвращение) активирует те же области островковой доли и передней поясной коры, что и личное переживание [798]. Это база аффективной эмпатии — способности «заражаться» чувствами на дорефлексивном уровне.

СЗН функционирует как механизм неврологической запутанности, стирая жёсткие границы между самостью и Другим. Мозг — это «социальный орган», изначально настроенный на ко-конституирование индивидуального и коллективного.

Межмозговая синхронизация (Inter-Brain Synchronization)

Если зеркальные системы обеспечивают диадическую связь, то межмозговая синхронизация демонстрирует возникновение группового «Мы» на системном уровне. Методы гиперсканирования (фБИК, фМРТ, ЭЭГ) позволяют видеть, как во время кооперации ритмы активности участников согласуются.

Этот феномен проявляется в разных контекстах.

• Кооперативная коммуникация. При успешном диалоге наблюдается синхронизация тета- и альфа-ритмов в префронтальной и теменной коре участников [646].

• Совместная деятельность. Музицирование или танец приводят к согласованию активности в моторной коре; степень синхронизации коррелирует с субъективным чувством единства [759].

• Коллективные решения. Синхронизация активности может предсказывать успех группы, выступая нейромаркером эмерджентной когерентности [574].

Межмозговая синхронизация — это регистрируемый факт, подтверждающий, что в процессе взаимодействия возникает новая надындивидуальная система.

Концепция «расширенного разума» (Extended Mind): техно-социальная запутанность как когнитивная реальность

Идея запутанности получает развитие в концепции «расширенного разума» (Extended Mind), сформулированной Э. Кларком и Д. Чалмерсом [229]. Их тезис: когнитивные процессы не ограничиваются черепной коробкой, а активно используют внешние ресурсы — инструменты, артефакты и институты — как неотъемлемые компоненты системы.

Этот подход радикально раскрывает природу «запутанности».

• Активная экстернализация. Смартфон или ноутбук функционируют как внешние носители памяти и интерфейсы решения задач, становясь частями «расширенной когнитивной системы» индивида.

• Социальное распределение познания. Коллективное знание возникает из динамического взаимодействия между умами и общими внешними репрезентациями [701]. Группа становится единым когнитивным агентом.

• Техно-когнитивный симбиоз. В эпоху цифровизации алгоритмы рекомендательных систем и интерфейсы соцсетей становятся активными участниками нашего мышления и формирования идентичности [690]. Цифровая среда выступает ко-конституирующим элементом самого антропологического ядра.

Концепция расширенного разума обосновывает «техно-социальную запутанность» [195], подтверждая: наше «Я» — это не замкнутая монада, а открытый, гибридный контур, постоянно воспроизводящий себя через взаимодействие с другими умами и технологиями.

Нелинейность и квантоподобные принципы функционирования сетевой модели

Сетевая организация ДНИ функционирует на принципах нелинейности, что обуславливает её эмерджентность и устойчивость к цифровой редукции [249, 313, 530].

• Принцип суперпозиции и эмерджентной сложности. Ключевые узлы сети пребывают в суперпозиционных состояниях. Например, компонент «Веровательность» — это суперпозиция религиозности, сомнения и светского гуманизма. Любая попытка внешнего «измерения» (алгоритмический анализ) приводит к коллапсу этой суперпозиции с потерей информации. Этот онтологический разрыв создаёт барьер для тотальной датафикации идентичности.

• Принцип нелокальности и квантовой запутанности (Quantum Entanglement). Изменение в одном удалённом узле может мгновенно влиять на другие. Политическое решение в домене «Государство» способно реконфигурировать связи между «Веровательностью» и доменами «Семья» или «Религия». Компоненты «Я» и «Мы» образуют запутанные пары, что делает невозможным их изолированное изучение.

• Принцип неопределённости и границы прогнозирования. Высокая точность в определении состояния ядра («Я») делает непредсказуемым его взаимодействие со стратами

(«Мы»), и наоборот. Исчерпывающий детерминистический прогноз принципиально невозможен [205], что делает сценарный анализ единственным адекватным методом работы.

Диагностика состояний через сетевую структуру

• Адаптивность (Resilience): определяется избыточностью и плотностью связей. Здоровая сеть характеризуется множественными каналами между узлами.

• Патологии как деформации структуры:

○ «Алгоритмический детерминизм» — гиперцентрализация, при которой узел «Цифровая среда» становится доминирующим хабом, подчиняющим себе все связи.

○ «Нео-племенной регресс» — распад единой сети на изолированные, слабо связанные кластеры.

Межинституциональное взаимодействие как сеть сетей

Каждый домен (Государство, Образование, Религия) — это автономная сложная сеть. Макросеть ДНИ предстаёт как метасеть («сеть сетей»), где Negotiation между доменами — это взаимодействие между этими сложными структурами.

• Институт государства. Политика существует в виде спек-

тра потенциальных решений (суперпозиция), а акт её принятия коллапсирует эту неопределённость.

• Институт образования. Реформа в высшем образовании из-за нелокальности связей мгновенно влияет на рынок труда и школьное обучение.

• Институт цифровой среды. Конгломерат платформ и данных с интенсивными нелинейными связями.

Negotiation между Институтом экономики и Институтом государства — пример того, как решения одного института выступают актом «измерения» для другого, вызывая переконфигурацию всей сети [313].

Следствия для управления

1. Отказ от линейных реформ. Точечное изменение одного элемента без учёта связей обречено на непредсказуемые последствия.

2. Стратегия управления связями. Политическое воздействие должно быть направлено на архитектуру связей между институциональными сетями.

3. Признание роли неформальных институтов. Неформальные практики — это то «квантовое поле», в котором функционируют формальные структуры.

Управление ДНИ предстаёт как деятельность по сетевому

инжинирингу, требующая глубокого понимания нелинейной природы социальной реальности.

2.13. Философские основания сетевой онтологии: ризоматическая модель как метаструктура ДНИ

Концептуализация ДНИ как нелинейной, децентрированной сети, в центре которой находится антропологическое ядро, находит глубокие философские параллели в ризоматической модели Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В рамках их проекта «Капитализм и шизофрения», и прежде всего во втором томе — «Тысяча плато» [163], ризома представлена не просто как схема, а как радикально иная онтология связности.

Ризома — это модель нелинейной, гетерогенной сети, лишённой единого центра управления или жёсткой иерархии. Её элементами могут быть любые разнородные образования: идеи, социальные практики, биологические организмы, знаки и аффекты. Они соединяются друг с другом множеством способов, создавая изменчивые конфигурации. Эта модель преодолевает ограничения классических «древовидных» структур (l'arbre), где всё растёт из одного корня-основания. Ризома же разрастается горизонтально через множественные точки входа.

Делёз и Гваттари формулируют принципы ризомы, которые напрямую резонируют с архитектоникой идентичности.

1. Синтез гетерогенного: принципы связности и разнородности (1–2 принципы)

«Любая точка ризомы может и должна быть связана со всякой другой». В такой сети соединяются биологические, политические, экономические и технологические элементы, образуя нередуцируемые ассамбляжи. Это соответствует структуре сети ДНИ, где узлы антропологического ядро («Веровательность», «Экологичность») связаны нелинейными, квантовоподобными связями с гетерогенными стратами-институтами (Государство, Наука, Цифровая среда). Подобно ризоме, сеть ДНИ не знает жёстких границ: экономические практики здесь переплетены с экологическими ценностями, а цифровые алгоритмы ко-конституируют религиозные искания.

2. Процессуальная множественность (3 принцип)

Ризома — это чистый процесс образования множеств (multiplicities), лишённых единого субъекта. Их природа определяется не внутренними свойствами элементов, а внешними траекториями и «линиями ускользания». Это созвучно отказу от фиксированной идентичности в нашей мо-

дели. Домен «Я» и домен «Мы» понимаются не как сущности, а как процессуальные множества, чья конфигурация постоянно пересобирается через Negotiation между узлами сети.

3. Живучесть системы: принцип асигнификативного разрыва (4 принцип)

Ризома может быть разорвана в любом месте, но она всегда возобновляет свой рост по новым линиям. Этот принцип обосновывает сопротивление ДНИ цифровой редукции. Попытка алгоритмического «калькирования» идентичности (её датафикации) неизбежно наталкивается на её ризоматическую природу: разрыв одних связей приводит к возникновению непредсказуемых траекторий в других участках. Сценарии «Алгоритмического детерминизма» — это попытки загнать ризоматические потоки в жёсткие, «древовидные» структуры.

4. От кальки к карте: принципы картографии и декалькомании (5–6 принципы)

Ризома противопоставляется «кальке» (le calque) — модели, которая лишь копирует существующее. Она является картой (la carte), открытой для экспериментирования и под-

ключения новых потоков. Идентичность в модели ДНИ — это живая карта трансформаций. Она не копирует прошлое, а создаёт новые возможности в процессе постоянного взаимодействия с миром.

Классическая ризома Делёза и Гваттари враждебна любой идее центра, ядра или корня. Мы вводим ризому как онтологическое основание, а затем говорим о ядре, что может создать впечатление концептуальной путаницы. Как совместить принципиальную децентрированность ризоматической сети с постулируемым в модели ДНИ антропологическим ядром? Не возвращает ли нас это ядро к той самой «древовидной» логике корня, которую ризома призвана преодолеть?

Ответ кроется в различении архитектоники дерева и топологии ризомы. Ядро в нашем понимании — это не единый центр, из которого всё произрастает и которому всё подчинено (как ствол дерева). Это не метафизический корень, а то, что Делёз и Гваттари обозначают как «интенсивный узел» или «плато». В ризоматической сети всегда есть точки наибольшего сгущения связей, временной концентрации смыслов и энергий. Они не управляют сетью иерархически, но служат временными аттракторами, вокруг которых выстраивается конфигурация множества.

Антропологическое ядро («Веровательность», «Экологичность», «Событие/Диалог») в модели ДНИ — это и есть

такой узел-аттрактор. Он не является внешним основанием для сети, но существует внутри неё как зона особой интенсивности человеческого присутствия и смыслопорождения. Это не корень дерева, а место наиболее активного «становления» в ризоме. Сеть стягивается к этому ядру не силой иерархии, а силой смысловой гравитации, но при этом любая точка сети (институт, технология, практика) сохраняет способность к автономному движению и влиянию на само ядро.

Однако простой констатации наличия узлов недостаточно для понимания того, как именно идентичность формируется в этой гетерогенной среде. Необходимо ввести понятие, описывающее сам процесс сборки. Таким понятием становится Negotiation — фундаментальный онтологический механизм в пострациональном пространстве, представляющий собой непрерывный и конфликтный процесс стратегического диалога и согласования, через который формируются, синтезируются и трансформируются конфигурации идентичности в условиях множественности «Я» и «Мы». Negotiation — это не просто коммуникация, а глубинный обмен интенсивностями между элементами сети, в ходе которого потенциалы превращаются в актуальные связи.

Ризоматическая модель выполняет в нашем исследовании несколько ключевых функций.

• Онтологическое обоснование: легитимирует сетевой подход, выводя его за рамки простой метафоры.

• Язык описания сложности: понятия «ассамбляж», «детерриториализация» и «линия ускользания» позволяют описывать гибридные состояния идентичности, где Другой воспринимается не как оппозиция, а как часть сложного потока связей.

• Фундамент для критики: позволяет концептуализировать сопротивление любым формам тотализирующего контроля — от политического авторитаризма до алгоритмического капитализма.

Сетевая модель ДНИ может быть прочитана как операционализация ризоматики в социальной философии. Синтез данных нейронауки о работе мозга, сетевого анализа и философии ризомы доказывает, что открытая природа человеческого «Я» и «Мы» имеет под собой глубокие и фундаментальные основания.

Таким образом, ризоматическая модель задаёт онтологию связей, описывая принципиальную открытость, гетерогенность и процессуальность идентичности. Механизм Negotiation отвечает за динамику сборки, за превращение множества возможностей в конкретную конфигурацию. Если ризома описывает пространство связей и становления, то понятие ипостаси позволяет нам зафиксировать результат этой сборки — момент бытия, способ, которым субъект удерживает себя в конкретном интенсивном узле этой сети. Ризома отвечает на вопрос «как» устроена связь, Negotiation

— на вопрос «каким образом» из связей возникает временная устойчивость, а ипостась — на вопрос «кто» или «что» удерживает эту устойчивость в качестве личного события. Переход от сети к субъекту требует перехода от языка чистых потоков к языку личностного присутствия, каковым и является категория ипостаси.

Ризома в аспекте ДНИ характеризуется нелинейной топологией связей и дискретно-вероятностной природой актуализации этих связей. Нелинейность проявляется в том, что локальные взаимодействия могут порождать глобальные, непропорциональные эффекты (чувствительность к флуктуациям). Дискретно-вероятностный аспект связан с тем, что конкретные соединения реализуются лишь в событиях Negotiation, причём выбор из множества потенциальных траекторий в точках бифуркации носит вероятностный характер, хотя сам спектр возможностей задан структурой ризомы (принцип детерминизма спектра). Таким образом, ризома сочетает континуальную множественность потенциальных отношений (полевой аспект) с дискретностью и вероятностной селекцией их актуализации (событийный аспект), что формально напоминает корпускулярно-волновую дополнительность, но является имманентным свойством онтологической сети, а не аналогией с квантовой механикой.

Ризома и процессуальная последовательность в Онто-сознании

Ризома и процессуальная последовательность (движение смыслового конструкта в Онто-сознании) не противоречат друг другу. Напротив, они образуют два необходимых аспекта единой динамики.

Ризома задаёт онтологическое поле потенциальных отношений. Это децентрированная нелинейная топология связей, которые возникают между смысловыми конструктами, модусами и уровнями Онто-сознания. Данная структура представляет собой «параллельное» пространство всех мыслимых траекторий, существующих как чистая множественность.

Актуализацию осуществляет механизм Negotiation. Он «выбирает» из поля одну конкретную траекторию, которая при реализации разворачивается как процессуальная последовательность. Связность выбранного пути обеспечивают шлюзы, выполняющие функцию «маршрутизаторов». При этом они не отменяют ризоматическую открытость самого поля.

Таким образом, в языке реальности:

- ризома — это грамматика возможного;
- Negotiation — динамический синтаксис;

• реализованная траектория — конкретное высказывание.

В этой логике идентичность — это не только то, что мы имеем, но и то, что мы непрерывно «выговариваем» в пространстве социальных возможностей.

2.14. Квантовая когнитивистика: от метафоры к математической модели нелинейной идентичности

Представление об антропологическом ядре как о системе с «квантовоподобными» свойствами находит строгое описание в рамках квантовой когнитивистики (quantum cognition). Это междисциплинарное направление использует математический аппарат квантовой механики — гильбертовы пространства, векторы состояний и операторы — для моделирования человеческого познания.

Важно уточнить: квантовый формализм в данном контексте рассматривается не как описание физики нейронов, а как язык для моделирования структур суждения и принятия решений. Это позволяет перевести гипотезы о нелинейности ДНИ из области интуитивных догадок в рамки формализованной модели, обладающей предсказательной силой.

Когнитивные феномены и их формальное описание

1. Интерференция контекстов и нарушение классической вероятности

Классические модели вероятности не всегда адекватно описывают человеческий выбор в ситуациях неопределённости, таких как парадокс Элсберга. Квантовая когнитивистика предлагает интерпретировать вектор ментального состояния субъекта как суперпозицию — состояние системы, объединяющее несколько исключающих друг друга вариантов.

В этой модели процесс выбора аналогичен акту измерения. Амплитуды вероятности могут интерферировать, то есть усиливать или подавлять друг друга. Это позволяет математически описать внутренний конфликт идентичности, когда разные ценностные установки вступают в сложное взаимодействие.

2. Контекстуальность и зависимость от порядка (некоммутативность)

В эмпирических исследованиях часто наблюдается эф-

фект последовательности вопросов: ответ на пункт В зависит от того, задавался ли ранее пункт А. Квантовая модель объясняет это через некоммутативность операторов — зависимость итогового результата от порядка выполнения операций.

Вопрос рассматривается как оператор измерения, который меняет состояние ментальной системы. Если операции не коммутируют, результат «А затем В» не будет равен «В затем А». В модели ДНИ это формализует принцип контекстуальности: актуализация ипостаси «гражданина» нелинейно меняет фон для последующего проявления роли «профессионала» или «родителя».

3. Суперпозиция и разрешение когнитивного диссонанса

Противоречивые убеждения могут одновременно сосуществовать в ментальной системе, находясь в состоянии когерентной суперпозиции. Психологический дискомфорт (диссонанс) в этом случае разрешается через выбор.

Принятие решения концептуализируется как коллапс вектора состояния — мгновенный переход системы из неопределённого состояния в конкретное. Этот переход моделирует качественные трансформации идентичности, когда накопленные противоречия разрешаются через принятие новой установки.

Междисциплинарная верификация подхода

Эффективность данной модели подтверждается на трёх уровнях анализа.

1. Нейробиологический уровень. Исследования критических состояний мозга и нелинейной синхронизации указывают на то, что мозг по своей архитектуре приспособлен для ко-конституирования индивидуальных и коллективных смыслов.

2. Математический уровень. Аппарат гильбертовых пространств позволяет строить вычислительные модели, которые точнее классических прогнозируют поведение субъекта в условиях неопределённости и информационного давления.

3. Философский уровень. Сетевая модель ДНИ согласуется с ризоматической концепцией Делёза и Гваттари, а также с теорией «расширенного разума», рассматривающей технологическую среду как продолжение когнитивных процессов человека.

Сетевой и институциональный уровни: следствия модели

От микрокогнитивных процессов модель переходит к ана-

лизу социальной динамики. Сложная сетевая природа идентичности, где ключевые параметры находятся в состоянии суперпозиции, задаёт новые рамки для понимания общества.

• Уровень индивидуальной идентичности. Эмерджентная сложность «Я» выступает фактором устойчивости. Она может интерпретироваться как барьер для алгоритмического прогнозирования и тотальной датафикации личности в рамках «капитализма наблюдения».

• Сетевой социальный уровень. Принцип неопределённости делает неэффективными методы жёсткого планирования. В этих условиях наиболее адекватным инструментом становится сценарный анализ, учитывающий имманентную нелинейность системы.

• Институциональный уровень. Управление процессами формирования ДНИ предстаёт не как линейное реформирование, а как деятельность по сетевому инжинирингу.

В рамках этой аналитической метафоры политическое воздействие должно быть направлено на укрепление качества связей и плотности коммуникаций между стратами. Признание роли неформальных практик как особого «квантового поля» социальности позволяет более точно проектировать развитие общественных институтов.

Интеграция аппарата квантовой когнитивистики в модель ДНИ повышает её объяснительную мощность и междисциплинарную совместимость. Переход от качественных описаний к формализованному языку позволяет анализировать нелинейную и многомерную природу идентичности как закономерное свойство сложной системы. Такой подход создаёт базу для разработки стратегий, направленных на сохранение суверенитета человеческого «Я» и «Мы» в условиях глобальной цифровой трансформации.

2.15. Теоретико-методологические основания концепции ипостаси

Теоретико-методологический каркас концепции ДНИ требует не только описания статической структуры доменов, но и введения динамического оператора, способного объяснить механизм смены конкретных конфигураций идентичности в процессе Negotiation. Разработанная архитектоника доменов «Я» и «Мы» задаёт систему координат для анализа идентичности. Однако для описания того, как именно эта архитектоника реализуется в конкретных социальных ситуациях, требуется концепт более высокого разрешения, фиксирующий результат акта Negotiation. Таким оператором и выступает разрабатываемая в данной работе категория «ипостаси идентичности».

Ипостась идентичности: преодоление ограничений теории социальных ролей

Ключевым понятием, позволяющим преодолеть методологические ограничения классических теорий социальных ролей, является ипостась идентичности. Для преодоления теоретической расплывчатости, присущей общему понятию «идентичность», мы вводим «ипостась» как операциональ-

ное понятие, описывающее не совокупность черт, а конкретный механизм её существования во времени. Введение данной категории обусловлено необходимостью преодоления редукционизма, присущего как структурному функционализму [286, 326], где роль есть производная от социальной позиции, так и интеракционизму [138], где роль трактуется как инструмент управления впечатлениями в рамках социальной драматургии.

Ипостась — это целостная, динамически актуализированная конфигурация ядра, возникающая в процессе Negotiation между внутренним содержанием личности (её устойчивым ядром) и внешним или внутренним контекстом и определяющая способ бытия личности в данный момент.

Эвристическое преимущество концепции ипостаси становится очевидным при сравнительном анализе ее базовых параметров с категорией социальной роли в ее классической интерпретации (Таблица 2–11).

Таблица 2–11. Сравнительный анализ категорий «социальная роль» и «ипостась идентичности.

Критерий	Социальная роль / Маска (И. Гофман, 2000)	Ипостась идентичности
Источник и детерминация	Задаётся извне, обществом, институтом; является продуктом социального структурирования [326].	Рождается изнутри, в диалоге ядра с контекстом; является продуктом внутренней смысловой интеграции.
Отношение к ядру идентичности	Может быть внешней, формальной, не затрагивающей глубинные структуры «Я»; возникает риск отчуждения и ролевого конфликта [286].	Является непосредственным, смысловым проявлением и конфигурацией ядра; предполагает конгруэнтность и личностную вовлечённость [358].
Онтологическая сущность	«Костюм», который надевают и снимают; инструмент для взаимодействия с социальным миром.	«Состояние организма», способ бытия; модус существования личности в данном контексте.
Внутренняя динамика	Смена ролей как перемещение между социальными рамками; линейная или циклическая последовательность.	Квантовый переход между целостными конфигурациями системы; нелинейный процесс с состояниями суперпозиции и гибридизации.

Ипостась — это не то, что человек «играет», а то, кем он является в конкретной ситуации, оставаясь при этом самим собой. Данное понятие позволяет снять ключевые противоречия теории ролей.

1. Проблема аутентичности. Если роль, по Гофману, по определению предполагает отделение «исполнителя» от «исполняемого», то ипостась снимает эту дихотомию. Профессионал, погружённый в творческую работу, родитель, играющий с ребёнком, и гражданин, участвующий в митинге, — это не разные «роли», а разные ипостаси единого «Я», где на первый план выходят разные элементы ядра (например,

в «родителе» — «Семья-род», в «гражданине» — «Вера» в ценности справедливости). Это перекликается с идеей «полной вовлечённости» [519], когда действие становится неотделимым от идентичности.

2. Проблема внутреннего конфликта. Концепция ипостаси, в отличие от теории ролей, предлагает более тонкий инструмент для анализа внутренней динамики. Вместо ролевого конфликта (когда требования двух ролей несовместимы) мы имеем дело с интерференцией или гибридизацией ипостасей (например, состояние 70 % «профессионала» и 30 % «родителя» при работе из дома), что описывается языком нечёткой логики [193] и является нормой для сложной системы, а не патологией.

3. Проблема агентности. Теория ролей часто редуцирует человека до пассивного исполнителя социальных скриптов. Концепция ипостаси, напротив, подчёркивает активную, созидательную функцию ядра, которое не просто выбирает роль из набора, а порождает уникальную конфигурацию-ипостась в ответ на вызовы контекста, что согласуется с идеей человека как «автора своей жизни» [131].

Введение операционального понятия «ипостась» позволяет не просто уточнить, но и методологически переосмыслить ключевые проблемы теории идентичности. Его эвристическая ценность проявляется в последовательном разрешении фундаментальных затруднений, присущих классиче-

ским подходам, что наглядно представлено в Таблице 2–12.

Таблица 2–12. Методологические проблемы классических теорий идентичности и их разрешение в концепции ипостаси.

Проблема классических подходов	Разрешение через концепт «Ипостась»
Реификация идентичности (рассмотрение её как статичной субстанции)	Смещение фокуса на процессуальность. Идентичность понимается как непрерывный акт актуализации, а не как готовый объект.
Патологизация внутренней множественности (трактовка противоречий как нарушения)	Легитимация множественности как нормы. Внутренняя сложность признаётся естественным режимом работы системы («полифония»).
Неспособность описать мгновенные переходы (между устойчивыми состояниями)	Использование аппарата нелинейной динамики. Описание переходов как бифуркаций и гибридизаций в фазовом пространстве возможностей.
Разрыв между ядром и «контекстом» (противопоставление внутреннего и внешнего)	Демонстрация механизма воплощения ядра. Показ того, как именно устойчивые структуры актуализируются в конкретной ситуации.

Как следует из данных, представленных в Таблице 2–12, концепт ипостаси осуществляет методологический сдвиг по четырём ключевым направлениям. Во-первых, он заменяет субстанциональный взгляд на идентичность процессуальным, где бытие тождественно акту проявления. Во-вторых, внутренняя сложность и противоречивость перестают трактоваться как симптом кризиса, а признаются имманентным свойством системы, подобно полифонии в музыке. В-третьих, для описания смены ипостасей привлекается аппарат нелинейной динамики, что позволяет моделировать резкие,

скачкообразные переходы. Наконец, снимается искусственный дуализм между внутренним ядром и внешним контекстом, поскольку ипостась демонстрирует сам механизм, через который ядро получает конкретное воплощение. Таким образом, представленный анализ системно демонстрирует, как концепция ипостаси преодолевает основные апории классической теории, предлагая новый язык для описания динамической природы идентичности. Данный концепт выполняет не просто терминологическую, но и методологическую функцию, переводя исследование из субстанциональной в процессуальную парадигму. Это позволяет преодолеть традиционные дихотомии стабильности и изменчивости, единства и множественности, внутреннего и внешнего, открывая возможность для изучения идентичности как живой системы, сохраняющей целостность именно благодаря своей способности к постоянной реконфигурации.

Введение понятия «ипостась» позволяет описать идентичность не как набор масок или статичных черт, а как живой, пульсирующий процесс. Это не просто новый термин, а смена оптики: переход от вопроса «что такое идентичность?» к вопросу «как идентичность функционирует?». Устойчивость в этой модели обеспечивается не жёсткостью структуры, а способностью ядра к когерентной и смыслообразной переконфигурации — то есть высоким качеством процесса генерации и согласования ипостасей.

Ипостась выступает оператором, связывающим домены

«Я» и «Мы» в едином акте актуализации. Более глубокий анализ среды, в которой этот акт происходит, и эмерджентного качества, которое в нём рождается, будет проведён в отдельном разделе, посвящённом концепту «Я+Мы».

Ключевое условие актуализации: реализация ипостаси — то есть переход от потенциальной конфигурации к актуальному способу бытия — возможна только в диалоге с конкретной стратой домена «Мы». Именно вызов со стороны страты инициирует процесс Negotiation и делает ипостась действенной. Без этого внешнего запроса внутренняя реконфигурация ядра не получает завершения и социального воплощения.

Ипостась — это временное соотношение «весов» и актуального содержания устойчивых измерений, возникающее в ответ на вызов домена «Мы» и реализующееся только во взаимодействии с ним. Домен «Я» без домена «Мы» немощен, а домен «Мы» без домена «Я» бессубъектен. Ипостась — это мост, который строится с двух сторон одновременно.

Соотношение понятий «личность» и «ипостась» в архитектонике ДНИ

Введение операционального понятия «ипостась идентичности» требует чёткого методологического разграничения с категорией «личность», чтобы избежать концептуальной эквилибристики и сохранить аналитическую строгость предла-

гаемой модели (Таблица 2–13).

1. Терминологическое разграничение

Личность (как философско-антропологическая категория) — это:

• устойчивый потенциал самости, содержащийся в антропологическом ядре (домен «Я»);
• интегрирующее начало, осуществляющее рефлексивную работу по поддержанию целостности;
• субъект Negotiation, несущий экзистенциальную ответственность за выбор и его последствия [208, 209, 371, 372].

Ипостась (как операциональная единица анализа ДНИ) — это:

• актуальное воплощение личностного потенциала в конкретной ситуации;
• динамическая конфигурация, возникающая в процессе Negotiation между «Я» и контекстом;
• способ бытия-в-мире личности в данный момент времени.

2. Диалектика взаимосвязи

Если воспользоваться метафорой, то личность — это «оркестр» со всем его инструментальным и творческим потенциалом, а ипостась — «музыкальное произведение», которое оркестр исполняет здесь и сейчас. Оркестр остаётся самим собой независимо от репертуара, но раскрывается именно через исполнение.

Ключевые характеристики связи

• Множественность при единстве. Личность едина, но реализуется через множество ипостасей. Каждая ипостась представляет собой уникальный способ актуализации личностного потенциала.

• Динамическая устойчивость. Ипостаси изменчивы и ситуативны, однако личность сохраняет идентичность самой себе через все смены ипостасей [350].

• Иерархическая организация. Одни ипостаси могут быть более центральными для личности, другие — периферийными. Степень значимости ипостаси определяется её связью с глубинными слоями ядра домена «Я».

• Целостность через Negotiation. Связующим звеном выступает процесс Negotiation. Личность использует его для

согласования различных ипостасей в единую, но открытую нарративную конструкцию.

3. Эвристическая ценность различения

Предложенное разграничение позволяет:

• описать механизм, через который личность сохраняет свою целостность при множественности проявлений;
• показать, как устойчивое «Я» актуализируется в изменчивых социальных контекстах;
• преодолеть классическое противопоставление стабильности личности и изменчивости её социальных проявлений.

Ипостась представляет собой не просто социальную роль или маску, а персонализированный способ бытия, в котором универсальное личностное начало встречается с уникальностью конкретной ситуации.

Введение понятия «ипостась» не подменяет категорию «личность», а раскрывает операциональный механизм её существования в рамках ДНИ.

Таблица 2–13. Сравнительный анализ категорий «Личность», «Идентичность» и «Ипостась» в архитектонике ДНИ.

Критерий	Личность	Идентичность	Ипостась
Методологический статус	Философско-антропологическая категория, интегральный субъект	Социологическая и психологическая категория, поле смысловых конструктов	Операциональное, процессуальное понятие, единица анализа
Онтологический статус	Уникальная, целостная субстанция, «субъект-архитектор»	Совокупность социально сконструированных ответов на вопрос «Кто я/мы?»	Актуальная конфигурация бытия личности в данный момент
Временная характеристика	Устойчивость, непрерывность, протяжённость «длительности»	Процессуальность, незавершённость, изменчивость	Ситуативность, моментальность, дискретность
Основной вопрос	Кто есть человек? (в его экзистенциальной полноте)	Кто я/мы в данном социальном контексте?	Как личность актуализирует себя здесь и сейчас?
Доминирующий модус в ДНИ	Домен «Я» как центр рефлексии, воли и ответственности	Домен «Мы» как источник значений и признания	Поле «Я+Мы» как пространство сборки
Функция в системе ДНИ	Субъект Negotiation, носитель целостности и автор жизненного проекта	Объект/поле Negotiation, источник социальных значений и принадлежностей	Результат/акт Negotiation, конкретный способ бытия
Аналогия	Оркестр (потенциал, состав, уникальность)	Репертуар (доступные для исполнения произведения и стили)	Исполнение (конкретное произведение, звучащее в данный момент)
Ключевые авторы и концепции	Кант (моральный закон), Сартр (проект), Мунье (персонализм)	Эриксон (кризис идентичности), Гидденс (рефлексивный проект), Бауман (текучесть)	Предлагаемая концепция как синтез и преодоление теории ролей

Разграничение, указанное в таблице, позволяет преодолеть редукционизм классических подходов. Личность не

растворяется в множестве идентичностей, а актуализируется через конкретные ипостаси, оставаясь их интегрирующим субъектом. Ипостась, таким образом, выступает операциональным понятием, которое связывает устойчивость личности с изменчивостью её социальных проявлений в рамках единой динамической системы ДНИ.

Нелинейная динамика ипостасей: теоретические основания и научные корреляты

Динамическая природа идентичности требует живого описательного языка, выходящего за рамки скучной линейной причинности. Таким инструментом для нас становится синтез нелинейной динамики, квантовой метафоры, заимствованной из когнитивных наук [613], и нечёткой логики [193], которая сегодня успешно моделирует сложнейшие психологические системы.

1. Гибридность и нечёткие границы: от теории к эмпирике

Переходы между ипостасями — это не щелчок тумблера, а нелинейный процесс с размытыми краями. Современные исследования пограничных состояний [812] доказывают: система меняется не бинарными переключениями, а плавными

скольжениями в фазовом пространстве.

Аппарат теории нечётких множеств позволяет буквально «измерить» состояние человека, представив его как вектор: например, в данный момент в индивидууме сосуществуют 0.7 «Профессионала» и 0.3 «Родителя». Такая гибридизация, рождающая внутреннее напряжение, — не патология, а норма для сложной адаптивной системы [697]. Мозг не «переключает» дискретные модули, а плавно перераспределяет ресурсы внимания [747].

2. Суперпозиция и редукция: нейрокогнитивные параллели

Представьте, что внутри нас одновременно пульсирует множество потенциальных ипостасей — это состояние «суперпозиции». Согласно модели «множественных черновиков» (multiple drafts model) Д. Деннета [165], наш мозг непрерывно генерирует десятки сценариев действия, которые буквально соревнуются за право стать реальностью.

Внешний вызов или волевое решение срабатывают как «акт наблюдения» в физике: они селектируют и усиливают одну траекторию. Происходит «коллапс суперпозиции» в доминирующую ипостась. Это объясняет, почему наше самоощущение так лабильно, оставаясь при этом пластичным проявлением единого «Я».

3. Нелокальность и интерференция: системные эффекты

Свойство «нелокальности» означает, что одна ипостась может влиять на другую «дистанционно». Это объясняется работой распределённых нейронных ансамблей [607] и сетей покоя (default mode network).

Например, чувство национальной солидарности, вспыхивающее при просмотре новостей из другой точки мира, — это результат активации сплетения автобиографической памяти и эмоциональных центров. Ипостаси могут вступать в резонанс или конфликтовать (интерференция), подобно волнам. Этот процесс коррелирует с когнитивным контролем [600], когда конкурирующие нейронные паттерны в коре подавляют или подсвечивают друг друга.

Устойчивость идентичности в этой модели держится не на жёсткости, а на способности системы к когерентной перестройке — вечному поиску динамического равновесия.

Демаркация ипостаси: внутренние и внешние границы динамического контура

Граница ипостаси — это не бетонный забор, а динамиче-

ский демаркационный контур. Он рождается в точке встречи двух сил: внутренней (связь с ядром) и внешней (адаптация к контексту).

1. Внутренняя граница: порог смысловой связности

Здесь проходит черта между ипостасью и фальшью. Ипостась остаётся живой и устойчивой только до тех пор, пока её рисунок не противоречит фундаментальным слоям ядра:

- витальному (базовое доверие к миру, инстинкт жизни);
- ценностно-смысловому (иерархия экзистенциальных ориентиров);
- родовому (чувство принадлежности и преемственности);
- экологическому (связь с природным миром).

Этот критерий вскрывает «экзистенциальную фальшь» [110]. Возьмём ипостась «коррумпированного чиновника»: социально она может казаться функциональной, но изнутри она взламывает границу, входя в клинч с ценностями справедливости и служения в ненарушенном ядре. Возникает «экзистенциальный вакуум» [456]. Это уже не ипостась, а ролевая шизоидная конструкция — система действий, отрезанная от источников жизни.

2. Внешняя граница: функциональный резонанс

Снаружи ипостась ограничивает социальная целесообразность [138] и контекст [130]. Ипостась выдыхается, когда её явление ведёт к коммуникативному провалу.

Представьте «строгого отца», который включает директивный тон и иерархию на корпоративном мозговом штурме. Там, где нужны горизонтальные связи и открытость, такая ипостась выглядит нелепо. Внешняя граница размывается, человек маргинализируется, и внутри него вспыхивает конфликт (например, с его же ипостасью «коллеги-новатора»).

Резюме: демаркационный контур

Демаркационный контур — это продукт непрерывного процесса Negotiation. Его можно визуализировать как сложную топологическую фигуру, которая:

- снизу ограничена барьером, отделяющим живые ипостаси от мёртвых ролевых симулякров;
- сбоку обладает проницаемостью, позволяя ипостасям гибридизироваться и меняться в ответ на вызовы, не теряя корней в ядре;
- сверху определяется подвижным максимумом эффек-

тивности в многомерном социальном пространстве.

Этот подход позволяет уйти от скучных таблиц к динамическому картированию жизни. Это открывает новые горизонты для тех, кто занимается развитием людей и организаций, — от психотерапии до социального проектирования.

2.16. От онтологии личности к проекту нации

Предложенная модель ядра и ипостасей создаёт онтологический фундамент для концепции ДНИ. Если на микроуровне идентичность существует как динамическая смена ипостасей, то на макроуровне — уровне нации — она проявляется как перманентный переговорный процесс между устойчивым антропологическим ядром коллективного «Мы» и пластичными социальными стратами, институтами и дискурсами.

Цифровая среда, ускоряя частоту «квантовых переходов» между состояниями субъекта, делает этот процесс особенно интенсивным и конфликтным [222]. Задача управления ДНИ — не подавить эту динамику, а создать институциональные и ценностные условия для того, чтобы взаимное согласование протекало продуктивно, обеспечивая баланс между устойчивостью и адаптивностью, единством и многообразием.

Почему концепция ипостасей оригинальна

Несмотря на существование теорий, описывающих множественность самопроявления личности (теория ролей, кон-

цепция субличностей), предлагаемая концепция является оригинальной в силу трёх аспектов.

1. Динамическое ядро. Она постулирует онтологически устойчивое, но живое ядро, состоящее из четырёх взаимосвязанных компонентов (витального, ценностного, родового и экологического).

2. Различение «роли» и «ипостаси». Вводится чёткая граница между внешней социальной ролью (маской) и целостной ипостасью как способом бытия, проистекающим напрямую из ядра.

3. Нелинейный аппарат. Для описания динамики применяется синтез квантовой метафоры и нечёткой логики. Это позволяет адекватно описать состояния суперпозиции, когда человек одновременно находится в нескольких качествах, не теряя целостности.

Таким образом, ДНИ — это не статичный «снимок» принадлежности, а непрерывный «видеопоток» адаптаций и согласований.

Двухуровневый процесс координации идентичности

ДНИ существует как постоянный диалог, протекающий на двух взаимосвязанных уровнях.

• Внутренний (внутри «Я»). Координация между измерениями антропологического ядра, инициируемая вызовом со стороны домена «Мы». Результатом становится актуализация конкретной ипостаси — целостной конфигурации, адекватной внешнему запросу.

• Внешний (между «Я» и «Мы»). Взаимное согласование между актуализированной ипостасью и конкретной социальной стратой. Здесь происходит проверка границ и корректировка содержания идентичности.

Ядро в этом процессе выступает как онтологический гарант субъектности. Оно оказывает «сопротивление» тотальному растворению личности в цифровых и социальных конструктах [434]. Чтобы идентификационный проект был устойчивым, он должен найти отклик в ядре. В противном случае возникает «отчуждённая идентичность», ведущая к социальной аномии [189].

Устойчивость нации определяется не жёсткостью её догм, а пластичностью этого двойного переговорного процесса. Кризис наступает тогда, когда механизмы согласования ипостасей дают сбой.

Типология конфликтов и механизмы их разрешения

Конфликтное взаимодействие ипостасей — это имманентное свойство сложной системы и ключевой источник её развития [115, 483].

A. Ценностный конфликт.

• Сущность: противоречие на стыке ипостасей, апеллирующих к разным измерениям ядра.

• Пример: конфликт между «Учёным» (рациональная истина) и «Верующим» (догмат).

• Разрешение: переход в метапозицию. Поиск интегративной рамки (например, «наука как путь постижения замысла»). В социальном масштабе это реализуется через межконфессиональные диалоговые площадки.

B. Ресурсный конфликт.

• Сущность: конкуренция ипостасей за время, внимание и энергию.

• Пример: конфликт между «Профессионалом» и «Родителем» [695].

• Разрешение: ритуализация переходов. Использование психологических «шлюзов» — смены одежды, прогулки или медитации — для закрытия одной ипостаси и активации

другой. Это снижает выгорание и используется в корпоративных программах work-life balance.

C. Контекстуальный конфликт.

• Сущность: среда (например, мультикультурная) требует ипостаси, которой нет в готовом виде.

• Пример: западный менеджер в переговорах с восточными партнёрами (директивность против иерархичности).

• Разрешение: стратегическая гибридизация. Создание временной конфигурации («Западный менеджер — Восточный партнёр»). Это требует высокой рефлексивной пластичности, сравнимой с «культурным метиссажем» [13].

Прикладная ценность концепции

Разработанный инструментарий управления динамикой ипостасей имеет прямое применение в следующих областях.

1. Психотерапия и коучинг: диагностика «экзистенциальной фальши» и ролевой дезинтеграции.

2. Организационное консультирование: проектирование офисных пространств и графиков, поддерживающих ритуалы перехода и снижающих ресурсные конфликты сотрудников.

3. Социальное проектирование: разработка программ интеграции мигрантов через формирование гибридных ипо-

стасей вместо принудительной ассимиляции.

4. Дипломатия и переговоры: подготовка специалистов, способных к быстрой адаптивной перенастройке своего «переговорного контура».

Переход от статической классификации к динамическому картированию позволяет личности и нации сохранять целостность не через отказ от изменений, а через мастерство постоянной реконфигурации.

2.17. Процесс формирования ипостаси как ключевой механизм динамики идентичности

В рамках предлагаемой модели ДНИ процесс формирования ипостаси представляет собой центральный механизм, обеспечивающий устойчивость и адаптивность системы. В отличие от классических ролевых теорий [138, 820] и концепций социальной идентичности [808], где акцент делается на интериоризации готовых социальных паттернов, наш подход рассматривает ипостась как продукт активного взаимного согласования между устойчивым антропологическим ядром и динамичными стратами принадлежности.

Этот процесс носит циклический характер и состоит из четырёх взаимосвязанных фаз.

Четыре фазы формирования ипостаси

• Социальный запрос — вызов со стороны «Мы».

Процесс инициируется получением ядром «Я» запроса от конкретной страты домена «Мы» (профессиональной, гражданской или этнокультурной). Этот вызов, опосредованный образованием, медиа или цифровой средой, создаёт напряжение, требующее конфигурационного ответа [620, 677].

• **Внутреннее согласование — реконфигурация измерений ядра.**

Внутри домена «Я» начинается динамичная сонастройка антропологических измерений (ценностного, телесного, родового, экологического). Это не выбор из набора готовых масок, а творческий синтез, в ходе которого измерения ядра перераспределяют свои «веса» в поиске аутентичного ответа.

• **Рождение ипостаси — возникновение целостной конфигурации.**

Результатом сонастройки становится возникновение ипостаси — временного, ситуативно обусловленного состояния системы. Это целостная актуализация ядра, позволяющая личности действовать здесь и сейчас [580].

• **Вход в домен «Мы» — установление диалога.**

Сформированная ипостась выступает в качестве «ключа», обеспечивающего вход в соответствующий сегмент домена «Мы». Устанавливается осмысленный переговорный процесс между индивидуальным и коллективным уровнями.

Отличия от существующих теоретических моделей

Предлагаемый подход существенно пересматривает сложившиеся традиции анализа идентичности.

• В противовес ролевым теориям (Goffman, 1959; Turner, 1978).

Если социальная роль — это внешний шаблон, то ипостась — это внутренняя конфигурация, идущая из глубины ядра. Мы подчёркиваем не адаптацию к ожиданиям, а аутентичный ответ на вызов.

• В противовес теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979).

Мы уходим от простой когнитивной категоризации («я — член группы») к сложному междименсиональному синтезу, включающему телесные, ценностные и родовые измерения.

• В противовес нарративным подходам (McAdams, 2001; Bruner, 2003).

Ипостась имеет додискурсивный, конфигурационный характер. Она возникает как состояние системы ещё до того, как будет облечена в слова или истории.

• **В противовес теории практик (Bourdieu, 1977).**

В отличие от «габитуса» как инкорпорированной социальной структуры, наша модель сохраняет автономию антропологического ядра, способного на творческую перестройку вопреки детерминизму среды.

Механизм синтеза ипостасей: динамическая саморегуляция ядра

Каким образом единое «Я» порождает множественные модусы бытия без участия «внутреннего дирижёра»? Модель ДНИ предлагает решение через призму современной нейронауки: механизмом синтеза является сама динамическая архитектура ядра, работающая как контекстно-чувствительная система.

А. Нейробиологическая инфраструктура

Система опирается на три ключевые крупномасштабные сети мозга (large-scale brain networks).

• Сеть выявления значимости (Salience Network, SN).

Детектирует релевантные стимулы, выступая интерфейсом между «Я» и «Мы» [741].

• Сеть пассивного режима (Default Mode Network, DMN).

Хранит автобиографическую память и нарративную модель «Я» [614].

• Центральная исполнительная сеть (Central Executive Network, CEN).

Обеспечивает контроль и разрешение конфликтов.

Ипостась — это не отдельный модуль, а эмерджентный паттерн активации этих сетей. При переходе в контекст семьи «включаются» сети эмпатии, а сети профессионального планирования временно снижают активность. Эта новая конфигурация и есть нейронный коррелят ипостаси «родителя».

B. Принцип активного предсказания (Predictive Processing)

Мозг — это предсказывающая система [669]. Антропологическое ядро можно представить как набор врождённых ожиданий (предсказаний) о мире. Встречаясь с логикой социальной страты, система вычисляет «ошибку предсказания» — рассогласование между внутренним запросом ядра и внешним предложением домена «Мы».

C. Минимизация ошибки как цель системы

Работа системы направлена на минимизацию этой ошибки. Актуализация конкретной ипостаси — это оптимальное решение задачи по сохранению целостности «Я» в текущих условиях. Префронтальная кора выступает здесь не как дирижёр, а как арбитр, позволяющий не просто «быть в ипостаси», но и рефлексивно обрабатывать её опыт.

Философско-теоретический вывод

Синтез ипостаси — это децентрализованный процесс. Модель ДНИ позволяет избежать ловушки «гомункулуса», так как:

• «Точка сборки» — это процесс, а не место. Это текущий динамический баланс в системе, регулируемый сетью значимости.

• Агентность распределена. Она присуща всей системе, стремящейся минимизировать разрыв между своими ожиданиями и социальной реальностью.

Ипостась — это форма, которую принимает напряжение между предсказывающим ядром и оказывающей сопротив-

ление (или поддержку) стратой. Этот механизм придаёт модели ДНИ верифицируемую связь с биокогнитивной реальностью.

Формирование ипостаси — это живой «видеопоток» адаптаций, где личность сохраняет свою устойчивость через постоянную реконфигурацию. Это превращает идентичность из пассивного набора качеств в активный проект саморегуляции.

Следующим шагом станет рассмотрение энергетической основы этой системы — амбивалентной энергии диспозиций, служащей «топливом» для механизма саморегуляции.

2.18. Амбивалентная энергия диспозиций: содержательное «топливо» системы саморегуляции

Описанный механизм саморегуляции работает не с нейтральным материалом. Его «топливом» и объектом канализирования является амбивалентная энергия базовых диспозиций, заложенная в каждом измерении антропологического ядра. Эти диспозиции представляют собой не готовые поведенческие программы, а фундаментальные, энергетически заряженные векторы бытия-в-мире, обладающие имманентной амбивалентностью.

• «Я — из рода». Энергия связи и принадлежности. Её просоциальный полюс — любовь, забота и жертвенность ради «своих» — структурно неотделим от теневого полюса ксенофобии, клановости и враждебности к «чужим» как потенциальной угрозе.

• «Я — воплощённый». Энергия телесного действия и самоутверждения. Она проявляется как в созидании, заботе о здоровье и мастерстве, так и в агрессии или стремлении к доминированию через силу.

• «Я — верующий/ищущий». Энергия поиска смысла. Она одинаково питает и творческое горение, и догматизм,

фанатизм или готовность к тотальному насилию во имя «истины».

• «Я — часть природы». Энергия слияния с целым. Даёт как чувство биофильной гармонии, так и переживание архаического, хтонического ужаса перед безличной стихией.

Ипостась предстаёт в своей завершённой форме как результат двойного определения. С одной стороны — это работа механизма (система саморегуляции находит оптимальную конфигурацию сетей для минимизации ошибки предсказания). С другой — это наполнение содержанием: конфигурация направляет амбивалентную энергию конкретных измерений ядра в социально заданное русло.

Патологические формы (ненависть, насилие) возникают не из-за «порчи» ядра, а когда механизм саморегуляции не находит адекватного социального канала. Из-за дефицита институтов или давления идеологизированных страт система вынужденно канализирует энергию в её грубый, деструктивный полюс, чтобы экстренно снизить уровень страха или фрустрации.

Динамическая идентичность в модели ДНИ — это не игра готовых ролей, а непрерывный процесс канализирования амбивалентной энергии в те формы (ипостаси), которые позволяют «Я» сохранить целостность в силовом поле домена «Мы». Национальная идентичность, следовательно, — это доминирующая ипостась, возникающая, когда исторически

сложившийся альянс страт предлагает наиболее устойчивый и смыслополагающий канал для выражения этой энергии.

Количество ипостасей: индивидуальные пределы и критерии устойчивости

Количество ипостасей, которые личность может интегрировать в единую систему, практически определяется двумя факторами:

- сложностью жизненного мира: разнообразием контекстов, ожиданий и культурных кодов [541];
- ёмкостью рефлексивного сознания: способностью индивида к самонаблюдению и управлению внутренними процессами [739].

Критическим критерием является не число ипостасей, а способность системы поддерживать переговорный процесс между ними. Когда сложность превышает ресурсы индивида, наступает ролевое перенапряжение [138] и возникает «ипостасная фрагментация». В этом состоянии взаимное согласование сменяется хаотическим переключением между изолированными частями «Я», что ведёт к личностным кризисам.

Архитектоника ипостасей: гармония, диссонанс и пределы сложности

Вопрос о комбинациях ипостасей выводит нас на проблему внутренней архитектоники идентичности — системы отношений между конфигурациями ядра, определяющей её жизнеспособность. Гармония здесь — это не отсутствие конфликта, а динамическое равновесие, обеспечивающее устойчивость при сохранении пластичности (58, 115].

1. Гармоничный кластер

Это констелляция ипостасей, взаимно усиливающих друг друга через синергию измерений ядра.

• Пример: кластер «Учитель — Родитель — Гражданин» [755].

• Механизм: общая ценность заботы и служения позволяет одной ипостаси подпитывать другие. Опыт родительства обогащает педагогическую практику, а воспитание ответственности в учениках укрепляет гражданскую позицию.

2. Дисгармоничный кластер

Характеризуется ценностным антагонизмом, ведущим к дезинтеграции.

• Пример: противоречие между ипостасью «Наёмного работника», занятого отчуждённым трудом [279, 462], и ипостасью «Творца», стремящегося к самореализации [282].

• Механизм: такой конфликт нельзя решить простым планированием. Он затрагивает ядерное противоречие между витальной необходимостью (выживание) и экзистенциальной потребностью (смысл), порождая экзистенциальный вакуум [456].

Практическое применение: диагностика и развитие архитектоники

Понимание архитектоники ипостасей открывает конкретные возможности для работы с личностью и обществом.

• Диагностика: создание методик анализа ипостасных кластеров (например, метод семантического дифференциала) для выявления ценностных дистанций и зон напряжения в идентичности.

• Психологическое консультирование: помощь в реструктуризации дисгармоничных кластеров через поиск объединяющих метаценностей или коррекцию жизненного пути.

• Педагогика: постепенное расширение репертуара ипостасей у детей с одновременным развитием рефлексии, необходимой для управления этой сложностью.

Архитектоника ипостасей — это тонко сбалансированная система. Гармония в ней достигается не за счёт упрощения личности, а через выстраивание синергичных связей между её различными проявлениями. Умение управлять этой архитектоникой — ключевой навык человека в сложном современном мире.

2.19. Нейробиологическая операционализация ипостаси: от методологического вызова к проверяемой модели

Внедрение концепции ипостаси как динамической конфигурации ядра идентичности сталкивается с фундаментальным методологическим вызовом: как отличить смену ипостаси от локального сдвига настроения, когнитивной установки или активации отдельного поведенческого скрипта? Без операционализации этот конструкт рискует остаться нефальсифицируемой метафорой. Современная нейронаука позволяет перевести понятие ипостаси в плоскость проверяемых гипотез, рассматривая её как системный переход в режиме функционирования организма.

1. Диагностические критерии: ипостасный переход как системная реконфигурация

• Гипотеза: ипостасный переход представляет собой когерентную реконфигурацию нескольких функциональных контуров одновременно. В отличие от локальных изменений, этот процесс характеризуется широтой и системностью

перестройки.

• Механизм: переход затрагивает минимум три взаимосвязанных уровня.

1. Ценностно-мотивационный: радикальная смена доминирующей иерархии мотивов (например, переход от вектора «забота/сопричастность» к вектору «достижение/агентность»).

2. Когнитивно-нарративный: реконфигурация фокуса автобиографической памяти и перспективы саморефлексии. Субъект не просто меняет оценку событий, но актуализирует иные фрагменты личного опыта [630].

3. Психомоторный и нейродинамический: изменение паттернов речи, невербалики, постурального контроля и глобальной архитектуры активности мозга.

• Способ проверки: анализ межуровневой когерентности. Смена настроения проявится как аффективная модуляция (изменение активности в миндалевидном теле или вентромедиальной ПФК) без системной перестройки когнитивных и моторных контуров. Ипостасный переход будет зафиксирован как одновременный статистически значимый сдвиг на всех трёх уровнях.

2. Психометрическая операционализация: ипостась как устойчивый аттрактор

• Гипотеза: ипостась является дискретным состоянием-аттрактором в динамической сети личностных конструктов.

• Механизм: с позиций теории психологических сетей, элементы самосознания — это узлы сети, а их связи — рёбра.

1. Флуктуация узла: кратковременное изменение уровня активации отдельного аффективного или когнитивного узла (например, временный всплеск тревоги), не меняющее общую структуру связей.

2. Формирование аттрактора: возникновение устойчивого кластера ко-активации специфического подмножества узлов с высокой плотностью связей. Этот кластер становится «гравитационным полем» (аттрактором), в которое стягиваются психические процессы в определённом контексте.

• Способ проверки: применение метода экологической мгновенной оценки (EMA) в сочетании с временным сетевым анализом. Ипостась будет выявляться не как среднее значение параметров, а как обнаружение дискретных, устойчивых во времени состояний сети, разделённых резкими фа-

зовыми переходами.

3. Нейродинамический субстрат: глобальная реконфигурация иерархии сетей

• Гипотеза: смена ипостаси характеризуется глобальной реконфигурацией иерархии крупномасштабных сетей мозга, в то время как смена настроения — лишь локальной модуляцией активности внутри текущей конфигурации.

• Механизм: ключевую роль играет сеть выявления значимости (Salience Network, SN), включающая переднюю островковую кору (insula) и переднюю поясную кору (ACC).

1. Интероцептивная интеграция: SN осуществляет мониторинг внутренних состояний и внешних вызовов.

2. Каскадная реконфигурация: обнаружив высокозначимый стимул (вызов из домена «Мы»), SN выступает в роли диспетчера. Она инициирует системную перестройку конфигурации, переключая ресурсы между сетью пассивного режима (DMN), ответственной за «образ Я», и центральной исполнительной сетью (CEN).

• Способ проверки: мультимодальная нейровизуализация (fMRI+EEG). Критерием ипостасного перехода будет служить резкая смена паттернов функциональной связности между DMN и CEN, опосредованная активностью SN.

4. Верификация на патологии: ригидность аттракторов при ДРИ

• Гипотеза: диссоциативное расстройство идентичности (ДРИ) является примером патологической ригидности и сегрегации ипостасных аттракторов.

• Механизм: при ДРИ формируются альтернативные, не сообщающиеся между собой конфигурации сетей (преимущественно DMN). Наблюдается функциональная блокировка сети значимости (SN), которая теряет способность обеспечивать гибкое переключение и интеграцию.

• Способ проверки: сравнительный анализ нейровизуализационных данных пациентов с ДРИ и здоровых добровольцев. У пациентов будет зафиксирована аномально высокая стабильность сегрегированных сетевых состояний и отсутствие плавных переходных процессов, характерных для нормальной текучести ипостасей.

5. Междисциплинарная исследовательская программа: маркеры и ограничения

Для перевода концепции в область строгой науки предлагается исследовательская программа, опирающаяся на три маркера ипостасного перехода.

1. Маркер широты: одновременная реконфигурация уровней от мотивации до моторики.

2. Нейродинамический маркер: глобальная перестройка иерархии крупномасштабных сетей мозга (SN-DMN-CEN).

3. Психометрический маркер: выявление устойчивого кластера ко-активации в динамической сети конструктов через временной анализ.

Методологические ограничения и границы применимости

• Ориентировочный характер методов: современные технические средства (fMRI, EMA) дают лишь приближённое представление о динамике аттракторов.

• Валидизация панелей: необходима разработка строго выверенных наборов личностных конструктов для различных культурных контекстов.

• Высокая размерность данных: анализ высокоразмерных временных рядов психофизиологических данных требует создания новых вычислительных алгоритмов.

• Экологическая валидность: лабораторные условия нейровизуализации (нахождение в томографе) существенно искажают естественный процесс смены ипостасей в реальной социальной среде.

Предложенная схема операционализации позволяет рассматривать ипостась не как умозрительную конструкцию, а как ключевую единицу анализа в нередукционистской модели идентичности. Это открывает путь к созданию проверяемой теории, где человек предстаёт как сложная динамическая система, постоянно трансформирующая свою внутреннюю архитектуру в ответ на вызовы мира.

2.20. Коллективные ипостаси и социальное проектирование

Концепт коллективной ипостаси логически развивает процессуальную модель идентичности, перенося её на надличностный уровень. Под коллективной ипостасью мы понимаем целостный, актуализированный способ бытия группы, который рождается из резонанса индивидуальных ипостасей её участников. Эта структура обладает эмерджентными свойствами, которые невозможно свести к простой сумме индивидуальных вкладов [113, 189]. Процесс её формирования подчиняется законам социальной синергетики [489], в которых «параметром порядка» выступает доминирующий смысловой паттерн группы.

Коллективная ипостась кристаллизуется при соблюдении трёх условий.

1. Экзистенциальный вызов или сверхзадача. Общая цель активирует у членов группы сходные измерения антропологического ядра (например, внешняя угроза мобилизует витальное измерение).

2. Ритмическая синхронизация. Она обеспечивается общими ритуалами, совместными практиками или единым медийным «видеопотоком» [232], создающим эффект сопричастности в реальном времени.

3. Нарративный каркас. Система смыслов, которая интерпретирует реальность и задаёт готовые ролевые модели (например, образы «осаждённой крепости» или «команды мечты»).

Диагностические маркеры того, что коллективная ипостась актуализирована

• Групповой «поток» [519]: ощущение спонтанного единства и полного погружения в совместную деятельность.

• Приоритет групповых целей: резкое снижение значимости личных интересов и индивидуальных различий.

• Психофизиологический резонанс: возникновение коллективного аффекта и синхронизированных невербальных паттернов (единый ритм, жесты).

• Специфический язык: мгновенное формирование уникального жаргона, метафор и символов, понятных только участникам группы.

Типология и живые примеры коллективных ипостасей

• Спортивная команда в игре. Личное мастерство участников сливается в эмерджентное «чувство команды», где игроки начинают понимать друг друга без слов.

• Нация в моменты кризиса. Разнородные ипостаси граждан (бизнесмена, учителя, рабочего) резонируют через обращение к архетипам ядра, образуя ипостась «единого народа-защитника», транслируемую через культуру и медиа.

• Корпоративная культура. Формирует ипостась «настоящего сотрудника», которая ассимилирует личные качества, задавая общие стандарты мышления и эмоциональных реакций [521].

Коллективная ипостась, подобно индивидуальной, имеет свои границы и подвержена конфликтам. Её целостность поддерживается через следующие механизмы.

• Целенаправленная ритуализация. Регулярные праздники, корпоративные события и ритуалы побед, укрепляющие солидарность.

• Нарративный менеджмент. Постоянное воспроизводство ключевых мифов и историй успеха, подпитывающих ипостась смыслами.

• Институт «хранителей». Выделение лидеров и наставников, ответственных за трансляцию и защиту норм группы.

• Групповая рефлексия. Стратегические сессии и мозговые штурмы, укрепляющие общее смысловое поле через взаимное согласование.

Практическое применение в социальном проектировании

Концепция коллективной ипостаси превращается в мощный инструмент управления социальными трансформациями.

- В государственном управлении: проектирование ДНИ через культивирование созидательных образов (например, «нация-инноватор») вместо реактивных моделей.
- В корпоративном менеджменте: осознанное формирование культуры как живой системы, способной решать стратегические задачи через резонанс сотрудников.
- В международных отношениях: стимулирование транскультурных ипостасей (например, «коллективный защитник климата») для решения глобальных проблем.

Данный подход позволяет перейти от манипуляций массами к осознанному взращиванию продуктивных форм коллективного бытия. Он открывает путь к социальной организации, основанной на резонансе и свободном диалоге, а не на принуждении.

2.21. Проект «Экологии Ипостасей»: методология и технологии социальной имплементации

Концепция ипостаси, пройдя путь от теоретического конструкта до инструмента анализа социальных процессов, обретает практическое измерение в виде масштабного проекта — создания «Экологии Ипостасей». Этот проект представляет собой системный подход к проектированию социальной среды, где право на внутреннюю множественность признаётся и защищается, а искусство осознанного взаимного согласования становится ключевой гражданской и личностной компетенцией. Его реализация предполагает внедрение комплекса взаимосвязанных методологий и социальных технологий.

1. Ипостасная грамотность: образовательный фундамент

Данное направление нацелено на формирование у индивида способности к рефлексивному управлению собственной идентичностью. Его теоретической основой выступают работы по психологии рефлексии [526] и метакогниции [452], получившие развитие в современных методах метако-

гнитивного тренинга.

Практическая реализация включает следующее.

• В общеобразовательных программах: введение модулей по «картографии ипостасей», обучающих подростков распознаванию своих ключевых конфигураций, их ценностных ядер и потенциальных зон конфликта.

• В корпоративном секторе: тренинги по управлению ролевой гибкостью и профилактике выгорания через технику «ипостасного планирования».

• Диагностический инструментарий: разработка стандартизированных опросников (например, «Психосемантический профиль ипостасей»), позволяющих визуализировать индивидуальную конфигурацию.

2. Контекстный дизайн: архитектура социальных ниш

Этот принцип предполагает целенаправленное проектирование физической и институциональной среды, обеспечивающей «экологические ниши» для безопасной актуализации различных ипостасей. Опираясь на теорию аффордансов [130] и принципы социального проектирования [274], направление реализуется через следующее.

• Урбанистическое планирование: создание гибких пуб-

личных пространств (коворкинги, семейные клубы, дискуссионные зоны), архитектурно побуждающих к смене поведенческих паттернов.

• Институциональный дизайн: реформа организационных структур, позволяющая сотрудникам легитимно актуализировать разные ипостаси в рабочем процессе (например, через «дни профессионального развития» или «часы социальной ответственности»).

• Цифровые платформы: разработка социальных сетей нового поколения, где профиль пользователя представляет не единую личность, а реестр его ключевых ипостасей с различными уровнями доступа и коммуникативными стратегиями.

3. Переговорные платформы: инфраструктура диалога

Ключевой технологией является создание многоуровневых структур, обеспечивающих переход от конфронтации идентичностей к переговорному процессу между ипостасями. Теоретической основой служат модели трансформативной медиации [89] и теория коммуникативного действия [483].

Практическое воплощение включает в себя следующее.

• Семейные консультации: методики, где семейный конфликт переформулируется как столкновение ипостасей (на-

пример, «гиперответственного родителя» и «творческого бунтаря»), что позволяет найти компромисс на уровне ценностных ядер.

• Межкорпоративные альянсы: создание форматов для диалога, где представители компаний работают не с позициями, а с актуальными ипостасями («новатор», «хранитель стандартов»), что ускоряет поиск синергетических решений.

• Международные отношения: разработка дипломатических протоколов, предполагающих предварительную идентификацию ипостасей, которые стороны намерены актуализировать на переговорах (например, «стратегический партнёр» против «защитника национальных интересов»).

Ипостасная медиация: технология разрешения конфликтов

Ипостасная медиация представляет собой специализированную технологию, где медиатор помогает сторонам идентифицировать актуализированные в конфликте ипостаси, эксплицировать их ценностные ядра и выстроить между ними коридор взаимного согласования. Процесс включает четыре стадии.

1. Картографирование: выявление и вербализация конфликтующих ипостасей.

2. Герменевтика ядра: глубинный анализ ценностных ос-

нований каждой ипостаси.

3. Поиск метапозиции: совместный поиск интегративной платформы для диалога.

4. Проектирование сосуществования: разработка правил и ритуалов взаимодействия.

Кейс: межконфессиональный диалог

Рассмотрим традиционный конфликт между «православной» и «мусульманской» идентичностями. В обыденном сознании он часто видится как столкновение двух монолитных систем. Однако в парадигме ДНИ конфликт переводится в плоскость согласования между конкретными ипостасями: «Верующий, стремящийся к миру» и «Хранитель традиции».

Такой подход позволяет:

• сузить поле конфликта, отделив непримиримые доктринальные различия от потенциальных зон согласия;

• апеллировать к общим ценностям ядра (мир, уважение к предкам, забота о сообществе);

• открыть путь к совместным действиям (благотворительность, экологические инициативы), где эти ипостаси могут синергировать, не требуя конфессионального единства.

Преимущество подхода ДНИ становится очевидным при

сравнении с традиционными методами. Если классическая медиация работает с позициями (требованиями), а переговоры — с интересами, то ипостасная медиация работает с ценностными основаниями идентичности. Это позволяет найти устойчивые решения, основанные не на компромиссе интересов, а на координации фундаментальных экзистенциальных установок.

Реализация проекта требует решения ряда методологических задач: разработки валидизированных панелей конструктов, преодоления вычислительных сложностей при анализе высокоразмерных временных рядов и создания экологичных условий для нейровизуализации. Тем не менее концепция ипостаси предлагает новый аналитический инструментарий для управления сложностью в условиях социальной разнородности.

Развитие «Экологии Ипостасей» знаменует переход от парадигмы управления к парадигме культивирования сложности. Это проект общества, где целостность личности и коллектива достигается через осознанное управление внутренней многомерностью в непрерывном процессе взаимного согласования. Это путь к социальному порядку, который является не застывшей структурой, а живым, динамическим и обучающимся организмом.

2.22. Ипостась как эволюционный ответ на вызовы антропологического кризиса

Способность к ипостасной гибкости сама по себе является продуктом эволюции, позволившим человеку как виду адаптироваться к разнообразным экологическим и социальным нишам. Однако современный мир, и в особенности тотальная цифровизация, создал беспрецедентное давление на этот механизм. Мы сталкиваемся с тремя критическими вызовами.

1. Ускорение: социальные контексты сменяются с такой скоростью, что механизм осмысленной реконфигурации ипостаси не успевает за ними, что приводит к фрагментации личности.

2. Гибридизация сред: стирание границ между онлайн и офлайн создаёт сложные контексты, для которых у ядра часто нет готовых, аутентичных ипостасей. Это порождает глубокие контекстуальные конфликты.

3. Алгоритмическая манипуляция: цифровые платформы навязчиво активируют и усиливают одни ипостаси (например, «потребителя» или «возмущённого пользователя»), подавляя другие, что ведёт к дисбалансу и нарушению целост-

ности.

Разработанная концепция ипостаси представляет собой не только теоретический прорыв, но и необходимый эволюционный ответ на системный вызов, стоящий перед идентичностью в эпоху глобальной турбулентности. Её фундаментальное значение заключается в том, что всё многообразие ипостасей имеет единый источник — нередуцируемое антропологическое ядро, сформированное в ходе длительной биосоциальной эволюции. Этот проект наследует ключевую культурную традицию преодоления животного начала через сознательное самосозидание.

Онтологическое единство в эпистемологическом многообразии

Укоренение в едином, исторически сложившемся ядре — с его витальным, ценностным, родовым и экологическим измерениями — обеспечивает аутентичность любой ипостаси. Профессионал, родитель, гражданин или сетевой актор — всё это лишь различные способы актуализации одного и того же человеческого «Я» в меняющихся контекстах.

Это онтологическое единство служит страховкой от постмодернистского распада идентичности на множество не связанных между собой симулякров. Мы предлагаем сдвиг: от маски к ипостаси. В отличие от маски, скрывающей подлин-

ное «Я», или роли, навязанной извне, ипостась является осознанным и активным способом бытия. Это не бегство от себя, а обогащение собственной природы через раскрытие её многообразных потенциалов. Такой подход снимает противоречие между целостностью личности и её социальной множественностью.

Ипостась как инструмент гуманизации и безопасности

Способность осознанно применять различные ипостаси в реальной жизни является практическим инструментом гуманистической эволюции. Она позволяет:

• Трансформировать инстинкты: переводить автоматические реакции в осознанные, ценностно-опосредованные действия.

• Преодолевать эгоцентризм: принятие собственной множественности открывает путь к пониманию сложности Другого. Эмпатия и диалог становятся возможными только там, где признаётся право на многомерность.

• Созидать гармонию: социальный порядок строится не через унификацию, а через сложноорганизованное многообразие, где взаимное согласование между ипостасями становится основой сотрудничества.

В условиях цифровизации ипостасная компетентность становится вопросом антропологической безопасности. Это стратегия сохранения человеческого в человеке, включающая:

• Противодействие атомизации: осознание общности ядра с другими людьми укрепляет чувство домена «Мы».

• Защиту от манипуляции: рефлексия позволяет распознавать попытки навязать извне чуждые ядру конфигурации поведения.

• Адаптацию без потерь: целенаправленное конструирование новых ипостасей (например, «цифрового аскета») позволяет осваивать новые реалии, сохраняя идентичность.

Концепция ипостаси знаменует переход от человека адаптирующегося к человеку сознательно творящему. Это мировоззренческий ориентир, предлагающий каждому стать активным участником эволюции, в которой развитие обеспечивается не подавлением сложности, а искусным управлением ею.

Человек, опираясь на своё глубокое, эволюционно сформированное ядро, перестаёт быть игрушкой в водовороте цифровых бурь. Он становится их архитектором, обеспечивая переход от Homo Sapiens к новой антропологической зрелости в эпоху Homo Digitalis.

Антропологический проект «Ипостась» — тезисы и перспективы

Мы надеемся, что предлагаемая концепция ипостаси как антропологического проекта найдёт своё место в современном интеллектуальном ландшафте. В отличие от трансгуманистических проектов, направленных на преодоление человеческой природы через технологическую конвергенцию, и от постмодернистского релятивизма, растворяющего идентичность в потоках дискурсов, наша модель предлагает путь имманентного развития — углубления и обогащения самой человеческой природы через осознанное культивирование её внутренней сложности. Её ключевое преимущество перед классическим гуманизмом заключается в отказе от наивного представления о единой, монолитной сущности «Я» и переходе к сложной, но когерентной модели динамической идентичности, адекватной вызовам современности.

Этическое измерение архитектоники ипостасей

В рамках нашей модели нравственность не является внешним предписанием, а пронизывает саму архитектонику идентичности. Диалог между ипостасями имеет не только функциональное, но и аксиологическое (ценностное) из-

мерение.

Вопросы природы и генезиса нравственности и морали представляют собой обширное поле многовековых философских, теологических и социобиологических дискуссий, лежащее за пределами настоящего исследования. Наша задача существенно уже: в рамках анализа архитектоники ДНИ и механизмов взаимодействия ипостасей нам требуется рабочее, функциональное определение, позволяющее операционализировать эти понятия.

Мы предлагаем рассматривать нравственность/мораль как эмерджентный системный механизм, возникший в результате эволюционного компромисса между потенциалом индивидуального «Я» и императивами коллективного «Мы». Его ключевая функция — снижение социальной энтропии (хаоса) и оптимизация общих ресурсов через установление нормативных рамок, обеспечивающих предсказуемость взаимодействий и устойчивость общества как сложной системы.

В классической философской и филологической традициях границу между этими понятиями можно сформулировать так.

• Нравственность (от рус. «нрав», характер, Personal morality) — это внутренние, неформализованные принципы, убеждения и ценности человека. Она основана на совести, воспитании и традиции. Это «мораль в действии» на лич-

ностном уровне.

• Мораль (от лат. mores — нравы, обычаи) — это внешняя, общественная, более формализованная система норм, запретов и предписаний. Это совокупность правил, часто выраженная в религиозных заповедях, законах или общественном мнении.

В контексте нашего исследования ДНИ, где ключевым процессом является взаимное согласование на границе «Я» и «Мы», это разграничение теряет свою аналитическую ценность. Мы рассматриваем мораль и нравственность как единый интегральный механизм координации.

Продуктивный переговорный процесс, направленный на нахождение когерентной конфигурации, по определению является ненасильственным и ориентированным на сохранение целостности ядра. Напротив, подавление одной ипостаси другой или отчуждённое исполнение роли — это формы деструктивного взаимодействия, ведущие к деградации системы. Таким образом, нравственным является сам процесс, поддерживающий жизнеспособность всей системы идентичности.

Источником нравственных ориентиров выступают не внешние догмы, а глубинные измерения самого антропологического ядра. Ценностно-смысловое измерение задаёт вектор на поиск справедливости и истины, родовое — ответственность и преемственность, экологическое — соли-

дарность со всем живым. Нравственность проявляется в том, насколько конфигурации ипостасей согласованы с этими фундаментальными векторами. В рамках данной модели аморальное поведение интерпретируется как системный сбой: либо результат деструктивного компромисса, либо следствие доминирования ипостасей, не связанных с ядром.

Потенциальные ограничения и институциональные механизмы их преодоления

Реализация проекта сопряжена с вызовами, которые требуют продуманных решений.

1. Риск когнитивной перегрузки. Сознательное управление множеством ипостасей требует высокого уровня рефлексии.

Решение: разработка щадящих педагогических практик и создание цифровых сред-ассистентов для поэтапного введения в ипостасную грамотность.

2. Вызов социальной верификации. В обществе, ориентированном на простые идентификаторы, внутренняя сложность личности может не получать признания.

Решение: пропаганда модели через культуру и образование, развитие новых социальных институтов, признающих многомерность человека.

3. Опасность инструментализации. Концепция может быть редуцирована до техники манипуляции.

Решение: создание системы институциональных фильтров. Академическое сообщество должно разработать критерии аутентичности, а медиа — сформировать запрос на глубокое самосозидание, а не конформные паттерны.

Ипостась как инструмент гуманизации

Способность формировать и гармонично применять различные ипостаси позволяет:

- трансформировать инстинктивные реакции в осознанные действия;
- преодолевать эгоцентризм, так как принятие собственной множественности открывает путь к пониманию сложности Другого;
- созидать социальную гармонию через сложноорганизованное многообразие, где диалог становится основой сотрудничества.

Развитие концепции ипостаси знаменует переход от человека адаптирующегося к человеку сознательно творящему. Это мировоззренческий ориентир, предлагающий каждому стать активным участником гуманистической эволюции, где устойчивость обеспечивается не подавлением сложности, а искусным управлением ею. «Экология Ипостасей» — это проект общества, которое является не застывшей структурой, а живым, динамическим и обучающимся организмом.

2.23. Синтез теоретических оснований: модель ДНИ как интегративный подход

Проведённый анализ ведущих теоретических парадигм, объясняющих феномен идентичности, выявил их сильные стороны и системные ограничения. Как было показано, каждая из рассмотренных теорий схватывает лишь отдельный аспект сложного многомерного процесса формирования ДНИ, однако ни одна не предлагает исчерпывающей многоуровневой модели. Для преодоления этой фрагментации необходим интегративный подход, представленный в данной работе.

Методологическая матрица ДНИ

Принципиальное отличие и научная новизна предлагаемого подхода заключаются в системном объединении всех ключевых уровней анализа — от микросоциального до макросоциального — в единую полносвязную динамическую систему. ДНИ понимается не как простая совокупность элементов, а как сложная иерархическая система. Сравнительный анализ предлагаемой модели с существующими теоретическими подходами представлен в Таблице 2–14.

Таблица 2–14. Сравнительный анализ теоретических подходов к изучению идентичности.

Аспект авторской модели	Аналоги в литературе	Модель ДНИ: отличие и новизна
Уровень «Я-Мы» (Внутридоменная связь)	Социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман), теория социальной идентичности (Г. Тэшфел, Дж. Тёрнер).	Онтологизируется «Я», вводится понятие антропологического ядра с чёткими измерениями (телесное, родовое и т. д.). Это не просто процесс, а процесс, имеющий устойчивую основу.
Уровень «Мы—Мы» (Междоменная связь)	Теория множественных идентичностей, теория кросс-категоризации (Б. Эшфорт).	Процесс согласования идентичностей концептуализируется не как хаотичный, а как структурированное взаимодействие в рамках системной матрицы, что открывает путь к формальному моделированию.
Уровень «Институты-Домены»	Неоинституционализм (П. Димаджио, У. Пауэлл), теория структурации (Э. Гидденс).	Предложен операционализируемый инструмент — институционально-доменная матрица (8x8), которая позволяет наглядно картографировать зоны влияния, конфликта и вакуума.
Уровень «Институты-Институты»	Неоинституционализм (борьба за легитимность), сетевой анализ (межинституциональные альянсы).	В отличие от классического подхода, где организационное поле часто считается заданным, модель ДНИ показывает, как это поле конфигурируется в реальном времени в результате конкуренции институтов за влияние на домены идентичности.
Сквозной принцип: Negotiation	Символический интеракционизм (Г. Блумер), теория negotiated order (А. Страусс).	Масштабирование принципа. Negotiation становится системообразующим принципом всех уровней системы: от внутреннего диалога до конкуренции между институтами.
Главное отличие модели в целом	Большинство существующих теорий фокусируются на одном-двух уровнях.	Модель является полносвязной и иерархической. Она синтезирует микро-, мезо- и макроуровни в единую схему, где сквозным механизмом взаимодействия на всех уровнях выступает процесс Negotiation.

Как наглядно демонстрирует таблица, модель ДНИ не отрицает достижения предшествующих теоретических направлений, а осуществляет их синтез на новом системном уровне. В отличие от классических подходов, фокусирующихся на частных аспектах идентичности, наша модель обеспечивает:

• полноту охвата — интеграцию микро-, мезо- и макроуровней анализа в рамках единого исследовательского поля;
• единство методологического принципа — применение Negotiation как универсального механизма координации на всех этажах системы;
• операционализируемость — возможность перевода теоретических конструктов в инструменты конкретного эмпирического исследования (например, через сетевой анализ).

Предложенная интегративная модель с её четырьмя векторами связей создаёт исчерпывающий каркас для анализа ДНИ. Её архитектура представляет собой не просто набор элементов, а систему координат для исследования идентичности, где каждый уровень анализа находит своё законное место и взаимосвязь с другими уровнями. Это позволяет преодолеть традиционную фрагментацию исследований и создать целостную объяснительную модель, адекватную сложности её предмета в условиях цифровой эпохи.

2.24. Процессуальная модель ДНИ: динамика и поля напряжённости

Статическая архитектоника доменов «Я» и «Мы» обретает свою полную объяснительную силу только при переходе к анализу динамических процессов, происходящих в пространстве между ними. Если структурная модель демонстрирует «анатомию» идентичности, то процессуальный подход раскрывает её «физиологию» — живую, пульсирующую ткань непрерывного становления.

Идентичность не существует как застывшая конструкция или раз и навсегда заданная субстанция — она постоянно производится, воспроизводится и трансформируется в точках напряжённого взаимодействия её структурных компонентов. Эти точки формируют поля напряжённости — зоны максимальной концентрации смысловых, ценностных и аффективных противоречий, где разворачивается ключевой процесс Negotiation — перманентного согласования и взаимного опосредования. Именно в этих полях происходит «работа идентичности» — её постоянная сборка и пересборка в ответ на вызовы внешней среды и внутренние противоречия.

Внутридоменные напряжения: конфликт оснований

Процесс Negotiation происходит не только между доменами, но и внутри них, создавая сложную систему напряжений, которые служат источником трансформации. Эти напряжения коренятся в самой природе человеческого бытия и социальной организации.

Динамика напряжений в домене «Я»

Антропологическое ядро, при всей своей онтологической устойчивости, отнюдь не является монолитом. Это поле перманентного внутреннего диалога, образующее шесть ключевых осей напряжения.

1. «Я — воплощённый» (телесность) vs «Я — верующий/ищущий» (трансценденция).

Противоречие между духом и плотью. Телесное измерение с его биологическими императивами и смертностью постоянно напоминает о материальной обусловленности [285]. С другой стороны — стремление к поиску смысла, выходящего за пределы биологии [456]. Пост или целибат — это институционализированные формы Negotiation этого напря-

жения.

2. «Я — из рода» (предопределённость) vs «Я — верующий/ищущий» (свобода выбора).

Родовое измерение задаёт матрицу унаследованной идентичности и долга перед предками [46]. Однако потребность в самостоятельном поиске смыслов [413] часто побуждает к выходу за эти пределы. Это порождает феномен «разрыва с верой отцов», становясь источником как личных драм, так и культурных инноваций.

3. «Я — воплощённый» (биофизическое) vs «Я — часть природы» (экосистемное).

Особую остроту в эпоху антропоцена приобретает конфликт между потребностями отдельного тела в комфорте и экологическим сознанием, которое осознаёт вред многих антропоцентрических практик [249]. Разрешение этого напряжения ведёт к формированию нового типа экологической субъективности.

4. «Я — из рода» (частная лояльность) vs «Я — часть природы» (планетарная солидарность).

Конфликт масштабов ответственности. Родовая идентичность предписывает лояльность «своим» (семье, этносу), что часто реализуется через экологически разрушительные практики потребления. Экологическое «Я» осознаёт ответ-

ственность перед планетой и будущими поколениями [750]. Это напряжение проявляется, когда активизм направлен против интересов собственной семьи или локального сообщества.

5. «Я — воплощённый» (индивидуальная телесность) vs «Я — из рода» (трансгенерационное тело).

Конфликт между личным опытом своего тела и его восприятием как носителя родовых черт. Личное отношение (желание изменить внешность через татуировки или пластику) может вступать в конфликт с восприятием тела как символа преемственности поколений. Переживание генетического риска также может ощущаться как унаследованная «родовая судьба».

6. «Я — верующий/ищущий» (трансценденция) vs «Я — часть природы» (имманентность).

Глубочайшая философская дилемма. Религиозные традиции часто основаны на «усмирении плоти» и преодолении природного начала. В противоречии с этим находится экологическое сознание, утверждающее священность самого материального мира [605]. Забота о «спасении» планеты вступает в напряжённые отношения с ориентацией на потустороннее спасение души.

Динамика напряжений в домене «Мы»

Домен «Мы» представляет собой арену конкурентной борьбы между различными проектами коллективности. Шесть ключевых осей отражают основные линии социального размежевания современности.

1. «Мы — народ» (этнокультурное) vs «Мы — нация» (гражданско-политическое).

Центральное напряжение современных обществ. Этнокультурная страта апеллирует к «крови», языку и исторической памяти [389]. Гражданская страта основывается на субъективном выборе и разделении правовых норм, объединяя граждан общим будущим [15]. Это проявляется в дискуссиях вокруг миграционной политики («право крови» vs «право почвы»).

2. «Мы — народ/нация» (горизонтальная солидарность) vs «Мы — коллеги, класс» (вертикальный интерес).

Национальная идентичность предполагает равенство всех перед лицом нации. Однако социально-профессиональная страта создаёт вертикальную логику, основанную на экономических интересах и классовой солидарности [87]. В периоды кризисов классовые интересы могут вступать в открытый конфликт с лояльностью национальному сообществу.

3. «Мы — народ/нация» (территориальность) vs «Мы — комьюнити» (сетевая делокализация).

В условиях цифровизации территориальный принцип традиционных наций сталкивается с делокализованными формами принадлежности [220]. Сетевая страта создаёт формы лояльности поверх границ, что ставит под вопрос возможность существования классической национальной идентичности, привязанной к земле.

4. «Мы — коллеги, класс» (материальный интерес) vs «Мы — комьюнити» (ценностная общность).

Конфликт двух типов солидарности: профессиональной (профсоюзы, корпорации) и ценностной (мировоззрение, стиль жизни). Конфликт возникает, когда поддержка коллег своей корпорации вступает в противоречие с обязательствами перед сетевым сообществом единомышленников (например, экологических активистов).

5. «Мы — народ» (культурная исключительность) vs «Мы — комьюнити» (культурный космополитизм).

Столкновение партикуляристской и универсалистской логик. Страта «народа» защищает уникальность и культурные границы. Сетевое «комьюнити» исповедует космополитизм и гибридность, легко заимствуя коды из разных источников. Это проявляется в спорах о культурной апроприации

и защите национального канона.

6. «Мы — нация» (политический суверенитет) vs «Мы — коллеги, класс» (экономическая глобализация).

Противоречие между суверенитетом государства и транснациональными экономическими потоками. Интересы глобального бизнес-класса (офшоризация капитала) часто противоречат фискальным интересам национального государства, а решения международных корпораций определяют судьбы работников на другом конце света.

Эти внутридоменные напряжения составляют «исходный код» и энергетический потенциал для последующего диалога. Устойчивость ДНИ обеспечивается не через статичность, а через развитую способность к постоянной рефлексивной пересборке в поле перманентного конфликта оснований. Принятие собственной множественности открывает путь к пониманию сложности Другого.

Междоменное напряжение: Поле «Я+Мы» как зона синтеза

Помимо частных напряжений по конкретным осям, существует фундаментальное, метанапряжение между доменами «Я» и «Мы» как целостными, сложноорганизованными системами. Это напряжение неустранимо, так как оно возни-

кает из самой их онтологической природы.

• Домен «Я» неизменно стремится к аутентичности, сохранению уникальности и поиску личного, экзистенциального смысла.

• Домен «Мы» тяготеет к интеграции, унификации, поддержанию коллективной солидарности и институциональной стабильности.

Пространство, где это метанапряжение находит своё разрешение (всегда временное и частичное), и есть поле «Я +Мы». Именно здесь разворачивается Negotiation — не как разовый акт, а как перманентная «пульсация» идентичности. Это поле не является просто зоной контакта; это основное пространство формирования целостной идентичности, в котором происходит сборка ипостасей, способных примирить внутренний запрос ядра с императивами социальных страт.

Результатом этого сложного диалога становится ДНИ — динамическое состояние, которое позволяет личности оставаться собой, будучи частью целого, и позволяет обществу сохранять единство, не подавляя многообразия составляющих его субъектов. Здесь признание сложности Другого становится не просто этическим жестом, а необходимым условием устойчивости всей системы.

Схема 1

Схема 1 репрезентирует базовую структуру модели ДНИ в виде методологически неизбежного упрощения — плоскостной и статической схемы. Важно подчеркнуть, что она служит исключительно задачам первичной схематизации и наглядного представления ключевых элементов и векторов их взаимодействия. Онтологический статус реального объекта моделирования — многомерной, динамической и нелинейной системы — принципиально не сводим к двумерной плоскости.

В рамках данной визуализации два фундаментальных домена, «Я» (антропологическое ядро) и «Мы» (страты при-

надлежности), представлены как взаимодействующие целостности. Зона их пересечения образует пространство «Я +Мы», в котором под влиянием внешних социальных институтов протекают процессы Negotiation.

Результатом этих процессов выступают конкретные ипостаси, то есть ситуативные конфигурации идентичности. Отдельно следует отметить роль метаинститутов, оказывающих трансформирующее воздействие не на содержание, а на саму структуру взаимодействия между доменами.

Критика визуальной метафоры и переход к динамической модели

Использование метафоры пересекающихся сфер, полезной на этапе первичного ознакомления, требует чёткого методологического ограничения. Недопустимо проецировать на эту схему понятия физической мерности (объёма или площади) в силу трёх фундаментальных причин, связанных с самой природой моделируемых феноменов.

1. Природа «размеров»: от пространственной метрики к интенсивности значимости

Базовое ограничение визуализации заключено в онтологическом несовпадении понятия «размера». В геометриче-

ской аналогии размер — это объективная, пространственная и метрически единая величина. В модели ДНИ то, что условно именуется «размером», представляет собой интенсивность — комплексный параметр, описывающий значимость, актуальность и энергетическую заряженность элемента.

Эта интенсивность контекстуальна (зависит от обстоятельств), не имеет универсальной метрики (несопоставима между разными порядками реальности, как, например, профессиональная страта и экзистенциальное измерение) и обладает двойной, субъективно-объективной природой. Таким образом, редукция интенсивности к физическому объёму представляет собой категориальную ошибку.

2. Нелинейность и взаимовлияние: от статики к динамике

Визуальная метафора имплицитно предполагает линейность и аддитивность: изменение одного элемента ведёт к пропорциональному и предсказуемому сдвигу другого. Реальная динамика модели ДНИ описывается законами нелинейной системы с обратными связями. Процесс идентичности — это не перемещение границ статичных фигур, а нелинейная перекачка энергетических потенциалов между всеми элементами системы.

Это находит выражение в следующих ключевых эффек-

тах.

• Резонансное усиление: незначительное изменение интенсивности одного элемента инициирует лавинообразную переконфигурацию всей системы.

• Компенсация и замещение: ослабление одной связи компенсируется усилением других, что позволяет сохранять целостность системы при глубокой внутренней трансформации.

• Нелинейный порог («эффект последней капли»): система сохраняет устойчивость при постепенном изменении параметров, но претерпевает скачкообразный переход (бифуркацию) при достижении критического значения.

3. Отсутствие единого масштаба

Любая попытка найти общую «единицу измерения» для сопоставления интенсивности телесного измерения и, к примеру, сетевой страты, обречена на провал. Они принадлежат к несводимым друг к другу системам координат. Визуальная метафора — сугубо дидактический инструмент, подлежащий «снятию» по мере усвоения структурной логики.

Архитектура динамики: структурная мерность и энергетическая интенсивность

Для построения адекватного аналитического языка необходимо различать два онтологически разнородных свойства системы, образующих каркас динамической модели.

1. Структурная мерность (размерность): качественный, дискретный параметр, образующий инвариантный каркас. Четыре измерения «Я» и четыре страты «Мы» составляют структурную размерность системы, фиксированную в парадигме сложного общества. Изменение этой размерности означало бы не эволюцию, а глобальный цивилизационный сдвиг.
2. Интенсивность (энергетический потенциал): количественный, непрерывный параметр, описывающий степень актуальности конкретного измерения или страты в данный момент. Именно вариативность интенсивностей создаёт пространство возможностей для динамики и Negotiation.

Таким образом, система сохраняет структурное постоянство (неизменность архитектуры), но демонстрирует высокую динамику интенсивностей своих элементов. В этой логике домен «Я» предстаёт как конфигуратор с регуляторами интенсивности, домен «Мы» — как поле с каналами об-

ратной связи разной силы сигнала, а идентичность — как процесс непрерывной настройки, «пульсация», а не фиксированное состояние.

Процессуальная природа идентичности раскрывается в двух типах динамики.

• Динамика общей зоны («Я+Мы»): определяется эффективностью Negotiation, расширяясь в периоды релевантности социальных «ответов» экзистенциальным «вопросам» и сужаясь в моменты кризиса легитимности и отчуждения.

• Динамика отдельных элементов: проявляется в контекстно-зависимом изменении интенсивности. Например, в условиях пандемии наблюдается резкий рост значимости телесного измерения и гражданской страты при одновременном снижении веса профессиональной и сетевой страт.

Метрики системы «Я-Мы» и аксиоматика границ

Операционализация модели ДНИ требует введения метрик для измерения интенсивности взаимодействий между элементами «Я» и «Мы» и чёткой аксиоматики границ, определяющей пределы устойчивости системы.

Для адекватного описания модели необходимо использовать два типа метрик, не сводимых друг к другу.

1. Метрика интенсивности связи (шкала 0–1)

• Объект измерения: степень актуальности и значимости конкретного измерения «Я» или страты «Мы» в процессе Negotiation в данный момент времени.

• Применимость: единая шкала применима только к связям между элементами в зоне «Я+Мы». Она фиксирует силу влияния конкретного элемента на текущую сборку идентичности.

• Пример: интенсивность связи с профессиональной стратой может быть близка к 1 во время рабочей презентации и снижаться до 0,2 в период отпуска.

2. Метрика внутренней сложности (бескачественная)

• Объект измерения: внутреннее содержание, структура и энергетический потенциал самого элемента.

• Применимость: данный параметр не может быть описан единой шкалой 0–1. Для измерений «Я» это качественное, феноменологическое наполнение; для страт «Мы» — институциональная и дискурсивная сложность.

• Пример: внутренняя сложность профессиональной страты врача с её этическим кодексом и многолетними протоколами предельно высока, в то время как сложность страты родителя участника классного собрания — минимальна.

Критическое уточнение: внутренняя энергия элемента

нелинейно связана с его интенсивностью связи. Слабая связь (0,2) с мощной, сложной стратой может оказывать более глубокое влияние на идентичность, чем сильная связь (0,9) с простой и ситуативной стратой.

Для операционализации динамических процессов в модели ДНИ вводится аксиоматика границ интенсивности взаимодействий (от 0 до 1) между элементами системы «Я-Мы».

• Нижняя граница (0): маркирует состояние полного отсутствия связи. Для измерения «Я» это означает нерефлексивность или вытеснение; для страты «Мы» — тотальное отчуждение и отрицание легитимности.
• Верхняя граница (1): означает тотальное доминирование. Для измерения «Я» — это гиперинтенсивность, подавляющая иные измерения; для страты «Мы» — поглощение личности и утрата автономии «Я».

В работающей системе идентичности ни одна величина не может быть абсолютно равна 0 или 1. Абсолютный 0 означал бы полный разрыв связи, что эквивалентно исчезновению элемента из системы. Абсолютная 1 подразумевала бы тотальное доминирование одного элемента, что привело бы к системному сбою.

Рабочая область любого элемента расположена в открытом интервале (0, 1). Достижение граничных значений рас-

сматривается как патология, ведущая к распаду идентичности. Зона пересечения («зона идентичности») существует в режиме динамического равновесия, асимптотически приближаясь к пределам, но принципиально не достигая их. Это обеспечивает системе необходимую устойчивость при сохранении пластичности.

Онтологические границы элементов: необходимость и проблема

Чёткое разграничение измерений «Я» и страт «Мы» является теоретическим идеалом, тогда как на практике наблюдается континуум взаимопроникновения.

• Границы измерений «Я». Являются условными и действуют по принципу полупроницаемых мембран. Например, хроническая физическая боль (телесное измерение) неизбежно влияет на смысложизненные ориентации (экзистенциальное измерение).

• Границы страт «Мы». В условиях современности эти границы размыты. Профессиональная этика может вступать в противоречие с гражданским долгом, что делает страты пересекающимися полями.

Методологически целесообразнее говорить не о границах-барьерах, а о фокусах интенсивности. Каждый элемент

представляет собой кластер специфических переживаний, практик и дискурсов. Он обладает собственным центром, но его периферийные области активно взаимодействуют с другими кластерами системы.

Модель как симулятор идентичности

В итоге модель ДНИ предстаёт как сложная система, определяемая двумя типами параметров:

- структурные элементы (4 измерения ядра и 4 страты домена «Мы»), каждый из которых обладает уникальным качественным наполнением;
- динамические переменные (интенсивности связей в диапазоне 0–1), описывающие вклад этих элементов в текущий процесс Negotiation.

В этой оптике идентичность предстаёт как траектория в многомерном пространстве состояний — процесс непрерывной настройки и перераспределения энергетических потенциалов под воздействием внешних и внутренних вызовов (Negotiation). Такой подход окончательно превращает модель из статической таксономии в работающий аналитический инструмент — симулятор идентичности. Он позволяет различать потенциал элемента (его внутреннюю сложность) и его актуальное проявление (интенсивность связи) в кон-

кретный момент времени сборки ипостаси.

Содержание метанапряжений

Содержательным ядром процессов Negotiation, протекающих в этом динамическом пространстве, является система фундаментальных метанапряжений. Они возникают между разнонаправленными императивами доменов «Я» и «Мы» и структурируют поле идентичности.

• Автономия vs Принадлежность: целостность «Я» отстаивает свою суверенность и право на самоопределение [351], в то время как целостность «Мы» требует от индивида подчинения личных целей задачам коллективного выживания и развития. Поле «Я+Мы» — это поиск такой формы принадлежности, которая не уничтожает автономию, а обогащает её через связь с другими.

• Аутентичность vs Признание: «Я» как целое стремится к жизни в соответствии с внутренними убеждениями и глубинными основаниями самости [484]. «Мы» предлагает (или навязывает) социально одобряемые идентичности, требующие признания со стороны Другого [513]. В поле «Я+Мы» индивид ищет способ получить признание сообщества, не утрачивая чувства аутентичности, находя формы самовыражения, которые отвечают внутренней правде и получают со-

циальное подтверждение.

• Нестабильность vs Стабильность: динамическая, текучая природа «Я» (его способность к изменению и росту через внутренние Negotiation) сталкивается с консервативной инерцией домена «Мы», стремящегося к воспроизводству устойчивых норм, образцов и границ коллективной идентичности.

Проявление и разрешение метанапряжений в поле «Я+Мы»

Метанапряжение проявляется как фоновое чувство «нестыковки» между «тем, кем я себя ощущаю» и «тем, кем меня видят и хотят видеть другие». Это экзистенциальное напряжение представляет собой постоянный фон самоощущения субъекта в социальном мире.

Разрешение этого напряжения происходит не через упрощённый выбор между «Я» и «Мы», а через сложную работу по созданию персонального синтеза. Этот синтез — не компромисс, а рождение нового качества, в котором:

• Индивид пропускает элементы «Мы» через призму своего «Я», делая их своими. Например, гражданские ценности принимаются не как внешнее предписание, а как личное

убеждение, осмысленное в контексте собственного жизненного опыта.

• Субъект находит в коллективных проектах «Мы» ресурсы для собственного развития и новые языки самоописания. Коллективные нарративы и символы становятся материалом для построения уникальной личной истории.

• Создаётся индивидуальный паттерн принадлежности, где разные аспекты «Я» находят выражение в разных стратах. Так, «Я — воплощённое» может быть связано с «Мы — народом» через телесные практики, «Я — верующий» — с транснациональным сообществом единоверцев, а «Я — часть природы» — с глобальным экологическим движением. В совокупности это образует специфическую, динамическую национальную идентичность.

Пример: художник, чьё «Я» требует свободного критического высказывания и эстетического эксперимента (автономия, аутентичность), сталкивается с ожиданиями «Мы» в лице культурного истеблишмента, требующего произведений, соответствующих канонам «национального стиля» (принадлежность, признание).

В поле «Я+Мы» он не просто выбирает между бунтом и конформизмом. Он может найти «третий путь»: создать работу, которая через язык рефлексии говорит о подлинной связи с национальным сообществом и его противоречиями. Таким образом, его «Я» находит способ быть признанным

«Мы», не предавая себя, а обогащая домен «Мы» новым измерением.

Поле «Я+Мы» — это не статичная зона, а динамический процесс синтеза. ДНИ рождается именно здесь — как уникальный, постоянно обновляемый результат Negotiation между стремлением «Я» остаться собой и потребностью «Мы» включить субъекта в свою структуру.

2.25. Институциональное опосредование Negotiation

Институты (семья, государство, образование, религия, экономика, медиа, наука и цифровая среда) не являются нейтральным фоном. Это активные силы, которые структурируют поля напряжённости, выступая одновременно арбитрами, катализаторами и участниками процессов Negotiation. Их взаимодействие с доменами «Я» и «Мы» образует третий уровень анализа ДНИ.

Перед анализом конкретных полей напряжённости необходима методологическая оговорка: институты являются универсальными структурными элементами, но их влияние гетерогенно. Интенсивность и модальность воздействия каждого института вариативны и культурно специфичны. Институты функционируют в исторически сложившихся конфигурациях, где их системный вес постоянно перераспределяется.

Факторы вариативности институционального влияния

1. Тип общества (сакральное vs секулярное): в теократическом государстве институт религии конституирует право

и мораль, тогда как в светском — выступает частной сферой, ограниченной законом. Это принципиально разные механизмы воздействия на домен «Я».

2. Исторический контекст и травма: в постколониальных обществах институт образования может восприниматься как инструмент экспансии, что меняет логику Negotiation. В культурах, переживших репрессии, институт государства вызывает априорное недоверие, искажая процессы легитимации страт «Мы».

3. Конфигурация институтов: сильный институт семьи может замещать функции социального государства. В иных контекстах цифровая среда выступает как «антиинститут», подрывая монополию традиционных структур на производство смыслов.

4. Степень автономии индивида: в коллективистских культурах давление домена «Мы» (рода, общины) на «Я» первичнее воздействия абстрактного государства. В индивидуалистических обществах субъект склонен к прямому диалогу с институтом, минуя промежуточные страты.

Представленный ниже анализ следует рассматривать как инвариантную матрицу возможных напряжений. Её конкретное наполнение (доминирующие институты, уязвимые измерения ядра, легитимные страты) всегда требует учёта культурно-исторического контекста. Методология ДНИ фиксирует не готовые ответы, а универсальные точки бифур-

кации, обеспечивая необходимую аналитическую гибкость.

1. Напряжение «Я» ↔ институты: вызов аутентичности

Это напряжение возникает, когда формализованные предписания институтов вступают в противоречие с внутренней конфигурацией домена «Я», провоцируя конфликт между его измерениями. Институт задаёт правила, которые делают невозможной одновременную реализацию разных сторон личности, вынуждая субъекта делать болезненный выбор.

• Семья: конфликт между измерением «Я — из рода» (семейные традиции, ожидания) и индивидуальными устремлениями «Я — верующий/ищущий» (духовные поиски) или «Я — воплощённый» (выбор, связанный с телесностью).

• Государство: напряжение между измерением «Я — воплощённый» (телесная автономия) и административными категориями (воинская обязанность, медицинские предписания). Конфликт «Я — верующий/ищущий» (совесть, пацифизм) с гражданскими обязанностями.

• Образование: противоречие между измерением «Я — часть природы» (экологическое сознание) и утилитарной парадигмой программ. Конфликт «Я — из рода» (язык, семейная история) с унифицирующей функцией массового обуче-

ния.

• Религия: напряжение между измерением «Я — воплощённый» (репродуктивный выбор, телесность) и конфессиональными запретами. Конфликт личного духовного опыта («Я — верующий/ищущий») с догматическими рамками и иерархией.

• Экономика: противоречие между «Я — часть природы» (ценности устойчивости) и императивом бесконечного роста. Конфликт «Я — верующий/ищущий» (этические принципы) с расчётливой логикой рынка.

• Медиа: напряжение между реальным опытом «Я — воплощённый» (здоровье, индивидуальная красота) и стандартизированными образами успеха. Конфликт частной памяти («Я — из рода») с упрощёнными медийными нарративами.

• Наука: противоречие между «Я — верующий/ищущий» (интуитивное знание, метафизика) и сциентистской картиной мира. Конфликт субъективного переживания боли («Я — воплощённый») с деперсонализированным дискурсом медицины.

• Цифровая среда: напряжение между «Я — часть природы» (потребность в физическом контакте) и виртуализацией опыта. Конфликт реального уязвимого тела («Я — воплощённый») с безупречным «цифровым двойником».

В этом Negotiation индивид либо маскирует часть своего «Я», либо вступает в открытый конфликт с институтом, либо

находит нишевые пространства для самореализации.

2. Напряжение «Мы» ↔ институты: борьба за легитимность

Это поле определяет, какие проекты коллективной идентичности получают ресурсы и статус, а какие маргинализируются.

• Семья выступает агентом легитимации этнокультурной страты («Мы — народ»), транслируя язык и традиции как естественные модели поведения.

• Государство конструирует гражданско-национальную страту («Мы — нация») через право, символическую политику (гимн, флаг) и систему воспитания.

• Образование — стратегическое поле столкновения этнокультурных («родной язык») и гражданских («обществознание») проектов.

• Религия может как укреплять этнокультурную страту (связывая веру с этничностью), так и создавать наднациональные версии «Мы» (христианство, умма).

• Экономика структурирует социально-профессиональную страту («Мы — коллеги, класс») через корпоративную культуру и профстандарты, определяя идентичность через доход и статус.

• Медиа служат полем артикуляции для всех страт, выдви-

гая на первый план определённые версии «Мы» в зависимости от политического заказа или редакционной политики.

• Наука формирует универсалистское «Мы» научного сообщества, которое может конфликтовать с национальными или этническими стратами в вопросах истории и происхождения человека.

• Цифровая среда порождает сетевую страту («Мы — комьюнити»), предоставляя инфраструктуру для формирования децентрализованных сообществ.

В данном Negotiation одни страты получают институциональную поддержку и становятся «официальными», другие же вытесняются в сферу протестного или субкультурного.

3. Напряжение Я+Мы ↔ институты: поле конечной сборки

Итоговая конфигурация ДНИ, рождённая в поле Я+Мы, проходит окончательную проверку на жизнеспособность со стороны институциональных систем.

• Семья может как способствовать синтезу, интегрируя новые элементы в общий нарратив, так и отвергать гибридную идентичность своих членов при смене ими веры или взглядов.

• Государство через миграционное и семейное право про-

веряет на прочность гибридные идентичности, вынуждая бинациональные семьи делать выбор в пользу одной из национальных страт.

• Экономика через рынок труда принимает или отвергает синтез профессиональной идентичности («Мы — коллеги») с этическими ценностями («Я — верующий/ищущий»). Появление «зелёных» вакансий или увольнения за гражданские высказывания — примеры этого Negotiation.

• Цифровая среда позволяет создавать новые гибриды (диаспоральные сети), но одновременно подвергает их алгоритмическому контролю и риску фрагментации.

Кейс: учёный-эколог в глобальной корпорации

• «Я» ↔ институты: его измерение «Я — часть природы» входит в конфликт с политикой корпорации (экономика), нацеленной на прибыль. Этические принципы («Я — верующий/ищущий») сталкиваются с юридическим обязательством скрыть экологический ущерб (государство).

• «Мы» ↔ институты: его принадлежность к страте «Мы — коллеги» (наука) подавляется корпоративной иерархией и коммерческой тайной (экономика).

• «Я+Мы» ↔ институты: синтез научной идентичности («Мы — коллеги») и гражданской позиции («Мы — нация») наталкивается на отсутствие легитимных форм. Его увольняют за нарушение этики, но не принимают в госструктуры

как «неудобного» сотрудника.

Следовательно, институты являются не просто фоном, а конституирующим элементом ДНИ. Каждый из них по-своему структурирует Negotiation, определяя, какие синтезы «Я» и «Мы» являются легитимными, а какие — маргинальными. Анализ ДНИ требует учёта этой институциональной матрицы, где личный экзистенциальный опыт и властные порядки находятся в процессе постоянного согласования.

2.26. Онтологические основания и институциональное опосредование ДНИ

В условиях нарастающей социальной сложности и цифровизации классические теории, трактующие идентичность как статичную субстанцию или набор социальных ролей, демонстрируют свою методологическую исчерпанность. Они оказываются неспособны описать, каким образом идентичность сохраняет целостность, оставаясь при этом принципиально динамичной. Возникает насущная потребность в новой модели, которая преодолела бы дихотомию «стабильное ядро / бесконечная текучесть».

Для ответа на этот вызов данная работа предлагает обратиться к онтологическим основаниям и институциональным механизмам ДНИ. Её архитектоника основана на двойном фундаменте: феноменологическом устройстве человека (антропологическое ядро) и институциональных системах, структурирующих его социальное бытие.

Ключевым методологическим шагом является переход от анализа статической структуры «Я» и «Мы» к процессуальной модели, где центральным оператором динамики выступает ипостась. Устойчивость ДНИ понимается нами не как прочность монолита, а как результат непрерывного процес-

са Negotiation между ипостасями — целостными конфигурациями ядра, актуализирующимися в диалоге с социальным контекстом.

Феноменологическая структура антропологического ядра: четыре измерения «Я»

Антропологическое ядро личности представляет собой сложный многомерный конструкт, состоящий из четырёх взаимосвязанных измерений. Каждое из них вносит уникальный вклад в формирование человеческой субъектности и обеспечивает преемственность в условиях социальных трансформаций. Именно из конфигурации этих измерений рождаются конкретные ипостаси идентичности — устойчивые способы бытия личности в различных социальных контекстах.

Генезис ипостаси является двухфазным процессом.

1. Виртуальная фаза. Первичным источником выступает само антропологическое ядро. В результате внутреннего Negotiation между измерениями «Я» рождается «сырая», виртуальная конфигурация — потенциальная ипостась.

2. Актуальная фаза. Своей полной реализации ипостась достигает только в диалоге с доменом «Мы». Внешний социальный контекст (страты, институты) выступает катализа-

тором и селективной средой: он провоцирует актуализацию одних потенциалов, подавляет другие и придаёт им конкретную социальную форму.

Четыре фундаментальных измерения антропологического ядра

1. Гендерно-телесное измерение. Раскрывает телесность как фундаментальный способ бытия-в-мире [285]. Тело — это «воплощённое сознание», через которое человек конституирует свой жизненный опыт. Эта укоренённость служит материальной основой для формирования ипостасей, определяя способы присутствия человека в социальных практиках.

2. Родовое/семейное измерение. Образует первичную онтологическую матрицу субъектности, где возникает отношение «Я — Ты» [81]. Оно порождает базовые ипостаси родственной принадлежности и включает три уровня:

- биографический: формирование «внутреннего ландшафта» памяти через историю семьи [19];
- культурно-исторический: трансляция традиций и обычаев («цепь памяти» М. Хальбвакса [490]);
- символический: семейные нарративы и мифы, конституирующие групповую идентичность.

3. Экзистенциально-веровательное измерение. Обеспечивает смысложизненные основания существования [456]. Оно определяет ценностную ориентацию различных ипостасей, создавая аксиологический каркас для их иерархизации в структуре личности.

4. Экологическое измерение. Выражает глубокую взаимозависимость человека и природных систем [751]. Данное измерение формирует ипостаси экологического сознания, становящиеся критически значимыми в условиях экологического кризиса.

Измерения антропологического ядра не изолированы, а находятся в постоянном внутреннем взаимодействии. Однако сами ипостаси актуализируются как целостные конфигурации лишь в процессе Negotiation с доменом «Мы». Это обеспечивает системе «Я+Мы» одновременную устойчивость и контекстуальную пластичность.

2.26.1. Ипостась как оператор динамической связи «Я» и «Мы»

Антропологическое ядро — это устойчивая система, которая не проявляется в социальном мире напрямую. Его актуальными формами бытия становятся ипостаси. Если ядро

выступает как потенциал и источник устойчивости, то ипостась — это его воплощение в конкретном социальном контексте.

Ипостась — это целостная конфигурация ядра, актуализированная в процессе Negotiation между его внутренними измерениями и внешним социальным контекстом (доменами «Мы»). Это не внешняя роль, которую «надевают», а способ бытия, который человек проживает изнутри.

Механизм формирования: в ответ на вызов ситуации (профессиональной, семейной или гражданской) ядро не просто «включает» одну из своих черт, а производит сложную реконфигурацию всех измерений. Например, ипостась «Гражданин» — это не механическая активация ценностей. Это специфический сплав телесного опыта (участие в митинге), родовой памяти (историческая ответственность) и экологического сознания (защита парка).

Благодаря такой сборке ядро гарантирует аутентичность личности: человек остаётся собой, а не становится отчуждённым исполнителем роли.

Связь с доменами «Мы»

Каждая ипостась, сформированная в ответ на социальный вызов, становится уникальной точкой входа в коллективное измерение:

• через актуализацию ипостаси «Профессионал» человек входит в профессиональный домен «Мы»;
• через ипостась «Родитель» — в семейный домен «Мы».

Таким образом, ипостась — это индивидуально выкованный и подлинный способ присутствия внутри коллектива.

Функциональная роль

Ипостась выполняет функцию универсального оператора. Она обеспечивает динамическую связь между устойчивым антропологическим ядром и пластичными стратами социальной принадлежности. Через этот механизм осуществляется:

1. Непрерывный перевод коллективных требований в личностно-осмысленные формы бытия.
2. Воплощение глубинных оснований «Я» в социально значимых действиях и идентификациях.

Таблица 2–15. Ипостась как оператор динамической связи «Я» и «Мы».

Аспект	Определение	Функция	Пример
Онтологический статус	Актуальное воплощение ядра в конкретном социальном контексте.	Переводит потенциал ядра в актуальные формы бытия.	Ипостась «Гражданин» как воплощение связи с политическим сообществом.
Механизм формирования	Результат Negotiation между измерениями ядра и внешним контекстом.	Обеспечивает аутентичность и ситуативную адекватность.	Специфический сплав ценностного измерения с телесным опытом участия в митинге.
Связь с доменами «Мы»	Индивидуальный ключ к коллективному измерению.	Обеспечивает вход в соответствующий домен «Мы».	Активация ипостаси «Профессионала» → вход в домен профессионального «Мы».
Динамический характер	Временная и ситуативная конфигурация.	Поддерживает пластичность идентичности.	Гибридизация ипостасей (70% «Профессионала» + 30% «Родителя» при работе из дома).

2.26.2. Диалектика «Я» и «Мы»: онтологическая взаимозависимость

Отношение между «Я» и «Мы» — это не просто оппозиция, а сложная диалектическая взаимосвязь, функционально опосредованная ипостасями. «Я» не существует до и вне «Мы», но конституируется через отношения с Другим. Как отмечал М. М. Бахтин, «Я» обретает себя только через Другого — в диалогическом отношении, которое реализуется путём актуализации конкретных ипостасей [36].

Онтологическая первичность «Мы»

Индивидуальное сознание всегда погружено в интерсубъективный контекст. Язык, культура, социальные нормы — всё это дано индивиду как априорные структуры «жизненного мира» [150]. Эти структуры усваиваются через формирование соответствующих ипостасей.

Нередуцируемость «Я»

Несмотря на формирование в интерсубъективном пространстве, индивидуальное сознание сохраняет способность к критической рефлексии, творчеству и сопротивлению. Это достигается путём реконфигурации ипостасного состава личности.

Двунаправленная динамика единства

Диалектическое единство «Я» и «Мы» проявляется в двух встречных процессах.

• От «Я» к «Мы»: индивидуальное сознание входит в коллективное не целиком, а через конкретную ипостась, которая служит смысловым фильтром.

• От «Мы» к «Я»: коллективные нормы и практики усваиваются через интернализацию, становясь новыми потенциальными ипостасями.

Процесс индивидуации (становления «Я») одновременно является процессом социализации (интеграции в «Мы»). В этой системе ипостаси служат операторами взаимного перевода. Такая взаимозависимость создаёт основу для формирования сложных коллективных идентичностей в рамках ДНИ.

2.26.3. Внутренняя динамика ипостасного ансамбля

Внутренний мир личности представляет собой не иерархию, а «полифонию» [37] равноправных ипостасей. Их взаимодействие может принимать различные формы, образуя континуум от полной комплементарности до острого конфликта (Таблица 2–16).

Таблица 2–16. Типология взаимодействия ипостасей в структуре ДНИ.

Тип взаимодействия	Характеристика	Механизм Negotiation	Последствия для целостности ДНИ
Гармоничная интеграция	Нормы и ценности различных ипостасей взаимно усиливают друг друга.	Синергетический резонанс, взаимодополнение.	Усиление системной устойчивости, формирование непротиворечивой идентичности.
Прагматическое сосуществование	Нейтральное отношение ипостасей друг к другу, контекстное переключение.	Компартментализация, ситуативная актуализация.	Поддержание динамического равновесия без существенного качественного развития.
Конфликтное взаимодействие	Ценностное или нормативное противоречие между ипостасями.	Конкурентная борьба, требующая разрешения.	Риск кризиса идентичности; потенциал для качественной трансформации через разрешение противоречия.

Как демонстрирует Таблица 2–16, смена ипостасей представляет собой нелинейный процесс, описываемый в терминах теории динамических систем. Переходы могут быть плавными или скачкообразными (бифуркациями), а сами ипостаси могут находиться в состояниях «гибридизации» (например, 70 % «Профессионала» и 30 % «Родителя» при работе из дома). Подобная динамика адекватно описывается языком нечёткой логики [193].

Ответ на вопрос о том, каким образом различные ипостаси сосуществуют в рамках единого ядра и что определяет характер их взаимовлияния, лежит в плоскости анализа нелинейной динамики Negotiation. Именно этот внутренний диалог, протекающий в режимах гармонии, прагматического сосуществования или конфликта, позволяет индивиду дости-

гать временной или устойчивой гармонии между противоречивыми требованиями групповых принадлежностей.

Следовательно, пластичность и устойчивость ДНИ оказываются не противоположностями, а двумя сторонами одного процесса — постоянного процесса Negotiation между ипостасями, что и составляет ключевой механизм жизнеспособности идентичности в сложном мире.

2.26.4. ДНИ как переговорный процесс между ипостасями и доменами

Ключевой тезис заключается в том, что ДНИ возникает и существует как перманентный процесс напряжённых «переговоров» (Negotiation):

1. Внутри «Я»: Negotiation между измерениями антропологического ядра за формирование актуальной ипостаси.
2. Между «Я» и «Мы»: взаимодействие актуализированной ипостаси (как конфигурации «Я») с конкретными стратами домена «Мы».

Устойчивость ДНИ определяется не жёсткостью её структуры, а пластичностью и когерентностью этого двойного Negotiation. Кризис идентичности наступает тогда, когда механизм смены и согласования ипостасей даёт сбой, и конфликт между ними становится неразрешимым.

Данный процесс Negotiation является фундаментальным антропологическим механизмом. В нём индивидуальные экзистенциальные потребности, выраженные через ипостаси, сталкиваются с коллективными проектами и императивами доменов «Мы». В условиях позднего модерна идентичность становится рефлексивным проектом, требующим постоянного выбора [132]. В рамках модели «Я+Мы» этот проект понимается как постоянно осуществляемый диалог между глубинными основаниями человеческого «Я», актуализированными в ипостасях, и предлагаемыми ему коллективными формами «Мы».

Антропологическое ядро в этом процессе выступает как онтологический гарант субъектности. Его измерения образуют ту самую «субстанцию», которая сопротивляется тотальной диссолюции в социальных конструктах [434]. Это сопротивление не является пассивным; оно проявляется в том, что любые коллективные идентификационные проекты, чтобы быть устойчивыми, должны находить отклик и быть ассимилированы в одну из ипостасей ядра. Когда этого отклика не происходит, возникает феномен «отчуждённой идентичности», ведущий к аномии [189].

Домен «Мы», в свою очередь, представляет собой поле коллективного действия. Социальные институты выступают ключевыми акторами, предлагающими, усиливающими или ослабляющими те или иные страты принадлежности [87]. Именно на этом уровне формируются конкретные конфи-

гурации национальной идентичности, которые могут быть более этнокультурными или более гражданско-политическими.

Таким образом, когда мы говорим о динамической национальной идентичности, мы подразумеваем не домен «Мы» сам по себе, а сложное, подвижное состояние всей системы, возникающее в результате непрекращающегося процесса Negotiation внутри антропологического ядра («Я»), которое разворачивается в ответ на вызовы доменов «Мы» и результатом которого являются конкретные ипостаси.

2.26.5. Кризис идентичности как сбой в динамике ипостасей

Кризис ДНИ представляет собой не просто реакцию на внешние вызовы, а следствие глубинного системного сбоя в механизме генерации и согласования ипостасей. Если в нормальном режиме ипостаси находятся в состоянии динамического Negotiation, обеспечивая пластичность и когерентность «Я», то кризис наступает при распаде этой переговорной системы.

Такой сбой проявляется в двух основных формах.

1. Блокировка генерации новых ипостасей

Стремительные изменения в социальной среде (цифрови-

зация, геополитические сдвиги) приводят к появлению радикально новых контекстов внутри существующих доменов «Мы». При этом новый домен не возникает, но внутри привычной страты (например, сетевой или гражданской) меняется сам режим участия.

Примеры: жизнь в метавселенной или взаимодействие с ИИ-агентами (внутри цифровой страты); необходимость самоидентификации в условиях гибридной войны или глобального экологического кризиса (внутри гражданско-национальной страты).

Кризис возникает, когда антропологическое ядро не успевает или не способно произвести адекватную ипостась для взаимодействия с этим новым контекстом в рамках старого домена.

• Механизм кризиса: традиционные ипостаси (например, «гражданин-патриот» или «сетевой пользователь») оказываются неэффективными, так как не предоставляют готовых поведенческих и ценностных паттернов для навигации в новой реальности. Возникает «ипостасный вакуум» — состояние, когда запрос от домена «Мы» есть, а целостной, аутентичной конфигурации «Я» для ответа на него — нет.

• Результат: этот вакуум ведёт к дезориентации, экзистенциальной тревоге и отчуждению, так как индивид не может установить аутентичную связь с коллективным измерением своей жизни. Это состояние часто заполняется либо регрес-

сией к ригидным, догматическим ипостасям, либо конформным принятием навязанных извне упрощённых идентичностей.

2. Антагонистический конфликт конфигураций «Я»

Внутренний диалог сменяется конфронтацией, когда процесс Negotiation между измерениями антропологического ядра оказывается неспособным синтезировать целостную ипостась в условиях взаимоисключающих требований из разных доменов «Мы».

• Механизм конфликта: противостояние разворачивается не между ипостасями как таковыми; оно обусловлено попытками ядра одновременно актуализировать несовместимые конфигурации. Его измерения (ценности, телесность, родовая память) входят в антагонизм, делая целостную самоактуализацию невозможной. Например, ипостась «хранителя традиций», укоренённая в родовом и ценностном измерениях, требует одной линии поведения, а запрос цифровой среды на идентичность «сетевого актора» — прямо противоположной.

• Результат: это состояние, которое [547] определял как утрату «непрерывности и самотождественности Я», на уровне архитектоники ДНИ проявляется как коллапс целостно-

сти системы. Вместо кооперации элементы системы (измерения «Я») начинают работать друг против друга, порождая интенсивный когнитивный диссонанс, экзистенциальный стресс и дезинтеграцию идентичности.

Кризис идентичности — это не утрата некоего статичного «Я», а паралич его динамической способности к продуктивной реконфигурации. Задача формирования устойчивой ДНИ заключается в развитии инфраструктуры межипостасного диалога — способности системы поддерживать Negotiation даже в условиях радикальных противоречий. Устойчивость в эпоху перманентных изменений определяется не отсутствием конфликта, а качеством и непрерывностью процесса согласования ипостасей.

Диалектика «Я» и «Мы» представляет собой не простую оппозицию, но функциональное единство, опосредованное ипостасями. Данный анализ подводит нас к необходимости введения более высокого уровня абстракции — концепта «Я +Мы», который описывает это единство не как связь двух разнородных сущностей, а как целостное эмерджентное качество, обладающее собственными свойствами и функциями. Рассмотрение ДНИ через призму «Я+Мы» как первичной онтологической данности открывается в следующем разделе, завершая построение целостной онтологической модели идентичности.

Концепция ипостаси, являясь центральным оператором

динамики в модели ДНИ, формируется в результате критического осмысления и синтеза ключевых научных традиций. Следующая таблица систематизирует теоретические основания данного понятия, демонстрируя, как преодоление имманентных ограничений классических подходов позволяет сформулировать целостное понимание идентичности как процесса аутентичного и социально-релевантного бытия-в-мире.

Таблица 2–17. Концепция ипостаси в системе ДНИ: синтез научных традиций.

Теоретический источник	Ключевое заимствование (Согласование)	Преодоление ограничений (Отличие)	Вклад в концепцию ипостаси
Социология: Теория ролей (И. Гоффман)	Актуализация в социальном контексте; поведенческий аспект.	Преодоление понимания роли как «маски» или внешнего сценария, отчуждаемого от «Я».	Ипостась — не исполняемая роль, а способ бытия, неотделимый от аутентичного «Я» и рождённый из его антропологического ядра.
Социология: Структурация (Э. Гидденс)	Идея взаимовлияния агентности (индивида) и структуры (общества).	Преодоление макроуровневой абстрактности; отсутствие операционального механизма связи.	Ипостась выступает микроуровневым оператором структурации — конкретным механизмом Negotiation между «Я» и «Мы».
Психология: Теория самодетерминации (Р. Райан, Э Деси)	Связь аутентичного поведения с фундаментальными психологическими потребностями.	Преодоление диспозиционного подхода без структурной онтологии внутреннего мира.	Структурно-онтологическое обоснование: потребности операционализированы как «измерения» ядра, а их конфигурация — как ипостась.
Философия: Феноменология (М. Мерло-Понти)	Онтологический статус как «способа бытия-в-мире», идея воплощенного сознания.	Преодоление философской абстрактности и неоперационализируемости для эмпирического анализа.	Операционализация философской категории: «способ бытия» наделён конкретным механизмом формирования (Negotiation) и становится рабочей единицей анализа.
Синтез в модели ДНИ	—	—	Ипостась — актуальная конфигурация антропологического ядра, рождающаяся в процессе Negotiation с доменом «Мы» и выступающая аутентичным, воплощённым способом бытия в социальном контексте.

Представленный синтез позволяет утверждать, что ипостась — это не производное какой-либо одной дисциплинарной парадигмы, а интегральный концепт, операционализирующий процессуальную природу идентичности. Такой подход позволяет преодолеть традиционную дихотомию «субстанция vs конструкт», предлагая вместо этого модель управляемой динамики, где устойчивость антропологического ядра и пластичность его социальных воплощений не противоречат, а взаимно обусловливают друг друга. Это создаёт теоретический фундамент для анализа современных идентификационных процессов, характеризующихся высокой сложностью, конфликтностью и зависимостью от цифровой среды.

2.27. ДНИ как сложная адаптивная система: принципы и механизмы трансформации

Проведённый анализ полей напряжённости и процессов Negotiation позволяет осуществить методологически важный переход: от описания отдельных взаимодействий к пониманию ДНИ как сложной адаптивной системы. Её поведение не сводится к сумме отдельных актов, а подчиняется системным принципам, характеризующим нелинейную динамику и способность к качественным пересборкам.

Функционирование системы ДНИ определяется тремя фундаментальными принципами.

1. Нелинейность и emergent properties (возникающие свойства). Конфигурация ДНИ в любой момент времени является возникающим свойством (emergent property), которое нельзя предсказать напрямую из исходного состояния её компонентов. Незначительное изменение во внутренней конфигурации домена «Я» (например, экзистенциальная травма) или во внешнем контексте (политический кризис, технологический прорыв) может привести к качественной трансформации всей системы благодаря эффекту домино в сетях Negotiation. Это объясняет, почему схожие соци-

альные вызовы в разных контекстах порождают радикально различные формы национальной идентичности.

2. Принцип аутопоэзиса. Система ДНИ является самовоспроизводящейся [268]. Она использует внешние возмущения (глобализацию, миграцию) не как угрозу, а как ресурс для собственного обновления. Кризис идентичности в этой логике — не патология, а необходимое состояние, обеспечивающее адаптацию. Система перерабатывает «шум» в новые смыслы и модели.

3. Мультимасштабность и взаимовложенность. Процессы Negotiation протекают одновременно на трёх уровнях:

- микроуровень: внутренние конфликты и Negotiation между измерениями домена «Я»;
- мезоуровень: взаимодействие «Я» ↔ «Мы» и конкуренция страт внутри домена «Мы»;
- макроуровень: давление глобальных институтов и трендов.

Изменения на одном уровне влияют на другие, но не детерминируют их напрямую, что создаёт эффекты «запаздывания» и региональной специфики трансформаций.

Типология механизмов трансформации ДНИ

Трансформация системы осуществляется через несколько типовых механизмов. В основе предлагаемой типологии лежит концепция когнитивного развития Ж. Пиаже [333], дополненная теорией гибридизации Х. Баба [593] и теорией социального резонанса Х. Розы [360, 361].

• Механизм ассимиляции. Новые идеи или практики (например, цифровая этика) инкорпорируются в существующую конфигурацию ДНИ, не разрушая её основ. Происходит обогащение сложившихся моделей. Примеры: «экологический патриотизм» (забота о природе в дискурсе защиты родины) или «цифровой патриотизм» (поддержка национальных IT-продуктов).

• Механизм аккомодации. Встреча с вызовом, который невозможно ассимилировать (массовая миграция, технологическая революция), вынуждает систему пересматривать базовые принципы. Это часто ведёт к смене доминирующей страты в домене «Мы» — например, усилению гражданско-национальной страты («Мы — нация») в ущерб этнокультурной («Мы — народ») ради интеграции новых членов общества.

• Механизм гибридизации. Если ни одна из конкурирующих страт не одерживает победу, система порождает устой-

чивые гибридные формы. Это не временный компромисс, а новое качество. Пример — «транснациональная национальная идентичность» диаспор, сочетающая лояльность стране проживания с культурной памятью и практиками солидарности со страной происхождения.

• Механизм резонансной раскачки. Слабый, но повторяющийся сигнал (коррупционные скандалы, дискриминация) входит в резонанс с внутренними напряжениями в домене «Я» и конфликтами в домене «Мы». Накопление этой энергии трансформирует структуру ДНИ. Когда критическая масса индивидов пересобирает свои ипостаси вокруг нового нарратива (например, «Мы — нация обманутых» вместо «Мы — великий народ»), их коллективное действие приводит к кризису легитимности или смене режима.

ДНИ выступает не прямым агентом, а ключевым передаточным звеном, преобразующим внешние вызовы в новое коллективное действие.

Режимы функционирования системы

Нормальная динамика ДНИ предполагает циклическую смену трёх режимов.

1. Стабильный режим («Гомеостаз»). Negotiation протекает в рутинных, институционализированных формах (выбо-

ры, дебаты). Баланс между доменами и стратами устойчив, проблемы носят частный характер.

2. Кризисный режим («Бифуркация»). Интенсивность Negotiation резко возрастает, система теряет стабильность. Старые модели не работают, новые не сложились. Это период высокой турбулентности, но также и максимальной пластичности системы, открывающей «окна возможностей».

3. Трансформационный режим («Пересборка»). Система выходит на новый уровень организации. Новые гибридные формы идентичности и модели солидарности закрепляются в институтах и практиках. ДНИ обретает временную стабильность до следующего цикла.

Устойчивость ДНИ — это не статичность, а способность к постоянной рефлексивной пересборке. Любой кризис идентичности в этой модели является закономерной фазой, необходимой для нового синтеза.

Теоретико-методологические основания концепции: сетевая модель

Сформулированная модель является следствием «реляционного поворота» в социальных науках. Вместо субстанциональных моделей [15, 126, 505], представляющих идентичность как застывший конструкт с чёткими границами, предлагается реляционная парадигма.

В ней ДНИ концептуализируется как сложная, самоорганизующаяся сеть. Этот подход переносит фокус с элементов на паттерны связей. В рамках сетевой модели ДНИ — это непрерывный процесс Negotiation (взаимного ко-конструирования) между компонентами гетерархической структуры:

• Антропологическое ядро («Я») — онтологический фундамент, включающий четыре компонента: Телесность, Родовость, Веровательность и Экологичность. ядро само по себе является плотной сетью взаимовлияний этих элементов.
• Домены принадлежности («Мы») — институциональный каркас, включающий страты: семья, религия, образование, государство, экономика, наука, культура и цифровая среда. Каждая страта функционирует как автономный узел, генерирующий собственные значения.

Динамика ДНИ определяется плотностью и вектором связей как внутри ядра, так и между ним и стратами. Именно эти каналы коммуникации являются носителями Negotiation. Например, связь «Телесность ↔ Государство» реализуется через институты здравоохранения, а связь «Веровательность ↔ Наука» — через конкуренцию за объяснительные модели мира.

2.28. Онтологическое различение идентичности и ипостаси: стратегический и тактический уровни самоопределения в архитектонике ДНИ

Адекватный анализ ДНИ требует чёткого терминологического разграничения между устойчивыми структурными характеристиками и ситуативными формами их реализации. В рамках модели ДНИ фундаментальное значение имеет дифференциация категорий «идентичность» и «ипостась», которые соотносятся как интегральная траектория самоопределения и её операциональные единицы.

Следующая таблица систематизирует ключевые параметры этого различения, определяя онтологический статус, механизмы формирования и функциональные роли данных концептов в архитектонике ДНИ. Такой анализ позволяет преодолеть традиционное смешение стратегического и тактического уровней идентификации и создаёт основу для точного изучения процессов Negotiation между доменами «Я» и «Мы».

Таблица 2–18. Сравнительный анализ категорий

«Идентичность» и «Ипостась» в модели ДНИ.

Критерий	Идентичность (в контексте ДНИ)	Ипостась
Онтологический статус	Системное, эмерджентное свойство всей архитектоники «Я+Мы», комплексный результат.	Конкретная, актуальная конфигурация, оператор связи, единица динамики.
Уровень анализа	Макроуровень (итоговая характеристика системы).	Микроуровень (ситуативная единица поведения).
Локализация в ДНИ	Проявляется и существует как свойство всей системы в целом, нередуцируемое к отдельным элементам.	Формируется и актуализируется в момент взаимодействия (Negotiation) доменов «Я» и «Мы».
Процесс формирования	Длительный историко-биографический процесс кристаллизации, интеграция множества ипостасей в траекторию.	Ситуативный акт конфигурирования в ответ на вызов контекста.
Временной масштаб	Относительно устойчивая во времени траектория.	Временная, ситуативно ограниченная актуализация.
Структурная основа	Общая архитектоника и история взаимосвязей доменов «Я» и «Мы».	Конкретная комбинация измерений ядра и страт принадлежности в данный момент.
Стабильность	Обладает относительной устойчивостью и преемственностью.	Динамична, может быстро трансформироваться при изменении контекста.
Функциональная роль	Определяет общее направление и границы возможных self-трансформаций.	Обеспечивает конкретные поведенческие и идентификационные решения «здесь и сейчас».
Пример	«Российская идентичность» как комплексное, устойчивое явление.	Ипостась «гражданина-участника митинга» или «профессионала на удаленной работе» в конкретной ситуации.

В рамках модели ДНИ идентичность и ипостась соотносятся как стратегический и тактический уровни самоопределения. Если идентичность представляет собой относительно устойчивую траекторию существования в социальном про-

странстве, то ипостась выступает конкретным механизмом её ситуативной актуализации.

Идентичность формируется через последовательность ипостасей, каждая из которых оставляет след в общей архитектонике «Я+Мы». В то же время спектр возможных ипостасей ограничен сложившейся идентичностью. Это взаимовлияние обеспечивает как стабильность личности, так и её способность к адаптации в меняющихся социальных контекстах.

2.29. Интеллект как многоуровневый ресурс ДНИ: онтология и структура

Современные вызовы, стоящие перед национальными государствами — от цифровой трансформации и геополитической турбулентности до кризиса смыслов — выводят на первый план вопрос о качестве коллективного субъекта, способного давать на них адекватные ответы. Архитектоника такого субъекта в модели ДНИ представляется как сложная система, устойчивость которой обеспечивается непрерывным процессом Negotiation между «Я» и «Мы». Однако для перехода от структурного описания к управленческой практике необходимо идентифицировать ключевой ресурс, определяющий жизнеспособность системы в условиях нарастающей сложности. Таким фундаментальным ресурсом, онтологически встроенным в архитектонику ДНИ, является интеллект.

В контексте настоящего исследования интеллект понимается не редуцированно — как индивидуальное свойство, измеряемое коэффициентом IQ, — а как стратегический метаресурс нации, циркулирующий между уровнями её идентичности. Для реализации этого подхода необходимо дать операциональное определение интеллекту как многоуровневому эмерджентному ресурсу, функционирующему в трёхаспектной системе:

1. Биопсихологический потенциал домена «Я».
2. Институционально-культурный капитал домена «Мы».
3. Синергетический процесс коллективного разума в пространстве «Я+Мы».

Именно качество этого ресурса на всех трёх уровнях определяет потенциал для формирования «интеллектуального национализма» — проекта осознанной культивации ДНИ.

Уровневая реализация интеллектуального ресурса

Для операционализации понятия интеллекта в рамках модели ДНИ необходимо проанализировать онтологический статус и специфические функции каждого уровня его реализации.

1. Уровень «Я»: интеллект как биопсихологический потенциал

На данном уровне интеллект укорён в антропологическом ядре личности. Это свойство высокоорганизованной материи мозга, характеризующееся способностью к познанию, абстракции и адаптации. Потенциал имеет выраженную биологическую основу, что подтверждается исследованиями наследуемости когнитивных способностей [768] и нейро-

биологическими изысканиями в области нейропластичности [648].

В контексте ДНИ интеллект уровня «Я» представляет собой базовый потенциал системы. Его вариативность, обусловленная генетическими факторами и уникальным жизненным опытом, является источником инноваций, необходимых для сложной адаптации. Метафорически это «сырая мощность» нации, распределённая среди носителей её антропологического ядра.

2. Уровень «Мы»: интеллект как институционально-культурный капитал

Согласно концепции «расширенного разума» (extended mind), разработанной Э. Кларком и Д. Чалмерсом [229], когнитивные процессы могут разворачиваться с использованием внешних артефактов. На макросоциальном уровне интеллект воплощается в языке, институтах, библиотеках, алгоритмах и культурных традициях [701].

Этот распределённый интеллект образует институционально-культурный капитал домена «Мы» — коллективную «память» и «инструментарий» системы. Нация с развитыми университетами и эффективной правовой системой обладает значительно бóльшим капиталом, чем сумма потенциалов её граждан в отрыве от институтов. Этот уровень можно определить как «жесткий диск» и «программное обеспечение» нации.

3. Уровень «Я+Мы»: интеллект как эмерджентная синергия

Наиболее сложным уровнем является коллективный интеллект (collective intelligence), возникающий в пространстве «Я+Мы». Это эмерджентное свойство системы решать задачи, непосильные для любого из её членов в отдельности [838]. Он рождается в процессе продуктивного Negotiation — научного поиска, междисциплинарного синтеза и коллективного творчества.

Интеллект здесь — это атрибут самой связи. Его проявлениями становятся научные открытия в коллаборациях и способность общества к рефлексии в условиях кризиса. Метафорически это «процессор» и «операционная система», которые, используя «сырую мощность» («Я») и «программное обеспечение» («Мы»), производят новое знание.

Концепт «Я+Мы» как среда актуализации интеллекта

Пространство «Я+Мы» выступает единственной средой, где биопсихологический потенциал «Я» и капитал «Мы» синтезируются и преобразуются в высшую форму проявления мыслительных способностей нации.

- Обогащение «Я»: через язык [111], культуру и систему

образования [114] индивид получает когнитивные инструменты. Его разум «расширяется» за счёт ресурсов, циркулирующих в «Я+Мы».

• Рождение коллективного: это эмерджентное свойство социальной системы к прогнозированию и применению знаний. Оно материализуется в эффективности институтов и качестве публичной дискуссии [406].

• Экосистема интеллекта: качество среды «Я+Мы» (открытость, культура верификации и аргументации) напрямую определяет интеллектуальную конкурентоспособность нации.

Введение концепта «Я+Мы» позволяет перейти от анализа статичных компонентов к пониманию ДНИ как живой динамической целостности. «Я+Мы» — это не новый элемент, а системное качество, онтологически присущее ДНИ изначально.

Преодоление дихотомии «Я» и «Мы» в теории идентичности

Классические теории идентичности — от психосоциального подхода Э. Эриксона [547] до конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [46] — неизменно сталкивались с проблемой дуализма индивидуального и коллективного. В эпоху «текучей современности» [34] и алгоритмической опосредо-

ванности [195] этот раскол порождает тупик: идентичность либо редуцируется к изолированной субстанции «Я», либо растворяется в навязанных дискурсах «Мы».

Концепт «Я+Мы» преодолевает эту дихотомию. Это смыслогенерирующий контур всей системы ДНИ, онтологическое основание коллективного интеллекта и конечная цель проекта интеллектуального национализма.

Онтологический статус «Я+Мы»

Онтология «Я+Мы» описывается в парадигме теории сложных систем [58] и социальной синергетики [489] через атрибуты эмерджентности.

• Неаддитивность: «Я+Мы» ≠ «Я»+«Мы». Это новое качество, непредсказуемое при анализе отдельных элементов.

• Нелинейность: резонансный импульс (идея, произведение искусства) может породить масштабные трансформации, в то время как значительные ресурсы в дисфункциональной среде не дадут смыслового прироста.

• Контекстуальность: качество этого пространства зависит от исторического и институционального контекстов.

Ипостась является оператором, связывающим «Я» и «Мы», а «Я+Мы» — средой её функционирования. Как писал М. Бахтин [36], «быть — значит общаться диалогиче-

ски». «Я+Мы» и есть онтологическое поле этого диалогического бытия.

Функции и проявления «Я +Мы» в архитектонике ДНИ

Пространство «Я+Мы» выполняет ряд ключевых функций, обеспечивающих жизнеспособность системы.

1. Смыслогенез: здесь экзистенциальные поиски («Я — верующий/ищущий» [456]) встречаются с коллективными нарративами («Мы — народ»), образуя национальную идею. Идентичность формируется в «горизонте значимости» [413], который по своей сути интерсубъективен.

2. Коллективное творчество: высшие психические функции рождаются в сотрудничестве, в «зоне ближайшего развития» [114]. «Я+Мы» — это среда для «столкновения идей» [744], из которого рождается истина.

3. Социальный интеллект: способность нации к рефлексии и разрешению внутренних конфликтов через Negotiation. Качество публичной сферы и легитимность политических решений являются индикаторами состояния «Я +Мы».

4. Аутентичная солидарность: основана на взаимном признании («борьба за признание» [513]) и совместном проекте, что делает её более устойчивой, чем формы тоталитарной

интеграции.

Таким образом, базовой онтологической единицей анализа в нашей модели является динамическая система «Я +Мы». Именно эта связка выступает порождающей платформой идентичности — пространством, в котором антропологическое ядро обретает социальную форму, а коллективные страты наполняются личностным смыслом.

2.30. Патологии пространства «Я +Мы»: диагностика кризиса ДНИ

Дисфункции в пространстве «Я+Мы» являются источником системных кризисов ДНИ. Можно выделить три основных типа патологий, нарушающих архитектонику идентичности.

1. Коллапс в «Я» (Атомизация и социальная аномия).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.